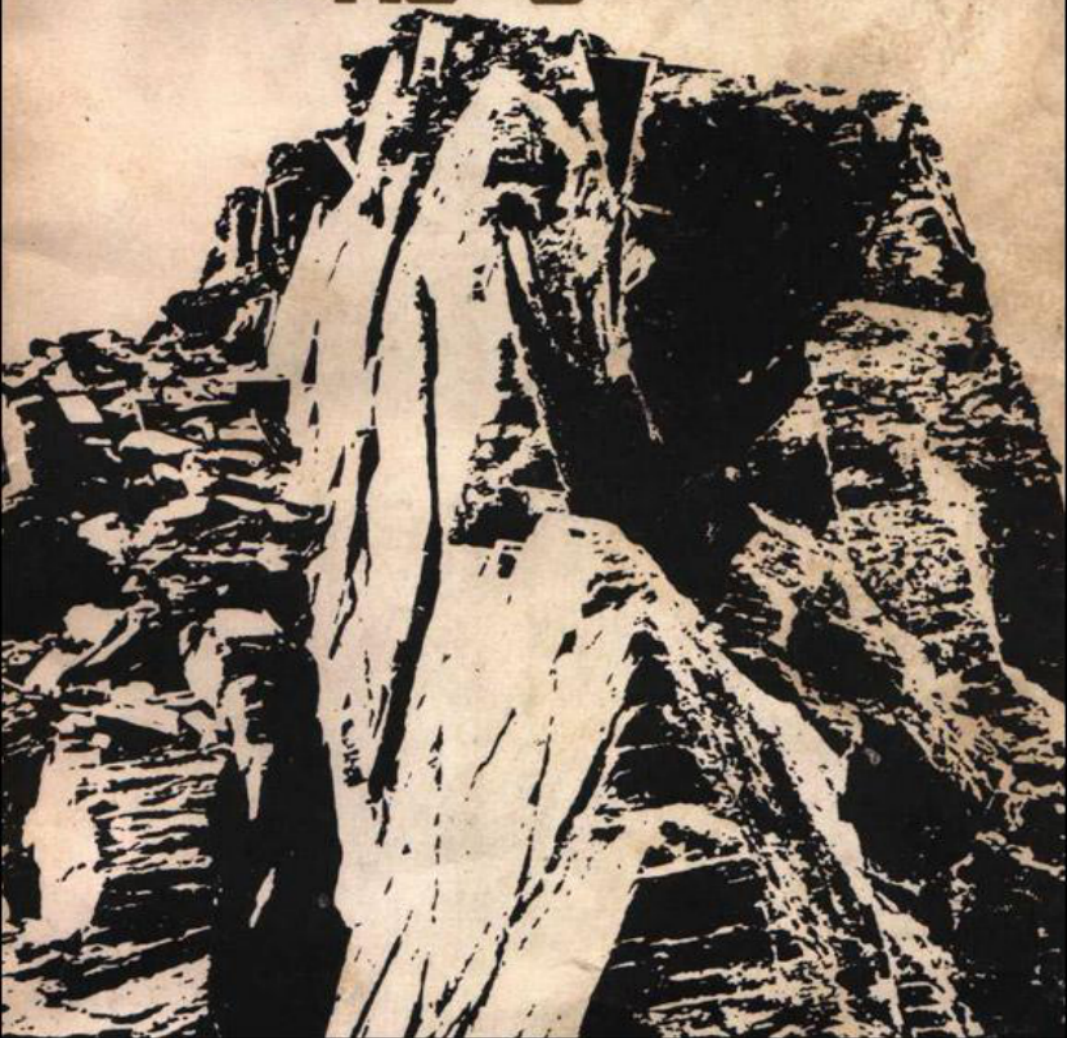

МАКС
ЗЙЗЕЛИН

НЕИЗВЕДАННЫЙ ГИНДУКУШ

SHOUT
SHARE **IT**

Annotation

Это не только книга о трудном, мужественном и увлекательном альпинистском спорте, о романтике первовосхождения на еще не покоренные высочайшие горные вершины. Это также книга об Афганистане, о сравнительно мало исследованных районах Бадахшана и Вахана, об их суровой и по-своему яркой природе и, конечно, немного о людях, населяющих этот соседний с Памиром высокогорный край.

«В июне 1963 года было создано Швейцарско-Гималайское общество и в этом же году была запланирована и осуществлена первая швейцарская экспедиция в Гиндукуш. Вначале никто не верил в успех этого смелого предприятия. Теперь экспедиция, впервые успешно покорившая в напряженной борьбе с природой и человеческими слабостями по пяти-, шести-, семитысячнику в диких горах Гиндукуша, после четырехмесячного отсутствия вернулась в Швейцарию.

Великолепное достижение экспедиции заслуживает полного признания широкой общественности, и поэтому нам особенно приятно, что инициатор этого успешного мероприятия люцернский альпинист Макс Эйзелин снова взялся за перо и преподнес нам подвиг пяти предприимчивых альпинистов с присущей ему захватывающей манерой и наглядностью. Недаром его первая книга «Успех на Дхаулагири» переведена на восемь языков, и мы не сомневаемся, что и труд «Неизведанный Гиндукуш» тоже найдет широкий отклик и разнесет на весь мир хорошую славу о маленькой Швейцарии.

Швейцарско-Гималайское общество, в задачу которого входит проведение, содействие и оказание помощи швейцарским альпинистским и исследовательским экспедициям в малоизведанные высокогорные районы мира, сейчас стало широко известно. Иначе и не могло быть: ведь только то общество, которое может рассчитывать на благосклонные симпатии и поддержку более широких кругов, может в будущем выполнить свои благородные задачи», —

так пишет о Швейцарско-Гималайской экспедиции

председатель этого общества Петер Ахерманн.

- Эйзелин Макс.

- Введение

- I. НА МАШИНАХ ЧЕРЕЗ СТЕПИ АФГАНИСТАНА

- ПОЖЕЛАНИЕ ПРИНЦА — ПРИКАЗ
 - ШВЕЙЦАРИЯ — АФГАНИСТАН НА МАЛОГАБАРИТНЫХ АВТОБУСАХ
 - ПО АСФАЛЬТУ И ДРЕВНЕЙ ВОЕННОЙ ДОРОГЕ
 - ПЕРЕВАЛ ШИБАР — КЛЮЧЕВАЯ ПОЗИЦИЯ ГИНДУКУША
 - ПО СЛЕДАМ ЧИНГИСХАНА
 - КАТТАГАН — ЖЕМЧУЖИНА ВОСТОКА
 - ПУСТЫНИ, СТЕПИ И КОЧЕВНИКИ
 - В ГОРАХ БАДАХШАНА
 - ФАЙЗАБАД — ГОРОД ИЗ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»
 - У КАРАВАНБАШИ
 - АВТОМАШИНЫ «ЛАЗАЮТ»
 - ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ
 - ВДАЛИ СЕМИТЫСЯЧНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ
 - НАКОНЕЦ В ВАХАНЕ
 - В САМУЮ ГЛУБЬ ВАХАНА
 - «ЛЕНДЛОРД»
 - У ГОРЦЕВ ГИНДУКУША
 - ОПАСНЫЕ ГОРЫ ЛАНГАРА
 - РАЗВЕДЫВАЕМ УЩЕЛЬЕ АРГАНД

- II. ПЕРВОВОСХОЖДЕНИЯ В ГИНДУКУШЕ, ВТОРОМ ПО ВЫСОТЕ ГОРНОМ РАЙОНЕ МИРА

- ПИРОГ С СЫРОМ В ПЕСЧАНОЙ ПУРГЕ
 - ПОЕЗДКА ВЕРХОМ В БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ
 - АГА-ХАН ТОЖЕ ДОЛЖЕН ЖИТЬ
 - БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ — НАША КРЕПОСТЬ
 - ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГОРОЙ
 - ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ ПАЛАТКИ НА ВЫСОТЕ 5310 МЕТРОВ
 - ТРУБЛЮ СИГНАЛ ОТСТУПЛЕНИЯ
 - ШВЕЙЦАРСКИЙ ФЛАГ ВПЕРВЫЕ НАД ГИНДУКУШЕМ: ШАХ, 6550 МЕТРОВ
 - ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ
 - ГОЛОВОМОЙКА ИЗ ЭФИРА
 - ЗМАРАЙ-«ЛЕВ» ШТУРМУЕТ ВЕРШИНУ
 - УПОРНАЯ БОРЬБА ЗА УРУП: 5650 МЕТРОВ

- С ЯКОМ ЧЕРЕЗ ЛЕДНИК
- НА ВОЛОСОК ОТ ЛАВИНЫ
- НА ЛЕДОВОЙ СТЕНЕ
- ЛАГЕРЬ I НА ВЫСОТЕ 5400 МЕТРОВ
- ЧЕТВЕРО В ДВУХМЕСТНОЙ ПАЛАТКЕ —
ПРИЯТНАЯ НОЧЕНЬКА!
- «ЗОЛОТО» В СКАЛАХ И ТРЕЩИНЫ НА ЛЕДНИКЕ
- НА СЕМИТЫСЯЧНИКЕ

○ ПОСЛЕСЛОВИЕ

○ Фотографии

Эйзелин Макс.

Неизведанный Гиндукуш.

Введение

Подняться на суровые, непокоренные вершины Восточного Гиндукуша и увидеть одновременно древнюю страну Ариана — сегодняшнее Королевство Афганистан, давно было моей мечтой.

Афганистан — одна из наиболее неизведанных стран мира. И я мечтал совершить путешествие в ее отдаленные районы, особенно я хотел посетить высокогорную долину Вахан, в которой в XIII веке побывал Марко Поло во время своего более чем двадцатилетнего путешествия по Азии. Тогда он прошел через Вахан в Китай по «шелковому пути» вдоль течения реки Оксус, называемой теперь Аму-Дарья.

Древняя история Афганистана богата множеством событий, но не менее богата эта страна огромными, нетронутыми чудесами природы. Еще древние греки называли горную страну Гиндукуш «Парапамисос» — «выше, чем летает орел». И мы, альпинисты, находим там прежде всего вторую по высоте горную систему мира — Гиндукуш, которая в Вахане и Читрале имеет покрытые вечным льдом вершины, достигающие более семи тысяч метров.

В то время как расположенные в Читрале семитысячники Тирич-Мир, Историонал и Сарагхар еще в прошлом десятилетии были покорены норвежцами, американцами и итальянцами, в Вахане альпинисты впервые побывали только в 1960 году. Особое географическое положение этой высокогорной долины вынудило афганское правительство разрешать доступ иностранцам в этот район своей страны только в отдельных случаях.

Благодаря Швейцарско-Гималайскому обществу 26 августа 1963 года швейцарский флаг впервые реял над второй по высоте горной системой Земли.

Большую благодарность мы приносим также нашим друзьям-альпинистам из Германии, Австрии и Польши, давшим нам, швейцарцам, ценные сведения о почти неизвестных горах, а также сотрудникам швейцарского посольства в Афганистане, поддержавшим нас словом и делом.

Цель первой Швейцарско-Гиндукушской экспедиции — вступление в контакт с Королевством Афганистан и исследование гор района Вахан.

Я и мои друзья — Симон Буркхард, Ханспетер Рыф, Алоиз Штриклет и Виктор Выз — чувствует себя счастливыми, что достигли цели и смогли выполнить свои задачи лучше, чем предполагали.

Теперь мы можем строить планы новых альпинистских экспедиций, которые должны исследовать и открыть еще многие

неизвестные вершины Вахана совместно со старыми испытанными бойцами или молодежью, будь это одни альпинисты или в союзе с учеными-географами. Прежде всего мы хотим и дальше закреплять связи нашей альпийской страны с мужественным народом Афганистана.

Желаем, чтобы Швейцарско-Гималайское общество в следующие годы продолжило начатое дело на высочайших вершинах мира.

Макс Эйзелин

Криенс — Люцерн, ноябрь 1963 г.

РАССКАЗЫ О ПРИРОДЕ

МАКС
ЗЮЗЕЛИН

НЕИЗВЕДАННЫЙ ГИНДУКУШ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»
Москва 1967

I. НА МАШИНАХ ЧЕРЕЗ СТЕПИ АФГАНИСТАНА

ПОЖЕЛАНИЕ ПРИНЦА — ПРИКАЗ

«Вы хотите непременно в Вахан? — спросил нас раздраженный Ясин Мухсени, чиновник Его Величества Мухаммада Захира. — «Вы же знаете, что этот узкий коридор нашей страны, простирающийся до Китая, — запретная зона для иностранцев. Афганистан — самая гостеприимная страна мира. Мы всегда очень радуемся, когда наши гости восходят на высокие вершины нашей прекрасной страны. Идите в Центральный Гиндукуш или, если хотите, в самый западный Вахан, в долину Нушак. Но дальше на восток — это просто невозможно».

...Уже второй раз вместе со швейцарским послом Фрицом Герцогом и товарищем по экспедиции Симоном Буркхардом обращаемся мы в канцелярию министерства иностранных дел, чтобы получить право на вход нашей экспедиции в мир семитысячников Центральной Азии. Центральный Гиндукуш с его покоренными шести— и семитысячниками, исследованный многочисленными экспедициями, уже не может прельщать нас. Это же относится и к самому западному из ваханских ущелий, где семитысячник Нушак уже покорился полякам и японцам, а превышающий семь тысяч метров Кохи-Кишм-хан — цель австрийской экспедиции, вышедшей из Кабула десять дней назад. Мы хотим посетить Вахан, еще не исследованные районы, увидеть неизведанные долины и взойти первыми на непокоренные вершины.

Мы снова и снова штурмуем доброго Ясина Мухсени, чтобы он все-таки выдал нам визу в Вахан — эту отдаленную долину Афганистана с непокоренными семитысячниками.

В долине Вахан начинается знаменитая в истории река Оксус, или Аму-Дарья, но ни в одной афганской книге я не мог найти сведения, чтобы со времен Марко Поло какому-либо иностранцу было разрешено посетить этот район. Правда, в этот район удалось проникнуть польской альпинистской экспедиции, которая совершила здесь первовосхождение на вершины из долины Арганди-Бала (Ургенд-Бала).

Но в правительственных кругах Кабула об этом подчеркнуто не желают знать. Ибо, если признать, что там побывали поляки, тогда и другие иностранцы могут просить разрешения и тезис о закрытом районе стал бы весьма шатким.

Мы хорошо знали, что Вахан — настоящий рай для альпинистов. Его ледовые исполины поднимаются непосредственно между семитысячниками Памира и Каракорумом — Гималайским Кашмиром с восьмитысячниками

Нанга-Парбат и К-2.

В подавленном настроении покидали мы и на этот раз министерство иностранных дел, не теряя, однако, полностью надежды... В Азии никогда нельзя терять надежды... Упорно и целеустремленно решили мы бороться за достижение своей цели, не забывая, однако, о необходимости вежливого и предупредительного обращения с нашим партнером по переговорам. Возможно, таким путем и несгибаемым терпением можно все же чего-нибудь достичь.

Представительный афганец появляется в канцелярии Мухсени. Кажется, он очень занят. «Разрешите представить, — говорит швейцарский посол, — Его Высочество принц Залмай Махмуд Гази».

Принц Залмай — друг Швейцарии, знает Церматт, Женевское озеро и горы, знает, что мы, альпинисты, миролюбивые люди. Беседа ведется на французском языке. «Мы, афганцы, как и вы, швейцарцы, — народы гор, без выхода к морю. История наших стран схожа, наши страны занимали чужие войска, воевавшие на наших землях. Сегодня мы живем в мире, сохраняем наш нейтралитет. Как Афганистан, так и Швейцария».

Принц принадлежит к самым влиятельным людям страны. Тем не менее он находит время мимоходом выслушать нашу не столь важную для мира просьбу:

«On peut arranger ça pour nos amis suisses» («это можно устроить для наших швейцарских друзей»). Ответ обращен не столько к нам, его слова больше предназначены для сопровождающего нас Ясина Мухсени. Это кажется нам очень важным.

Мы выходим из приятной прохлады канцелярии в жгучую жару афганского лета. В прекрасном парке темные кипарисы дарят немного тени. Я знаю страны еще жарче Афганистана, где жара более неприятна, так как там очень большая влажность. Но здесь европеец благодарен густым лиственным деревьям, которые немного ослабляют горячие лучи солнца.

Успокоенные, мы запасаемся терпением еще на несколько дней, ведь сейчас мы все равно не в состоянии выехать из Кабула в горы. Дело в том, что мои четыре товарища по экспедиции совершили все путешествие из Швейцарии в Афганистан на двух малогабаритных машинах по трудной дороге и сейчас отдыхают.

Правда, с отдыхом что-то не очень ладится. Прежде всего наши машины тоже нуждаются в отдыхе и основательной переборке технической части, так как большую часть пути они проехали не по настоящим дорогам, а через пустыни и степи, где попадались участки, по которым могли пройти только вездеходы.

Поэтому Визи, наш автомеханик, не может в ближайшие дни жаловаться на отсутствие работы. Смена масла, смазка, чистка фильтра и карбюратора, все просмотреть и освободить от пыли и песка, который всюду проникает, — его обыденная работа.

Виктора, нашего кинооператора, мы с утра до вечера не видим. Красочный город Кабул с пестрым населением и живописными улицами — желанный объект его камеры, иначе ведь не получится полноценный фильм об Афганистане.

Ханспетер, наш неудачник, использует свои кабульские дни, главным образом чтобы выспаться и отдохнуть после ангины, которая мучает его от самой Турции. Он периодически является в распоряжение Симона, нашего врача, который ему при веселом участии всех членов экспедиции мажет горло и делает инъекции антибиотиков. Между прочим, Симон не только врач, а еще кассир и корреспондент, и я могу его как нашего главного парламентаря направить к Мухсени. Все члены экспедиции прекрасно устроились в гостинице «Ариана» в большой общей комнате, где мы свободны в своих действиях. Приют, обретенный нами, можно, пожалуй, сравнить только с альпинистской гостиницей нашего друга Бернгарда Бинера в Церматте. Владелец не возражает, что мы используем как кухню и наш «укромный уголок» (между прочим, с настоящей водяной промывкой, которая в первой половине дня даже действует), где хозяйничает Виктор. Несмотря на жару и специфичность помещения, не лишенного некоторых запахов, кулинарное искусство Виктора великолепно. На наших бензиновых и газовых кухнях он «колдует» над такими блюдами, которые соответствуют самым изысканным требованиям его гостей.

К радости моих друзей, бензиновые примуса теперь работают нормально, хотя во время длительного автопутешествия из Швейцарии в Афганистан они почти не действовали. А так как газ для кухни пришлось экономить для высотных лагерей, то в большинстве случаев товарищи питались холодной пищей. Взвинченный Ханспетер в ярости бросал примуса на землю, хотя от этого они не загорались, и только в Кабуле один из хитрецов заметил, что для бензиновых примусов требуется бензин, а не керосин, которым их заливали до этого чудесного открытия. Теперь они довольные шипели в нашей «кухне».

Уж если мы заговорили о кухне, то следует сказать, что в сегодняшнем Кабуле существует очень похожий на европейский ресторан самообслуживания «Хайбар», интересный не только разнообразным меню, но и как место для детального изучения нравов современного «высшего света» Кабула, посещающего его.

Но что нас особенно удивило в Кабуле — это отмена чадры у

женщин-магометанок, два года назад этот обычай — носить чадру — строго соблюдался. Современный дамский мир Афганистана после ликвидации этой «моды» (которая, между прочим, не предписывалась исламом), наверное, облегченно вздохнул. Даже в старом Кабуле «завуалированные» женщины сегодня уже в меньшинстве.

Кабул теперь не похож на тот город, который описывался в книгах. Старый город с его вековыми полуразрушенными глиняными стенами и жилыми домами, напоминающий сказки «Тысячи и одной ночи», занимает сейчас район предместий. В центре Кабула асфальтированные улицы со светофорами, кварталы новейшей архитектуры с фонтанами, светящимися ночью всеми цветами, неоновая реклама, прекрасные парки и бравые полицейские.

Постепенно исчезают и «джуй» — знаменитые арыки Востока, которые одновременно служили и канализацией, и источниками водоснабжения. Как мне гордо заметил один афганец, еще потребуется некоторое время для создания безупречного водопровода. Если трудолюбивым афганцам и это удастся, тогда Кабул может оставить в тени ряд городов Востока.

Кабул расположен на высоте 1800 метров над уровнем моря, где вследствие особой сухости воздуха летняя жара переносится довольно легко, поэтому имеется все, чтобы создать здесь первоклассный мировой курорт.

Современный, хорошо организованный аэропорт и авиаагентство «Ариана», которое соединяет Афганистан с Индией, Пакистаном, Ираном, Сирией и Ливаном, включают Кабул в международную сеть авиалиний. Все эти достижения цивилизации, которые еще не везде есть на Востоке, дают возможность Афганистану и его столице показать своим гостям великолепные памятники, свидетельствующие о высокой культуре прежних времен. Я думаю о Бамиане и высеченных во II веке из красной глины пятидесятиметровых статуях Будды, переживших нашествия арабов, Чингисхана и Тамерлана.

Тысячи друзей Швейцарско-Гималайского общества своей поддержкой сделали возможным проведение нашей экспедиции. Это были дары в виде крупных и мелких денежных сумм, продуктов питания и снаряжения, пожертвованные из энтузиазма для пионерской работы в далеких неизвестных горах. К счастью, эти покровители и меценаты весьма многочисленны. Так многочисленны, что мы в Кабуле на почтамте не можем найти достаточного количества почтовых марок для наших приветственных открыток. С грехом пополам достали несколько тысяч этих плохо перфорированных зеленых и фиолетовых знаков

почтовой оплаты, но для последних четырех тысяч открыток нужны новые.

Наши приветственные открытки, кроме того, должны иметь особую солидную печать. В противном случае наши друзья на родине будут недовольны. И мы хотим найти настоящую афганскую печать.

Швейцарский консул, неустанно помогающий нам, передает в наше распоряжение своего переводчика господина Зия, родственника короля. Этот деловой мужчина прекрасно знает свой родной город. Он не долго думает, где можно получить печать, и привозит нас в своем блестящем Мерседесе к зданию «Gouvernement Press» — Государственной типографии. — Как и в европейской типографии, здесь запах краски и оглушительный шум современных машин.

Мастер цеха с черным от краски лицом услужливо снимает с машины работу и принимается за изготовление нашей печати. «Завтра она будет готова и будет стоить семьдесят афгани (6,3 швейцарских франка)», — говорит он нам.

Затем нас приглашают на чай к директору типографии. Я немало удивлен, встретив в его лице старого знакомого. «Добрый день, мистер Кандагари. Как вы поживаете?»

Высокий, худощавый мистер Кандагари — один из тех приятных людей, всегда готовых прийти на помощь. Он и первый афганец, с которым я познакомился при следующих обстоятельствах.

Это было в Захедане, богом забытом местечке Ирана, между Дашти-Лут, в переводе «голая пустыня», и Дашти-Марго, что означает «пустыня смерти», относящимися к самым скверным песчаным землям.

Важным пунктом Захедан стал только во время второй мировой войны. Тогда Иран служил транзитной страной для американских поставок по ленд-лизу, и союзники использовали Захедан как мост между Ближним Востоком и Британской Индией. Не будь второй мировой войны, никому не пришло бы в голову создавать в песках треугольника стран Иран — Афганистан — Пакистан бетонную посадочную дорожку.

Именно на этой дорожке приземлился «Вайкаунт» авиакомпани «Иранэйр», доставивший меня из Тегерана в Кабул. Горячий воздух струился над бетоном, когда я из охлажденного самолета вышел в пекло летнего дня. В первый момент у меня перехватило дыхание; шатаюсь, я быстро отправился в тень каменного здания, где несколько старомодных вентиляторов немного разгоняли удушливую жару, создавая некоторую прохладу.

Таможенники сидели на корточках перед зданием, жарясь на солнце и оглядываясь с презрением на прохладные служебные помещения. Они были в хорошем настроении от того, что наконец снова приземлилась машина в Захедане. Видимо, у них не было оснований жаловаться на тяжёлую работу. И если уж появилась работа, то они брались за нее обеими руками.

Из чистого переусердия был подвергнут детальному таможенному досмотру багаж, предназначенный для Афганистана. Не то чтобы были предъявлены какие-то претензии, нет, чиновники были великодушны и принципиально пропускали всё, но малевали свои «ОК» на каждом чемодане. Испорченное настроение путешественников, вызванное этой ненужной каверзой, исчезло при виде веселых лиц этих приятных чиновников.

Носильщики аэропорта тоже не проиграли: им было позволено снова уложить в самолет багаж, откуда он был специально выгружен для досмотра. Эта работа, видимо, доставила им много веселья и радости. И поэтому они перевернули вверх дном машину, совершившую промежуточную посадку в Захедане.

Вообще стоило провести время в этом чудесном месте, ибо здесь сияло солнце, было жарко.

Повсюду в империи шахиншаха торгуют прохладительными напитками «Канада драй». Но то, что он имелся даже в Захедане, меня особо удивило. Продавец в чалме предлагал охлажденную на льду бутылку апельсинового сока. Чудесный прохладительный напиток в жарких странах, где отсутствует питьевая вода! И тем более на краю Дашти-Лута.

«Як туман», — слышалось из-под чалмы. Значит, бутылка стоит один туман — это десять иранских риалов, или шестьдесят рупий. Но сколько я ни искал в своем кошельке, не мог найти риала, не говоря уже о целом тумане.

«Do you also take Swiss Rials?» — «Вы принимаете швейцарские риалы?» — спросил я у этого доброго человека только потому, что из-за отсутствия денег у меня не было желания умереть от жажды. Но этот добряк не сочувствовал жаждущему с Запада. Он качал головой и давал мне понять, что ему угодно только «ирани риалы».

И тут высокий, худощавый незнакомец с выразительным лицом спас меня — это и был мистер Кандагари.

А теперь я сижу в его канцелярии, пью чай со сладким печеньем, принесенным слугой. Мне оказана честь быть представленным и другому гостю в канцелярии Кандагари — заместителю министра печати Его Величества. Наши разговоры

ведутся отнюдь не на альпинистские темы, ибо мистер Кандагари и его гость больше интересуются политикой, нежели горами и ледниками.

После посещения мистера Кандагари мистер Зия провожает меня через весь Кабул до окраины города. Это просто счастье на его быстроходном Мерседесе пролететь по асфальтированным улицам!

Без машины здесь попросту пропадешь. Это не удивительно, если учесть, что триста тысяч столичных жителей в основном живут в одноэтажных домах с примыкающими к ним огородами, в силу чего город раскинулся на очень большой площади.

Наш очередной визит мы нанесли геологической службе Афганистана. Там имеются аэрофотоснимки всей горной системы Гиндукуша и новейшие карты страны. Чтобы получить доступ к ценным материалам, нам потребуется еще разрешение министерства горной промышленности. Для этого нам пришлось посетить и это учреждение, расположенное в другой части города. Через пять минут этот важный документ был у нас в руках: мистер Зия знал и здесь правильный путь.

В парке, спрятавшись за тополями и кипарисами, находится здание геологической службы. С разрешением министра горной промышленности едем к «президенту» геологической службы мистеру Салиму. Совершенно случайно и он, как и мистер Кандагари, тоже относится к кругу моих знакомых. Можно подумать, что я уже годами живу в Афганистане. Но это чисто случайное знакомство, возникшее в связи с тем, что стюардесса «Иранэйр» во время перелета Захедан — Кабул случайно посадила нас в самолете рядом.

Мистер Салим вручает нам пропуск в другие здания службы для ознакомления с аэрофотоснимками. Он также разрешает выдать на время в наше распоряжение фотокопии нужных нам карт. Это мы расцениваем как особую предупредительность. Затем он сказал хвалебную речь в адрес Швейцарии и сотрудников ЮНЕСКО в Афганистане, граубюндского минералога Иоганна Петера Хунгера, много лет состоящего сотрудником геологической службы Королевства Афганистан и являющегося сегодня одним из лучших знатоков этой страны. К сожалению, он сейчас находится в отпуске на родине. Но он заранее выслал нам письмо с ценными советами.

В картографическом бюро геологической службы большое оживление. Две немецкие экспедиции, собирающиеся в Центральный Гиндукуш, и польская группа, направляющаяся, как и мы, в Вахан, мечутся по комнатам.

Все склонились над картами и при помощи специальной

лупы рассматривают аэрофотоснимки. Настроение немного натянуто, так как ни одна из присутствующих здесь экспедиций не имеет официального правительственного разрешения на посещение намеченных ими районов. Афганцы в этом году кажутся более сдержанными. Нашим друзьям из Штутгарта приходится бороться даже за выезд в Центральный Гиндукуш.

Карты, которые мы здесь видели, отличные. Как назло, листы Вахана изображают только узкую полосу вдоль Оксуса. Расположенные южнее реки горы — наша цель — на них не показаны. Но по крайней мере мы можем на этой карте правильно увидеть начало ущелья.

В аэрофотоснимках я, как дилетант, не все могу понять. Они сняты с очень большой высоты, и даже при помощи специальной стереоскопической лупы можно рассмотреть немного больше, чем общее направление горных цепей.

Но все же эти снимки показывают, в каких долинах расположены интересные вершины. Более точных путей подходов, не говоря о детальных планах восхождения, по этим снимкам определить нельзя.

В то время как я сижу над картами и фото, через мое плечо заглядывает молодой человек, подозрительно окидывая взглядом лежащие передо мной фото, схемы и карты. «Господин, вы имеете разрешение в Вахан? Куда вы точно собираетесь идти? В какую долину?»

Это один из поляков. Планы нашей экспедиции его весьма беспокоят. У него, так же как и у меня, нет еще разрешения. Полякам приходится пока сидеть в Кабуле еще и потому, что их багаж не прибыл. Но они могут не беспокоиться. Их цель — долина Шахар и западнее, наша — Лангарская долина и далее на восток.

Местность вокруг Зебака и перевала Анджуман я рассматриваю детально. Это на всякий случай, если Вахан останется для нас закрытым. Затем приятный парнишка с коротко стриженными черными волосами готовит нам светокопии карт. Копировальная машина в данный момент неисправна, поэтому рамы со светочувствительной бумагой ставятся прямо под солнечный свет.

После нашего последнего посещения министерства иностранных дел нас опять вызывают в канцелярию Ясина Мухсени. Так как я очень занят, то поручаю это задание Симону. Вместе с одним подружившимся с нами местным адвокатом он отправляется в привычное путешествие.

Но в этот раз он возвращается не с пустыми руками. Наши упорные хлопоты имели успех, и решающее слово принца Залмая

подействовало. Двери и ворота запретной зоны Вахан для нас открыты! У нас в кармане открытый паспорт к семитысячникам между реками Оксус и Инд, и во второй половине этого же дня в отделе виз министерства иностранных дел нам вручили паспорта и желанное разрешение. Важный раздел нашей экспедиции тем самым закончен. Одержана первая победа. Афганистан показал еще раз, что он не закрывается для самых невероятных желаний своих гостей.

Чтобы предупредить возможные недоразумения с сыновьями Афганистана, мы нанимаем переводчика, ибо в глубине страны среди горного населения вряд ли найдешь знающих английский или немецкий язык. Там мы можем объясняться только на языке фарси (персидский) или пушту.

Когда в Кабуле стало известно, что у нас имеется такая вакансия, нам не пришлось долго ждать кандидатов. Много людей, знающих языки, явились к нам. На нас с нашими двумя автомашинами смотрели, видимо, как на весьма состоятельных, и требования дневной зарплаты доходили до 15 американских долларов. Слава аллаху, что еще существуют скромные люди под азиатским небом. И мы нанимаем Змарая Кази — кабульского студента двадцати одного года.

Змарай (в переводе с языка пушту на немецкий означает «лев») готов разделить невзгоды экспедиции и даже проявляет интерес к горовосхождению.

Змарай владеет двумя главными языками Афганистана, а также свободно говорит по-немецки и по-английски. Он прекрасно знает чешский язык, так как десять месяцев работал в Чехословакии. Способный сын Афганистана.

ШВЕЙЦАРИЯ — АФГАНИСТАН НА МАЛОГАБАРИТНЫХ АВТОБУСАХ

Последний вечер в Кабуле мы проводим у друзей швейцарцев, принявших участие в нашем деле и оказавших нам с самого начала большую помощь. Это они раздобыли для нас первые сведения о неизвестных районах. Сегодня у нас торжественные проводы. Завтра рано утром мы начнем путешествие к подножию вершин Гиндукуша.

В разгар вечера Симон вскакивает, как будто его ужалила оса:

— Как это могло со мной случиться! Надеюсь, что никто не украл.

— Что украдено?

— Я вам скажу позже. Мне нужно немедленно обратно в «Ариана».

— Дайте мне ключ от машины.

— Визи, быстрее!

И он исчез. Вскоре слышим, как со двора выезжает машина. Что же случилось с Симоном? Обычно олицетворение спокойствия, теперь он прямо в отчаянии! Через несколько минут Симон возвращается, как обычно, с сияющим лицом:

— Ничего не украдено. Лежал еще на столе в номере, хотя прислуга, из хазарейцев, уже убирала комнату.

— Но скажи, наконец, что могло быть украдено? Ни один человек не понимает твои таинственные речи.

— Да я бы лучше помолчал. Но раз все хорошо обошлось, могу сказать. Экспедиционную кассу я забыл в гостинице! Этот прозрачный, туго набитый деньгами полиэтиленовый мешок, в нем почти сто тысяч афгани... Я оставил его открытым на столе. Каждому вошедшему в комнату должно быть ясно, какое состояние он видит! Представляете себе, что значит сто тысяч афгани — около десяти тысяч швейцарских франков — для прислуги, зарабатывающей менее тридцати франков в месяц.

Счастье, что мы находимся в Афганистане.

Наш прерванный прощальный ужин продолжается. Открытый огонь пылает в саду. Мы наслаждаемся бараниной на вертеле. Афганцы называют этот деликатес «кебаб». К этому следует добавить еще замечательные плоды страны — дыни, виноград и орехи. Редиска и лаваш тоже на столе. Хозяева достают чешское пльзенское пиво, а мы добавляем люцернское из наших экспедиционных запасов. Языки моих товарищей развязываются, и они рассказывают о своих приключениях во время путешествия.

Восемь тысяч километров они были в пути. Наши швейцарские друзья тоже внимательно слушают. Узкий серп луны разливает свой бледный серебряный свет над городскими стенами Кабула, возвышающимися на соседних холмах, полуразвалившиеся башни с амбраурами и зубуринами бросают таинственные тени на ночной город.

...На двух блестящих, совершенно новых малогабаритных машинах покинули мы Люцерн 12 июля. Один спидометр показывал 155, другой — 95 километров.

Наше путешествие — это история одной дороги, которая протянулась более чем на 8000 километров через Италию, Югославию, Болгарию, Турцию и Иран в Королевство Афганистан. История древнего пути человечества между Европой и Азией, пути средневековых купцов, перевозивших в Европу на качающихся верблюжьих спинах шелк, пряности Востока.

Это серия быстротечных встреч на обочине, это как бы пропущенный перед нашими глазами цветной фильм о смене культур и как бы обратный поворот времени и цивилизации в средневековье — от современных больших городов Италии и Югославии к построенным из глины крепостям Ирана, пещерным селениям на гористом севере Турции.

Тегеран. Рядом с живописными глинобитными хижинами старого города, этими свидетелями прошлого, широкие асфальтированные улицы, современные светлые здания гостиниц и банков, чудесный аэропорт — выражение новой эры этой своеобразной, сказочной столицы растущей страны, энергично и целеустремленно ищущей пути в XX век.

В иранской столице нас любезно приютила учительская чета д-ра Лустенбергера. Здесь мы оборудовали первый базовый лагерь экспедиции. Мы оставили ящик продуктов для обратного пути. Наши машины были «благодарны» разгрузке. А мы наслаждались в плавательном бассейне Лустенбергеров. Больших приключений, чем поездки к их дому, нам переживать не приходилось. Такого движения автотранспорта, как в Тегеране, мы за всю свою жизнь нигде не видели: слева и справа мимо нас проносятся автомашины на бешеной скорости, на этой же полосе на такой же скорости несется и встречный транспорт — сумасшедший круговорот! И глупейшим образом именно здесь испортилась у одной из наших машин сирена.

Удивительно, как мы уцелели...

Три недели пути! Вели машины по очереди. Дорога стала нашим поверенным. Нежной и уступчивой была она на длинных асфальтовых перегонах в Италии и Югославии. Промелькнули Триест, Любляна, Загреб и Белград. На автостраде между

Триестом и Белградом мы проезжали более 600 километров в день. Но потом наша подруга-дорога превратилась в строптивого, не желающего нас знать врага. Нашему дневнику мы доверили следующие записи: «Последние 90 километров в Югославии были хуже любой проселочной дороги. От Ниша до болгарской границы бесконечное чередование рытвин, глыб, скал и ям. Правда, на всем этом протяжении строится новая дорога, но это было малоутешительным для нас. Чтобы проехать эти 90 километров, нам потребовалось полных шесть часов. Через год или два этот суровый горный район можно будет проехать за час.

В Болгарии дорога опять оказалась нашим другом. Эти немногие часы езды были настоящим отдыхом перед бесконечно длинными грунтовыми дорогами Турции, вопреки ожиданиям содержащимися в хорошем состоянии. Часто встречали мы в этой симпатичной стране гигантские дорожно-строительные машины, выравнивающие и асфальтирующие плохие участки.

В Иране, проехав через знаменитый город ковров Тебриз, продолжаем трястись по главной магистрали к Тегерану.

Пересекли высохшие реки и унылые горные пустыни. Вот перед нами высочайшая вершина Ирана — Демавенд (5676 м), и наши альпинистские сердца забились сильнее. В этой жаре нам казалось шуткой, что это белое пятно на вершине действительно лед и снег.

Между Тегераном и Каспийским морем шах открыл за четырнадцать дней до нашего проезда стокилометровую автодорогу — подарок, за который мы его благодарим.

Наши машины держались отменно. Только пыль, наш вечный спутник, проникала повсюду и мешала прежде всего контактам прерывателя. Как каждый из нас на вечернем биваке под открытым небом выполнял свои обязанности повара, писаря или переводчика, так же усердно, с олимпийским спокойствием Визи латал проколы в шинах, пробитых гвоздями от подков.

В Афганистане мы ожидали более худших дорожных условий. К счастью, они оказались не хуже, чем в Иране: выжимали максимум 30-40 километров. В пустыне между Гератом и Кандагаром дорога расширяется местами до 100 метров, так как каждая грузовая машина в этой бескрайней песчаной, пустыне едет, где ей удобнее, чтобы не попадать в западни. Афганская торговля целиком зависит от грузового автотранспорта, железных дорог в этой стране нет.

Незабываемы наши встречи на обочинах. Приветливы крестьяне Болгарии. Один из них во что бы то ни стало хочет иметь наше фото. Когда останавливаемся, нас тут же окружают дети. Не спеша присоединяются к ним и взрослые, рассматривая

машины с почтительного расстояния. Довольная улыбка освещает лица, если кто-либо разберет непонятные иранские знаки и прочтет: «Первая швейцарская гиндукушская экспедиция».

Афганцы, которых мы встречали, предупредительны и всегда готовы помочь.

В пограничной зоне Ирана, между Каспийским морем и городом Мешхед, нас проверяли в каждой деревне. Полицейские с важным видом выписывали наши фамилии из паспортов в маленькие блокноты, и когда кто-нибудь из них узнавал, что среди нас есть врач, тогда оказывалось, что весь пост состоит из одних больных. Один полицейский страдает болями в желудке, второй — маленький коренастый ефрейтор — жалуется, что не может иметь детей, третий страдает (между прочим, широко распространенной в Иране) сонной болезнью. У врача было по горло работы, и нам приходилось часто на много часов прерывать нашу поездку. Несмотря на излияние благодарностей, медик был недоволен своей работой, зная, как мало поможет людям консультация без терапевтического контроля.

Чем дальше мы продвигались на восток, тем больше дорога напоминала зоологический сад. Легковые машины исчезли. Маленькими быстрыми шагами семенили мимо нас тяжело нагруженные ишаки; ноги всадников доставали почти до земли. Мы пробивали себе дорогу сквозь громадное стадо курдючных баранов, которые носят свои запасы в мешкообразно распухшем хвосте, вес которого достигает 15 килограммов, буйволы лениво лежат в мутных лужах и только сопят, когда мы проезжаем мимо. При температуре, доходящей до 40-50 градусов в тени, нам тоже хочется, хотя бы на время, стать буйволами...

В Афганистане разгоняем стада драгоценных каракулевых овец. Как известно, из шкурок ягнят шьются знаменитые манто. Почти каждый афганец носит каракулевую шапку.

Часто проезжаем мимо стоянок кочующих племен, разбивших рядом с дорогой свои черные плоские шатры на украшенных искусной резьбой стойках. Довольные ленивые верблюды жуют колючие ветки кустарников. Черепахи, шакалы и ежи переходят нам дорогу. В сухих кюветах валяются трупы собак и баранов. Коршуны дерутся за останки сдохшего осла. Эти скелеты вдоль дороги встречаются реже, чем заржавевшие, заброшенные грузовые машины, которые не удалось вытащить из кювета.

В Турции, Иране и Афганистане грузовые машины играют большую роль. Их водителей можно назвать модернизированными кочевниками. Они спят на раскладушках на самом верху своих машин, под открытым небом, месяцами не закрытом облаками. Они гордятся своими машинами,

собственноручно разукрашенными пестрой росписью. В водительской кабине висят занавески с бахромой. Они знают наизусть мотор, хотя не учились на курсах механиков. Зато они художники и импровизаторы: их можно найти в самом центре пустыни монтирующими задний мост по всем техническим правилам или куском разжеванного хлеба изолирующими контакт, в то время как капот лежит ненужным балластом в кузове. В тени машины сидит на корточках (характерный метод отдыха на Востоке) группа сурового вида мужчин в чалмах и потрепанной одежде, путешествующих по «автостопу» в следующий город. «Автостоп» здесь самое распространенное средство для передвижения простолюдина, и каждый водитель грузовика считает своим долгом заполнить свободное место попутчиком...

1 августа, за 15 минут до начала праздника мы пришли в швейцарское посольство в Кабуле. Довольные и счастливые успешным завершением первого этапа нашего путешествия, с густыми бородами мы выглядели как делегация старошвейцарских горцев среди празднично разодетого общества.

ПО АСФАЛЬТУ И ДРЕВНЕЙ ВОЕННОЙ ДОРОГЕ

В 3 часа утра в номере раздается звонок будильника. Наши головы еще немного тяжелы, и требуется некоторое время, пока кто-нибудь поднимется с постели. Никудышная дисциплина, нет ни малейшего намека на жесткое альпинистское воспитание. И это в первый день!

Час спустя мы уже готовы в путь, обе машины набиты до отказа и еще более перегружены, чем во время путешествия из Швейцарии в Афганистан... Со Змараем и мной нас теперь шестеро. Мы боимся за нашу «телегу», нас очень тревожит, что днище кузова почти касается колес. Отныне приходится еще более осторожно объезжать рытвины и ямы. Мы не желаем в первый день оставить наши машины где-то в кювете со сломанными осями.

Город еще спит. Темпераментную, пеструю и галопирующую дневную жизнь Востока поглотила ночь. По темным улицам и узким переулкам катим ставшие такими неповоротливыми машины к окраине города.

Первые пятьдесят километров сегодняшнего перегона едем прямо по-европейски, так как из Кабула на север Афганистана проложена хорошая асфальтированная дорога. Но тем не менее наши моторы пыхтят уже на первом пологом подъеме, чувствуется предельная нагрузка. Скорость наших машин заметно уменьшается. На пути невысокий перевал, включаем первую скорость. Она нас выручает. Медленно, но уверенно одолевают наши машины перевал, и затем начинается спуск в плодородную равнину. Чудесно проехать по асфальту, тянущемуся, как черная замшевая лента. Эту дорогу делали русские. В порядке экономической помощи Афганистану они претворили в жизнь гигантский дорожно-строительный проект уже почти наполовину. Это будет главная дорожная артерия Афганистана, соединяющая Кабул с Советским Союзом. В будущем году она должна быть готова. Прежде главная дорожная магистраль, связывающая Афганистан с границей, проходила через перевал Хайбар.

Большое количество предназначенных для Афганистана материалов приходило в негодность, бесцельно валялось в порту города Карачи — Королевство Афганистан было отрезано от окружающего его мира! Индия помогла примитивным воздушным мостом, но этого было далеко не достаточно. Тогда афганцы с удовольствием приняли предложение Советского Союза об

оказании помощи. И сегодня европейские материалы доставляются через Москву по железной дороге прямо к границам Афганистана. От города Термез, расположенного в Советском Таджикистане, на русских баржах товары поднимаются вверх по пограничной реке Амударье до афганского Кызылкала, где в этом ранее малозначительном местечке русские, не жалея средств, соорудили афганцам современный порт. Тем самым была создана независимая от воздушного сообщения связь Афганистана с внешним миром. Не хватает теперь «только» хорошей дороги через Гиндукуш от Кызылкала до Кабула. Сейчас ведутся интенсивные работы по ее сооружению. Новая дорога должна проходить почти на высоте четырех тысяч метров через перевал Саланг, причем на самом сложном участке она будет проходить по длинному тоннелю.

Этот отрезок хорошей дороги, не отвлекая нашего внимания, дал нам возможность любоваться началом нового дня. Первые вершины Гиндукуша — а это уже четырех— и пяти тысячники — горят в лучах утреннего солнца. В направлении Нуристана, «страны света», желтая светящаяся полоса дает знать, что и здесь, внизу, солнца долго ждать не придется. Свирепый ветер дует с востока, поднимая песок и пыль. В глинобитных домиках попутных деревень пробуждается жизнь. Заспанные фигуры совершают перед домами или на плодородных полях утреннюю молитву и благодарят аллаха за новый день.

Через пятьдесят километров окончились для нас прелести асфальта. В городе Чарикар видим характерную картину повседневной жизни. Недалеко за его окраиной у развилки сворачиваем резко на запад, а асфальтированная дорога уходит на север, к месту сооружения тоннеля под Салангским перевалом.

За развилкой подъезжаем к последней на долгом пути бензоколонке. В оба бака и во все канистры наливаем горячее. Надеемся, что благодаря запасу не придется «загорать»!

Следующая наша цель — пользующаяся самой дурной славой афганская древняя военная дорога через перевал Шибар на высоте 2987 метров, еще со времен Александра Великого вошедшая в историю как караванный путь. С тех пор немного изменилось. Сегодня, как и тогда, дорога через Шибар не имеет ни грамма асфальта или бетона. Нас мучают сомнения, смогут ли наши перегруженные машины вообще преодолеть этот суровый перевал. О состоянии и крутизне этой, скорее караванной, чем автомобильной, дороги мы слышали мало утешительного. Большая высота, недостаток кислорода создают карбюраторам дополнительную нагрузку.

Съехав с асфальта, мы моментально ощутили изменение

состояния дороги, и нам пришлось снова привыкать к перетряхиванию наших костей. «По крайней мере это способствует обмену веществ, — заметил сухо Виктор, — и, кроме того, хорошая тренировка для лыжника».

Приходится пересекать русла речушек, целые поля осыпей преграждают нам дорогу. А где дорога идет более или менее прямо, выбоины и ямы отравляют нам жизнь.

Наша средняя скорость угрожающе падает. Стрелка спидометра показывает между пятью и десятью. Мы едем здесь таким темпом, как по хорошим дорогам Швейцарии в часы пик.

Медленная езда имеет и свои преимущества — возможность осмотреть страну и людей. Вокруг нас не глухая местность, совсем наоборот: жизнь пульсирует здесь пестро и пышно. В деревнях предлагают всякие товары. Арбузы и русские спички, глыбы соли, керосин в синих канистрах с русскими надписями, благоухающие пряности и ткани, изготовленные на ручных ткацких станках. Часто встречаем кочевые племена. Со всеми чадами и домочадцами они вечно странствуют. Им нет дела до границ между странами, и ни одному пограничнику не придет в голову спросить у них паспорта. Как в прошлые века, так и сегодня они шагают беспрепятственно между Афганистаном и Пакистаном. Им не мешают блокады и политические переговоры, для кочевника существуют неписанные законы пустыни. И нынешние правители относятся к ним почтительно. Женщины без чадры, с гордым взглядом ведут верблюдов; мужчины, как правило, идут сзади, а дети, утварь и домашняя птица плывут по местности на качающихся верблюжьих спинах. В противоположность оседлому населению Афганистана кочевники относятся нетерпимо и враждебно к фотографированию. Только быстро реагирующему фотографу удастся сделать снимок, а Виктору его киносъемки доставляют много хлопот.

ПЕРЕВАЛ ШИБАР — КЛЮЧЕВАЯ ПОЗИЦИЯ ГИНДУКУША

За узкими, необитаемыми теснинами с красноватыми скалами следуют плодородные долины, создающие своей густой зеленью приятный контраст. Очень медленно набираем высоту, часто теряем с трудом завоеванные метры. Качество «дороги» совершенно не меняется. Водителю приходится быть очень внимательным на каждом метре дороги. Секунду прозевал — и наши машины трясутся так страшно, что рессоры еле держат, а спутники, не имеющие возможности держаться за руль, стонут и проклинаят все на свете.

Афганцы — истинные мастера дорожного строительства. Если участок дороги случайно перекрыт селевым потоком или скальной глыбой, они тут же сооружают головоломную «объездную дорогу», причем для них не играют роли крутизна и неровности такого объезда. Если рядом с засыпанной дорогой остается очень мало места, то обходная дорога проходит просто по руслу реки. Когда прозрачная вода позволяет нам еще издали определить ее глубину, мы без особых размышлений смело въезжаем в воду.

Лужи с мутной водой мы вначале осторожно зондировали, пока не убеждались, что эти броды всегда хорошо выложены камнями и что именно они относятся к лучшим отрезкам дороги. Перевал Шибар движением отнюдь не беден. Наоборот, одна грузовая машина за другой катятся по этому тряскому тракту. Ведь пока дорога через Саланг не будет готова, доброму старому Шибару приходится служить воротами во внешний мир. Громадные грузовые машины американского и советского производства, нагруженные до отказа сверхгабаритными грузами, проносятся мимо в быстром темпе.

Если возникает необходимость огородить «дорогу» со стороны обрыва, афганцев не смущает решение этой задачи и делают это они очень просто. Большие круглые камни из-за отсутствия цемента связывают ветками, осторожно укладывают — и проезжий путь снова готов. Если бы мы сами не видели, как мимо нас прогромыхал исполинский грузовик неизмеримо тяжелее наших машин, вряд ли рискнули бы довериться такому участку дороги.

Но прошло немного времени — и перед нами первый свалившийся грузовик. Край дороги, выложенный круглыми камнями, связанными при помощи веток, не выдержал большого

веса и обвалился. Он и должен был обвалиться! Водителю сопутствовало счастье: задние колеса находятся еще на дороге, а машину от дальнейшего падения удержало дерево. Сук дерева разбил ветровое стекло, и в водительской кабине висят спелые абрикосы. Отважный шофер отделался легким испугом.

У нас оставляет страшное впечатление вид потерпевшей аварию машины. Надо полагать, что такая картина в течение сегодняшнего дня может стать привычной. И точно, до вечера мы видим еще четыре свалившиеся машины, и в каждом случае рухнул край дороги под тяжестью громадного веса машин.

Бесконечно медленно приближаемся к перевальной точке Шибара. Рота солдат занимается строительством дороги, и верхний крутой участок уже в хорошем состоянии.

Когда солдаты увидели наши машины с швейцарскими флагами, они нас, видимо, приняли за «начальство из Кабула», потому что тут же побросали в сторону кирки и лопаты и встали по стойке «смирно». Гордые, как Наполеон, отдаем им честь, проезжая мимо, но не без того, чтобы поблагодарить этих славных ребят за их хорошую работу дружественным «ташакор» (спасибо). Наши моторчики пыхтят и сопят все больше, но они, к нашему удивлению, все же собственными силами преодолевают Шибар. Моторчик в 1200 кубических сантиметров толкает бессовестно перегруженную машину почти на высоту три тысячи метров по перевальной дороге, похожей скорее на караванную тропу.

Здесь, на высоте у перевала, сеют пшеницу и овес. На сильном ветру сгибаются тяжелые стебли. За перевалом идет крутой спуск, и мы вдруг попадаем как бы в первобытный ландшафт. Причудливые скальные образования окаймляют дорогу. Белые скалы ослепляют в полуденном солнце. Неожиданно появляются прекрасные луга и поля. Воды здесь вдоволь, и живущие на Шибаре крестьяне могут причислить себя к самым счастливым афганцам.

ПО СЛЕДАМ ЧИНГИСХАНА

Во второй половине дня мы подъехали к разветвлению реки Бамиан. Здесь был древнейший очаг буддизма. Спускаемся по теснине реки Бамиан. На обратном пути мы не забудем посетить Бамиан и вырубленные из монолитной скалы более чем пятидесятиметровые статуи Будды. Бамиан — промежуточная станция буддизма, когда он из Индии через Пакистан по «шёлковому пути» был перенесен в Китай.

Снова ландшафт становится суровым. Целые доломитовые стены возвышаются над нами. По своему строению здешние скальные замки похожи на наши Альпийские горы. Они напомнили нам башни Лавередо, Эйгил (зубы) Шамони, отвесные стены Энгельсхернер в Швейцарии.

Наши остановки учащаются. Мы просто не в состоянии не подискутировать о возможности прохождения той или другой стены. Ведь мы находимся в сказочной стране скалолазов! Теснина следует за тесниной, и каждое ущелье приносит необозримое количество исполинских скальных башен, игл и стен. Визи и Ханспетеру уже не терпится сидеть внутри машин. Они переместились на крышу и не замечают, что их теперь трясет еще больше. Неистовое желание ощутить этот горный мир до конца если не скальными ботинками, то хотя бы глазами.

Воды Бамиана удивительно прозрачны, на дне реки переливаются всеми цветами камни, и тут же над берегом крутые скальные башни Гиндукуша поднимаются в небо. В глубине теснины мы наслаждаемся прохладной тенью, в то время как высочайшие вершины купаются в лучах солнца. Так было здесь и две с половиной тысячи лет назад, когда Александр Великий правил Афганистаном, Чингисхан и Тамерлан, все убивая и разрушая, прошли по этой же теснине, чтобы стереть с лица земли город Бамиан, а арабы под водительством халифа Али «осчастливили» страну исламом.

Дикие скалы уступают место узкой, утопающей в зелени и цветах равнине. Как оазис выглядят эти маленькие плодородные поля среди хаоса мертвого ландшафта.

Целых пять часов мы ехали вниз по долине. Ежечасно меняли водителя, так как напряженное наблюдение за дорогой очень утомительно. В три часа дня мы остановились на короткий отдых в чайхане. Живописно одетый хозяин подал нам кипящий самовар, шесть пиал, поставил перед каждым из нас заполненный до краев чайничек и пригласил отдохнуть на афганских коврах, разложенных специально для нас. Визи морщит нос: вместо

черного чая он получил зеленый, который здесь, кажется, принят.

Остальные гости чайханы, водители грузовиков, после чаепития моют свои разрисованные искусными фигурами, фантастическими ландшафтами и изречениями из Корана машины, которые они любят больше всего. Я просил Змарая перевести одно такое изречение и снова вижу, что афганцы понимают остроумие и юмор. Афганские шоферы — веселый народ, смех и улыбка — обычное выражение их лиц. Над одной водительской кабиной было воспроизведено ироническое изречение Корана: «Не смейся слишком много — чрезмерный смех убивает сердце». Водительская кабина, как правило, украшена разноцветными занавесками, художественной бахромой и цветами. Она в сущности его дом, где он себя чувствует хорошо и в укрытии. Водители грузовиков Афганистана — дельные люди, любящие свою профессию, не теряющиеся ни в какой ситуации. Можно видеть, как мужчины в чалмах трудятся на обочинах день и ночь, устраняя неисправности своих грузовиков.

Незадолго до ночевки мы въехали в деревню Доаби-Мехи-Зарин. Спуск с перевала Шибар несколько улучшил нашу среднюю скорость, и наше дневное достижение после четырнадцати часов езды составляет 246 километров, или почти 20 километров в час. Здесь после Чарикара видим первую бензоколонку. Как раз вовремя, потому что наши перегруженные машины расходуют по горным дорогам до 40 литров на 100 километров.

Покупаем сочные арбузы и разбиваем наш лагерь тут же за Доабом на поляне. Видимо, здесь недавно стояли шатры кочевников. Их следы еще видны на траве. А мы разве не кочевники? Путешествующие, которые так же беспокойно идут от вершины к вершине и при этом никогда не достигают конечной цели, — кочевники, которые тоже бродят по континентам, если их манят далекие неизвестные горы.

Ночь мы проводим под ясным звездным куполом Центральной Азии на берегу журчащей реки. Ни непрерывно гроыхающие мимо грузовики, ни множество комаров, безжалостно нас кусающих, не могут помешать нашему сну.

Для меня сегодня первый экспедиционный день. Поднимаемся с рассветом. Устойчивая погода в Центральной Азии имеет то преимущество, что в течение дня не нужно беспокоиться о защите от дождя, а ночь можно провести без палаток. Поэтому наши сборы недолги; после обильного завтрака мы уже в машинах и катим по долине в направлении плодородного севера Афганистана. Скоро мы приблизимся к жаркой равнине древней Бактрианы.

Выбравшись из пекла Кабула и покинув горы Шибара, мы попадаем в еще более «горячий» район, нежели Кабульское плоскогорье.

Еще вчера мы думали, что у Доаба пришел конец многокилометровой скальной теснине, но ошиблись. После нескольких сот метров равнины снова теснина. Ханспетер и Визи опять переселяются на крыши машин, чтобы не упустить стену или скальное ребро. А дорога все та же. Едем со скоростью 10—20 километров, восхищаемся грандиозным горным ландшафтом или появляющимися время от времени аккуратными небольшими селами с их трудолюбивыми жителями. Как только возможно, люди используют воды Бамиана. Повсюду, куда доходит драгоценная влага, видна хорошая плата за труд: на пышных полях рис, кукуруза и пшеница — гордость трудолюбивых крестьян. Становится жарче. Нам еще далеко до большой равнины в бассейне реки Оксус. Кажется, езде не будет конца. Что ж, ведь мы находимся в бескрайней Азии!

За поворотом появляется гигантский, округленный наверху скальный кряж. Если не принимать во внимание его красный цвет, он до мельчайших деталей похож на вершину Веркарса — излюбленной горы скалолазов Гренобля. За скальным кряжем вдали видна темная лента: асфальт! Мы прибыли в Доши с северной стороны перевала Саланг. Лента черного бархата — продолжение прерванной у Чарикара асфальтированной дороги. Через год автопутешественники за час смогут из Чарикара приехать сюда, нам же для этого потребовались сутки.

Мы, откровенно говоря, очень рады, что отказались от дороги через Саланг. Если караванная дорога через Шибар и была трудна и требования к нашим транспортным средствам чрезмерно велики, то вчерашний день все же полностью окупился. Мы ехали по древнейшей военной дороге, где до некоторой степени чувствовали дыхание вечности и видели собственными глазами реку Бамиан. И даже только ради того, чтобы увидеть

колоссальную, как будто перенесенную из первобытного мира скальную теснину через Гиндукуш, стоило потрудиться и проехать этим окольным путем.

Прелести асфальтированной дороги скоро кончились. После двух километров пошла природная грунтовая дорога. Правда, она уже подготовлена под будущее покрытие, и мы можем с удовольствием констатировать, что стрелки наших спидометров временами поднимаются выше 40. Горы далеко отступили, и бескрайняя степь окружает нас. Пересекаем раскаленные участки пустыни, где встречаем редкие караваны, и затем берегом реки Сурхаб прибываем в Пули-Хумри. На противоположном конце города возвышается небоскреб с дымящими трубами. «Это цементный завод, построенный чехами», — говорит Змарай. Через несколько минут минуем электростанцию, построенную Советским Союзом. Сейчас мы находимся в Каттагане, в областном центре Баглан мы должны явиться в полицию. Это обстоятельство мы используем для посещения брата Змарая, который работает в Баглане по заданию правительства над ирригационным проектом.

В приятной прохладе его дома мы проводим самые жаркие дневные часы. В Баглане мы заполняем канистры и баки бензином и пополняем наши питьевые запасы грунтовой водой. Баглан — типичный город-сад: много парков и густых, дарящих тень деревьев. Нас приглашают переночевать в доме брата Змарая, но мы хотим использовать остаток дня и едем дальше на север, в еще более красивую местность. Плодородные поля и всадники на лошадях с роскошными седлами свидетельствуют о богатстве Каттаганской области.

Мы еще находимся на главной магистрали Кабул — советская граница. Сотни афганцев усердно работают на дороге. Иногда попадаются отдельные участки асфальтированного шоссе. Какой это отдых для наших бедных моторчиков! Как я им желаю, чтобы наконец они могли правильно охлаждаться! После продолжительного перерыва наступает черед третьей и четвертой скоростей.

Грунт глиняный и от постоянной жары сильно потрескался. Какие возникают проблемы при строительстве этой дороги, мы видим даже здесь, на равнине. Вдруг не хватает куска дороги, она просто исчезла с лица земли. Глина не всегда выдерживает нагрузку тяжелого транспорта. В Афганистане существует даже закон (правда, неписаный) о треугольном знаке при неисправности дороги, но вместо треугольника здесь применяют большие камни. Ими ограждают препятствия на дороге, будь это разбитый грузовик или яма величиной с дом.

Вечереет. Поля приобретают желтый и оранжевый цвет. Это самое лучшее освещение для цветных съемок. Виктор нацелил свой объектив на «жертву» — взъерошенного ишачонка, на котором важно восседает маленький мальчик. Едва только мальчик услышал журчание кинокамеры, его охватывает панический страх и он ревет, как будто его режут. Никакие уговоры не действуют. Паренек ничего не хочет знать о съемках и угоняет свое верховое животное в противоположную сторону.

Над нами пастух гонит перед собой несколько сот баранов. Животные вынуждены карабкаться по крутому склону песчаного холма — поистине библейский вид времен Авраама.

Высоко над рекой Кундуз находим чудесную площадку для лагеря. Мы стоим на обдуваемом гребне песчаного холма, куда последними усилиями еле поднялись наши машины, и не знаем, как назвать необитаемый ландшафт — степью или пустыней: земля красная, серая и коричневая, только вдоль русла Кундуза несколько жалких полей и зеленых деревьев.

Визи, наш фанатичный купальщик, несмотря на поздний час, готовится сбегать по крутому откосу к Кундузу. Свой уход он объясняет тем, что ему нужно там, внизу, в реке, охладить банки с пивом... Возвращается разочарованный. Пиво, к сожалению, не стало прохладнее, ибо воды Кундуза еще теплее, чем воздух здесь, наверху! А по Визи видно, что он и купанием не особенно удовлетворен.

С нашего прекрасного наблюдательного пункта можно увидеть короткие сумерки и затем ночь в пустыне. Вдали мерцает несколько керосиновых ламп. Где-то там, в пустыне, находится маленькое село с глиняными домиками, затерянное в песках Арианы.

Виктор опять приготовил вкусное кушанье, даже неохлаждённое пиво превосходно идет к нему. Едва успели покончить с едой, как к нам неожиданно приходит гость. В нашем лагере появляется старик. «Салам алейкум» (мир вам), — приветствуем друг друга по обычаю страны. Змарай переводит нам, что старик пришел из далекого села. Он увидел наш свет и пожелал нас приветствовать как гостей страны. В посудине, завернутой в тряпье, он преподносит нам мает — самодельный кефир. Мы отблагодарили его сухарями, печеньем и шоколадом. С вежливым поклоном приятный старик удаляется, но не без того, чтобы не взять с собой дорогостоящие здесь пустые банки. То, что они пахнут пивом, строго запрещенным аллахом, не производит на него особого впечатления.

Манера старика держаться типична для афганских крестьян. Наверно, ему потребуется час или более для обратного пути в

село. Возможно, он пришел к нам из любопытства. Но прежде всего это традиционное в народе гостеприимство, которое его побудило к этому жесту. Гостеприимство — это первая заповедь в кодексе чести афганца.

Завтра нас ожидает тяжелый день. С рассветом хотим сняться и не тратить время на приготовление горячего завтрака. Поэтому заранее заполняем наши термосы. Раскладушки и пенопластовые матрацы ставим на самом верху. Мы ожидаем жаркую, душную ночь с legionами назойливых комаров, но ничего не случилось. Напротив, поднимается приятный прохладный ветерок и даже комары укладываются спать, против чего мы не возражаем.

Чистое небо. Падающие звезды располагают к дискуссии о делах, в которых люди мало понимают и только могут предполагать. Будь это высоко в горах или в пустыне — созерцание свободной, еще не обузданной человеком природы всегда большое событие.

ПУСТЫНИ, СТЕПИ И КОЧЕВНИКИ

Чтобы не проспать, я с вечера завел будильник и положил рядом на песок. Поставил стрелку на четыре часа, а сейчас половина пятого. Не слышно ни звука. Мои товарищи все еще лежат закутанными в спальных мешках. Даже Визи не встал. Слава богу, меня вовремя разбудил не особо нежный порыв ветра и начинающийся рассвет. Именно сегодня мы не можем себе позволить приятно выспаться. Раскладушка Виктора провалилась, но он спит сном праведника и ничего не замечает...

Громкий ликующий крик «Лентяи, вставайте!» — и жизнь в лагере закипела. Проглатываем приготовленный накануне завтрак — и в путь. На сегодня у нас далекая цель — Файзабад, предмет мечтаний, главный центр Бадахшанской области, расположенный высоко в горах. Мы знаем, что, если сегодня хотим быть в Файзабаде, придется сократить отдых. Но если мы уже будем там, то по крайней мере оставим позади горячую низменность и наконец увидим настоящие горы. Кто знает, может быть, это наконец снежные и ледовые вершины: шести— и семитысячники! После долгого путешествия в жаре по пыли и песку это самая заветная цель, которая нас подгоняет.

По крутому песчаному откосу мы делаем несколько рискованных для машин поворотов и выскакиваем на дорогу. Грузовики с ревом несутся мимо нас. У деревни Алиабад мы покидаем главную магистраль и поворачиваем на восток к городу Ханабаду.

Через степи и пустыни с песчаной красно-коричневой почвой и кое-где разбросанными пучками травы проходит наше путешествие. «Дорога» благодаря более мягкому основанию стала лучше, нежели главная магистраль. Приятно ехать рано утром. Крестьяне верхом на взлохмаченных ишаках направляются на базар. Многочисленные караваны кочевников тоже в пути.

В то время как мужчины-кочевники практически не отличаются от оседлого местного населения, женщины выглядят точь-в-точь как европейские цыганки. Они носят на шее и вокруг лба ожерелье из позолоченных монет и бесчисленное количество браслетов. Они, как и наши цыгане, добывают средства для существования изготовлением корзин и гаданием. Да, сходство неоспоримо!

Красная почва изборозжена гигантскими трещинами, крутыми откосами и бродами, полными водой. Проворно преодолевают их наши машины. Местность становится приятнее, пустынный ландшафт чередуется с участками, изобилующими

плодородной растительностью. За пшеничным полем вдруг открывается перед нами Ханабад — типичный афганский город, расположенный в стороне от большого движения и не тронутый импортированным с Запада беспокойством.

Проблема водоснабжения решается здесь весьма своеобразно. Немного выше Ханабада ленивым мутным потоком течет мало аппетитная с виду речушка, в которой стоят водоносы с засученными брючинами и ударами рук загоняют драгоценную влагу в бурдюки. Наполненные водой, они выглядят как обезглавленные козьи туши с укороченными конечностями. Затем бурдюки с размаху бросают на ишачонка, на надетую на него специальную деревянную рогатину для транспортировки мешков с водой. Вода очень дорогое добро для жителей Ханабада, и тут не следует быть слишком разборчивым. Поэтому не имеет значения, если по водосборному руслу наряду с храбрыми водоносами проходят животные всех пород или, как мы это наблюдали, маленькие мальчики вносят свой скромный вклад в поднятие уровня воды...

По песчаной дорожке едем на восток, колеса машин утопают, как в пушистом снегу, и с трудом проходят по сыпучему грунту. Но здесь большая перегрузка наших машин способствует лучшей проходимости, и они не буксуют.

Только выехав, из зоны песков, приземляемся в глубокой пыли сухой глины. Эта глиняная пыль еще назойливее песка. Красные ее облака проникают всюду, даже в водительскую кабину, и мы начинаем кашлять и чихать. Вечером Визи придется потратить много времени, удаляя липкую, почти жирную массу, которой забит даже карбюратор.

Сильный ветер дует нам в спину. Он гонит поднятую машинами глиняную пыль вперед, и мы находимся в центре этого пылеворота, так как при нашей скорости — пятнадцать километров — не можем конкурировать с ветром.

Иногда высоко над рекой Ханабад дорога сужается до размеров пешеходной тропы. Мы не осмеливаемся проехать по этой глиняной полке шириной чуть больше выючной тропы, движение по которой связано с риском. Слишком часто встречаем и с трудом объезжаем места с обвалившимися краями дороги. А однажды даже видели внизу остатки машины, свалившейся в головокружительную бездну. И, как назло, именно здесь, на самом узком участке, оживленное встречное движение: караваны кочевников, спускающихся в долину со своими лошадьми, ишаками, рогатым скотом, баранами и козами. Их пастбища у Шива, на высоте трех тысяч метров, остались уже без травы, и забота о повседневном корме гонит их в ниже расположенные

области. Видимо, животные не привыкли к шуму моторов: они шарахаются в сторону, и погонщикам стоит большого труда удержать своих подопечных от рискованного бегства.

Левее видим каменные глыбы, в беспорядке воткнутые в землю. Одни наклонились, другие стоят прямо, некоторые лежат просто на земле. Между ними тонкие жерди с разорванными цветными выпелами. Это кладбище.

Как раз когда я веду машину, глубокая речушка преграждает дорогу. Красно-коричневая масса катится по глиняному руслу шириной не менее десяти метров, и в первый момент мы стоим как перед загадкой. В это время всадник прокладывает свой путь через этот «густой отвар». На той стороне мы замечаем следы грузовой машины, — значит, переправляться можно.

Я даю газ и чувствую сопротивление воды, поднимающейся выше фар. Через дверные щели вода проходит внутрь машины. Последними усилиями вырываемся снова на сушу. Вода ручьями стекает с машины. Это был самый глубокий брод за все время нашего путешествия.

Ждем наших товарищей. Виктор устанавливает свою кинокамеру, я приготавливаю свой фотоаппарат. Я только закончил наматывание пленки, когда наши друзья появляются на том берегу, сходят с машины, озадаченные препятствием. Визи проходит брод, измеряя глубину палкой. Затем Ханспетер на полном газу проносится через красноватый «соус», так что брызги летят во все стороны. Веселое зрелище. С любопытством ждем пленки Виктора.

На берегу реки разбит внушительный лагерь кочевников, сидят мужчины в чалмах. Судя по количеству верблюдов, это богатое племя. Много лошадей, скота. Мужчины вооружены до зубов. Украшенные серебряными гвоздями приклады винтовок и ленты с патронами блестят на солнце. Дым лагерных костров стелется над землей и распространяет терпкий запах горящего верблюжьего помета и жареной баранины.

Глаза Виктора заблестели: наконец настоящий лагерь кочевников, найдена стоящая пища для его камеры. Но эти парни ничего не хотят знать о съемках. «Буру, буру!» — «убирайся» — шумят они. Виктору непостижимо, что подобное явление возможно в обычно гостеприимном Афганистане. Серьезность положения доходит до Виктора только тогда, когда один из парней натравливает на него собаку. Виктор успевает только-только спастись в машине, захлопнув дверь. С собаками кочевников шутить нельзя. Эти страшные бестии с отрезанными ушами выглядят еще более мерзко, чем пустынные шакалы. Уши им, между прочим, отрезают затем, чтобы волки, спускающиеся

зимой в долины, не могли так легко взять свою жертву.

Меня удивляет, что мы до сих пор не напали на след известных у нас прекрасных длинношерстных афганских собак. Как оказалось, этой породы собак в самом Афганистане нет, и, видимо, принятое у нас название «афганские собаки» — чья-то фантазия.

Еще два часа — и перевальный участок остается позади. Мы едем среди плодородных полей, вдоль построенных из красной глины деревень и пышно разросшегося кустарника. Перед глубоким рвом я нажимаю на тормоза. О ужас — тормоза почти не реагируют! Поздно! Рессоры не выдерживают, нас бросает из стороны в сторону, но машина все же устояла.

«Эх, дурачок, ты должен бы знать, что тормоза после такого купания держат не сразу», — бросает Виктор. Это прозвучало несколько более резко и зло, чем он этого хотел. Просто разговорная речь приспособливается к нашему образу жизни.

«После такой осечки я подаю в отставку. Садись ты за руль». Виктор, ухмыляясь, едет дальше.

В ГОРАХ БАДАХШАНА

Миновав громадные осыпные склоны, мы наконец въезжаем в Таликан, небольшое местечко с базаром. Кроме наших машин, совсем не видно моторизованных транспортных средств. Здесь уличным движением подчеркнуто владеют ишаки, верблюды и дромадеры. Нельзя сказать, что Афганистан не подготовлен к будущему прогрессу. В центре местечка установлена возвышенность с регулировщиком уличного движения в белой фуражке. Когда он увидел, что мы едем, он вытянутыми руками остановил несуществующее поперечное движение и пропустил нас.

Через Таликан проезжают в высокогорные долины Бадахшана грузовики дальнего следования, и на окраине среди полей находим романтическую бензоколонку, последнюю перед Файзабадом, где мы можем заправиться. На тяжелой тропе протяжением в сто семьдесят километров нам придется преодолеть крутые перевалы, и, конечно, у наших перегруженных машин будет большой расход горючего. На всякий случай мы заполняем горючим предназначенные для питьевой воды канистры. Вдали виднеются уже первые вершины, и проблема питьевой воды будет довольно скоро решена.

Дальнейший наш путь пролегает высоко над бушующей рекой Ханабад.

Далеко в глубине дикой долины показываются первые отроги хребта Ходжа-Мухаммад, где уже работает мюнхенская экспедиция. Это утешение. По крайней мере мы непосредственно близко от Центрального Гиндукуша. Значит, мы все же едем в направлении Вахана. Показавшиеся вдали вершины воодушевляют нас.

Удивительно хорошая местами дорога нет-нет да и соблазнит нас к необдуманно быстрой езде. А это опасно, так как перед неожиданно возникшим препятствием мы уже не можем быстро затормозить. Так Виктор прозевал небольшой бугор. Инерция нашей машины на нем умножается, как на трамплине. Тяжелый груз завершает остальное, и машина со всего размаха ударяется о скальный выступ, хорошо упрятанный за бугром и невидимый издалека.

Рулевое сцепление как будто нарочно предназначено принять на себя этот жестокий удар. Симон и я ударяемся головами о крышу кабины, головка гудка с дребезжащим звуком слетает с руля. «Виктор, счет один — один!»- восклицаю я наполовину радостно, наполовину удрученно.

Выскакиваем из машины, чтобы осмотреть повреждение. Все,

кроме гудка, кажется, в полном порядке, но его можно быстро починить. Мы рады, что, несмотря на сильный удар, рулевое управление не получило повреждения. Нам это кажется почти невероятным. Это происшествие имеет свое положительное значение. Мысль об аварии умеряет нашу скорость до разумной и соответствующей рельефу местности.

Еще несколько сот метров — и со всех сторон нас окружают горы. Дорога постепенно поднимается. Уже пора остановиться на отдых, но мы не думаем об этом. Во-первых, хочется быстрее двигаться вперед, а во-вторых, надеемся найти наверху, у бурлящей горной речушки, чайхану, где жаждем испить наконец чистой горной воды, которую можно пить некипяченой.

Виктор, Симон и я находимся в первой машине. До сегодняшнего дня у нас не возникало проблем, как найти правильную дорогу. Вдруг наша машина застревает среди осыпей, будто мы находимся в Альпах. Только машина не особенно вписывается в окружающий ландшафт. Кругом камни. Как мы могли потерять след...

На второй машине едут Визи, Ханспетер и Змарай. Наш переводчик знает дорогу, и их машина уверенно идет по руслу, глядя на которое мы не предполагали, что это может быть дорога.

Делать повороты на осыпях не простое дело, и наша машина угрожающе качается среди скальных глыб, пока мы наконец въезжаем в русло, которое обозначено на карте как «автодорога», ведущая круто к перевалу.

С трудом проходим по осыпному склону, пересекаем небольшие речушки, едем дальше по высохшему руслу. Даже при нашей скорости в 5 километров мы не замечаем перед собой никакого следа или чего-нибудь напоминающего дорогу. Переехав широкое русло реки, мы неожиданно встречаемся с нашими друзьями. Осыпи и каменистые нагромождения стали совершенно непроходимы, и машины отказываются нам служить.

Один остается у руля, а остальные пять толкают машину изо всех сил. Снова и снова приходится брать разгон, а потом на полном газу с наполовину сгоревшими сцеплениями, издающими едкий запах, вкатываем машину наверх.

Последними усилиями и выдохшимися легкими вталкиваем вторую машину и едем дальше по плодородной бескрайней равнине к настоящему перевалу.

Хорошая вода и здесь, видимо, редкость, и мы, несмотря на голод и жажду, оставляем позади все гостеприимные чайханы, чтобы по крутой глинистой перевальной дороге спуститься в долину реки Кокча. Что может во время спуска вызвать восхищение — так это прелестные экзотические птицы с

радушным оперением.

Крутизна угрожающе нарастает. Мы тревожимся, как поедем обратно. В половине второго спустились в долину к живописной деревне Машхад, напоминающей своими чистыми домиками и мужчинами в чалмах далекий Кашмир.

Вблизи пенистого Кишма, притока Кокчи, отдыхаем на веранде чистенькой чайханы. Мы уже девять часов в пути, и сейчас каждый заказывает у любезного хозяина по три кружки чаю, и мы с волчьим аппетитом уничтожаем свой провиант. Вся мужская часть населения деревни устремляется сюда — подивиться на чужеземных гостей. Женщины не видим ни одной. Их здесь просто не пускают в общественные места, и они вынуждены проводить время за глиняными стенами своих домов. Их участь — тяжелая работала мужчины проводят большую часть времени в чайхане за разговорами и курением трубки.

Машхад — прекрасное место, здесь много дающих тень деревьев и парков. Разнообразные цветы украшают чистые, побеленные домики.

После обеда идем к пенистой горной реке и моемся — впервые после долгого перерыва. Снова сбегается мужское население Машхада и с удивлением смотрит, как мы действуем мочалками и мылом. Но когда Змарай и Симон бросаются в воду и начинают плавать, к мосту сбегаются буквально все мужчины, чтобы увидеть это редкое представление. Из массы зрителей выходит парень и, как был в шароварах, бросается в воду. Он хочет нам показать, что здесь существует молодое поколение Афганистана, тоже знающее, что такое спорт. И мы должны признаться: он хорошо защитил честь своей деревни.

Окрепшие и освежившиеся, покидаем Машхад. Карта у меня такая «точная», что показывает дорогу в Файзабад как раз в противоположную сторону. Я удивлен, что мы, руководствуясь моими фантастическими «навигационными способностями», вдруг оказываемся во фруктовом саду, в то время как знающий дорогу Змарай, оставляя за собой большое облако пыли и сигнализируя нам гудком, лихо уезжает вниз по течению реки.

С этого момента разрешаем ему, знающему дорогу, ехать впереди — это лучше, чем доверяться «чудесной карте».

Как только прибываем к главному руслу Кокчи, ландшафт резко меняется. Не успели оглянуться, как оказались в теснине, напоминающей своими причудливыми скалами виды Африки и кадры из кинофильмов о диком Западе. Мы проезжаем мимо окаменелых крокодилов, львов, голов акул и других грозных страшилищ с разинутыми пастьми и искаженными глазами — скальная теснина с адскими циклопами страшнее любого

кошмара. Между каменными чудовищами пасутся верблюды и стоят черные шатры кочевников. Поистине ландшафт первобытного мира!

Дорога становится все труднее. Круто ниспадающие скальные плиты так же просто, как на перевале Шибар, «подкрепляются» снизу колышками и там, где это требуется, «усиливаются» хворостом. На все это кладутся камни, глина и песок — и «авостострада» готова. Иншалла (если захочет аллах), она выдержит. Если же нет, не следует долго задумываться над истинными желаниями аллаха...

Особой статьёй являются мосты. Они превосходят по дерзости возведения все то, что нам до сих пор приходилось видеть из строительных сооружений. Они даже перещеголяли висячие мосты Гималаев, ибо тамошние солидные железные цепи — как бы они ни качались — испытывают нагрузку только проходящих людей, в то время как в Афганистане мосты предназначены для грузовых автомашин. Главными опорами являются стволы деревьев. Если они слишком коротки и не достают до противоположного края пропасти, то их выдвигают «на воздух», сколько возможно, и закрепляют на другом берегу кучей камней. Затем оставшееся пространство накрывается другими стволами деревьев — и мост вчерне готов. Самое главное для этого художественного произведения — куча камней, которыми крепят стволы деревьев на берегу. Чтобы круглые камни не могли упасть в теснину, их, так же как при сооружении подпорных стен на дороге, связывают хворостом и петлями из старых веревок.

В целом все это выглядит хорошо и вызывает доверие, даже при сильном прогибании под весом грузовика.

Осторожные водители всегда разгружают машину перед таким мостом, переезжают порожняком и затем переносят в отдельности груз. Но мы с нашими почти двумя с половиной тоннами общего груза вместе с машиной (нормальный общий вес вместе с грузом для наших автобусов не должен превышать 1,8 тонны) не можем себе позволить такого сложного и требующего много времени маневра. Кроме того, вид этих мостов не вызвал бы у нас неприятных чувств, если бы нам не пришлось в одном ущелье любоваться остатками такого провалившегося произведения искусства.

ФАЙЗАБАД — ГОРОД ИЗ «ТЫСЯЧИ И ОДНОЙ НОЧИ»

Чем выше поднимаемся, тем больше встречаем симпатичных жителей. Каждый приветствует нас и при этом держит правую руку у груди или отдает нам честь: «Салам алейкум». Если дорога запружена отарой овец или другим скотом, то на нас здесь не смотрят косо и не шлют проклятия, как у нас дома, а пастухи так торопятся освободить дорогу, что мы чувствуем себя в чем-то виноватыми. Мы хотя и гости страны, но, заражая бензином пастбища, могли бы ожидать от местных жителей отношения прямо противоположного.

После скального ущелья, которому больше место на диком Западе, чем в Афганистане, теснина расширяется. Мы катимся по более пологому участку долины и снова восхищаемся памятниками смелому афганскому искусству сооружения дорог. Из боковой долины вытекает глубокий, не особенно быстрый приток реки Кокча. Проложить мост через это русло существующими здесь средствами невозможно, и потребовалось бы сооружение дорогостоящей конструкции. Поэтому здесь насыпали из камней, ничем не связанных, дамбу, чтобы сквозь нее беспрепятственно могла протекать вода. Таким образом, дамба осталась пористой и вода сквозь нее находит себе дорогу. Дамба вряд ли бы выдержала экспертизу гидроинженера, но она обеспечивает сообщение автотранспорта с Файзабадом. А это главное.

На севере возвышаются крутые скальные вершины, пленяющие своей красотой, как в Гиндукушской теснине перевала Шибар. Видимо, они еще не покорены. По виду они состоят из монолитных скал и возбуждают у нас желание по ним ползать. Но мы их оставляем слева. Возможно, попытаемся подняться на них на обратном пути. Тогда у нас будет время.

Теперь дорога поднимается по крутому склону на высоте примерно двухсот метров над бурлящей Кокчей. И какой это склон! Он весь состоит из скользкой глины: и сама дорога, и обрыв к Кокче, и уходящий в синее небо склон горы. В период дождей здесь, наверно, все сползает и вряд ли можно проехать.

За следующим поворотом видим группу солдат, занятых расчисткой дороги от небольшого земляного оползня. Проложить дорогу по такому неукрепленному склону немыслимо, сказали бы в Европе. Но здесь это единственно возможное финансовое решение вопроса. Афганистан сейчас только начинает

развиваться и еще не может себе позволить сооружение дорогостоящих дорог.

Этот склон из глины содержится в проезжем состоянии только потому, что здесь в течение круглого года рота солдат ежедневно производит необходимые дорожные работы. Только таким образом стало возможно содержать дорогу в проезжем состоянии без единого грамма бетона, а стало быть, без единого афгани. Солдаты обходятся дешево, и, строя дороги, они, находясь на службе, выполняют не только стратегически важное, но и очень полезное и разумное дело.

В конце вызывающего страх глиняного склона головоломно крутой подъем, с трудом преодолеваемый нашими машинами. Прямо вверх мы не смогли проехать, и поэтому пришлось выполнять слаломобразные повороты. На другой стороне идет крутой спуск к берегам Кокчи, такой крутой, что мы уже видим себя толкающими здесь наши машины на обратном пути. На берегу Кокчи растут громадные деревья, созданные для отдыха, дающие прохладу и тень. Здесь уже приятно прохладно, и наши неутомимые купальщики Визи, Симон и Змарай довольно быстро вылезают из бурного потока реки.

Виктор кормит нас дольками сочного арбуза, искусно разрезанного Змараем, а затем снова в путь вверх по бесконечным долинам. По нашим расчетам, мы должны уже давно быть у цели, но конца езды не видно. Самая желанная теперь у нас должность — быть водителем: ведь он не только крепко держится за руль, но и сидит не в таком стесненном положении, как его двое спутников. Вести машину среди ям и неровностей дороги менее скучно, чем просто быть пассажиром. Водителю не приходится заботиться о смене. Поэтому точно по истечении часа является сменщик.

Медленно надвигаются сумерки. Еще ничто не напоминает близости города Файзабада. Едем с включенными фарами. Летучие мыши и различные пернатые появляются на миг в луче света, а испуганные животные убегают в близлежащий лес.

Наконец дорога снова круто сбегает к реке, и через мост мы въезжаем в желанный город.

Первая наша забота — найти место ночевки. Местные жители направляют нас в «Клубный дом», своего рода бесплатную гостиницу с простыми комнатами, расположенную на острове реки Кокча, куда ведет шаткий узкий мостик. «Гостиница», остров и мост своим видом напоминают средневековую рыцарскую крепость. Мы предпочитаем варить ужин здесь, у наших машин, чтобы не переносить кухню по шаткому мосту в романтическую «крепость».

Местные жители оказывают нам помощь чем только могут: приносят воду с реки и достают даже скамейки «чарпа» — своего рода кровати. Пыль и жара здорово досадили Виктору, и наш всегда неутомимый повар сразу удаляется спать, оставив нас голодными.

Но рабочий день далеко еще не закончен. Визи наряду с обычными профилактическими работами по подготовке машин приходится еще латать две запасные камеры. Гвозди от подков — вот имя этих злодеев, которым мы сегодня обязаны двойным проколом. Ханспетер, наш второй повар, теперь, после ухода Виктора, получил наконец возможность показать свое искусство. Пока он готовит ужин, я, Симон и Змарай отправляемся к губернатору Файзабада, чтобы представиться ему согласно указаниям правительства.

В такой стране, как Афганистан, где «небо высоко и царь далеко», губернатор имеет весьма большую власть. Он, так сказать, бог и царь в пределах границ своей провинции.

В еще недавно ушедшем веке ишаков и верблюдов, когда сообщение с Кабулом было гораздо сложнее и требовало для этого значительно больше времени, чем сегодня, губернатор не позволил бы какого-либо вмешательства в свои дела. Иначе в один прекрасный день он мог «случайно» появиться со своими солдатами перед городскими воротами столицы. Сегодня Кабул имеет во всех провинциях государства лояльных правителей, чья подвластность в отличие от прежних времен гарантируется самолетами и быстроходными автомашинами.

Дорогу к дворцу губернатора нам показывает солдат. Для нас это было утомительное и тяжелое путешествие. Мы идем по ночным переулкам Файзабада, мимо крытых балконов, ощупью, с карманными фонариками.

Темными лестницами, заросшими вьющимися растениями, мы куда-то поднимаемся, то и дело ударяясь головами о низкие подворотни. Здесь еще господствует романтика Ближнего Востока. Мы находимся на Востоке чистейшей чеканки, как мы его себе представляли еще подростками. Базарные лавки все закрыты, их разнообразные товары находятся за прочными ставнями. Громадные висячие замки, видимые издалека, отпугивают каждого взломщика.

В чайхане, однако, большое оживление. Расположившись на старых коврах с трубками в зубах, за чаепитием сидят, поджав под себя ноги, мужчины, слушая пение и музыку, исполняемую на самодельных инструментах. Если смотреть на это зрелище из совершенно темного переулка, то чайхана, гротесковые фигуры в тусклом свете керосиновой лампы — настоящая картина из

«Тысячи и одной ночи».

Сначала солдат приводит нас в полицейский участок. Там очень любезный, немного говорящий по-английски полицейский отбирает у нас паспорта. Он обещает доставить их завтра в наш лагерь у реки. Оставить паспорта в полиции опасно. Не знаю, сделал ли бы я это в другой стране, но мы же находимся в Афганистане.

Еще полкилометра — и наконец в черноте ночи перед нами возвышается резиденция губернатора. За массивными стенами мы сначала увидели густой лес. Здесь стоит первая охрана, которая пропускает нас беспрепятственно. Поднимаемся по узким лесным и парковым тропам и после десяти минут ходьбы оказываемся у второй стены, где ворота охраняются тремя караульными, теперь нас уже не пропускают. Змарай переводит одному из солдат нашу просьбу, после чего тот быстро удаляется. Сквозь открытые ворота хорошо виден дворец губернатора. Тут же перед дворцом, в саду, в ярком свете электрической лампы без абажура сидит мужчина с красивой черноволосой женщиной. «Это губернатор, — шепчет нам Змарай. — У него две красивые жены». В данный момент, кажется, он довольствуется только одной.

«Вот это была бы должность, — добавляет Симон, — быть губернатором Файзабада».

Солдат возвращается так же быстро, как и ушел.

— Губернатор готов нас принять, — переводит Змарай.

Как только проходим ворота, черноволосая красавица исчезает внутри дворца. Напрасно мы радовались предстоящей приятной беседе с губернаторшей, наверняка сильно скучающей с пожилым супругом в оторванном от мира Файзабаде. Афганцы содержат жен только для себя самих и в этом вопросе не допускают непоследовательности.

Ахмаду Мухаммаду Али, видимо, около сорока лет, и он уроженец Кабула. Мы приносим свои извинения за поздний визит и вручаем ему два письма от знакомых из столицы. Прочитав их бегло, он потребовал от нас правительственное разрешение для въезда в Вахан. По всему видно, что он думает: «Эти хитрецы попадут у меня в западню, если они воображают, что получают право на въезд в Вахан на основании рекомендательных писем и пары вежливых слов». Он заметно удивлен, когда мы ему предъявляем специальное разрешение, написанное черным по белому центральным правительством в Кабуле.

«Хорошо. Вы, значит, направляетесь в Вахан. Разрешение вы имеете. Но вам нужно еще явиться к губернатору Ишкашима. Я ему еще сегодня вечером позвоню. И если вам потребуется какая-нибудь помощь, то пожалуйста».

Губернатор дважды ударяет в ладоши. Появляется слуга и приносит чудесный малиновый сок. Нас давно уже мучила жажда, и мы пьем большими глотками, не обращая внимания на множество муравьев, привлеченных электрическим светом и пытающихся оспаривать наше право на напиток.

— Да, жить здесь, в Файзабаде, очень хорошо. Большее время года здесь наверху приятная прохлада. Только уж очень много работы на такой должности. «I am very busy». — «Я всегда очень занят».

Мы не хотим мешать губернатору в проведении его вечернего отдыха и, более того, дольше задерживать его супругу в доме. Передаем ему как подарок от экспедиции типичную швейцарскую зажигалку с нарисованным озером Фирвальдштетта.

Уставшие, спотыкаясь, бредем вниз к базарной улице. На обратном пути нас не провожает солдат, а мы забыли дорогу. Трижды блуждаем среди темного лабиринта стен и балконов, без Змарая мы, наверно, не вернулись бы к нашему лагерю.

Ханспетер за это время приготовил обильный ужин, а Визи закончил свою особенно большую сегодня работу. С накачанными шинами и прочищенными моторами обе наши машины стоят готовые к новым приключениям.

Летучие муравьи и комары нападают на нас еще некоторое время. Затем им, видимо, стало слишком прохладно, и мы можем спокойно подремать до утра. Но перед этим мы опустошаем при сильнейшем протесте нашего бережливого Ханспетера дополнительно две банки пива. Ведь день был очень напряженным.

Сегодня мы можем особенно не волноваться. Нам ясно, что впереди самый скверный отрезок пути до Вахана и нам ни в коем случае не доехать за один день до цели.

Таким образом, хоть один раз мы можем как следует выспаться. Как это хорошо — не вскакивать при первом луче света, потянуться, послушать шум реки и щебетание птиц и посмотреть на окружающие горные вершины с лягушачьей перспективы. После двухчасового завтрака мы трогаемся в путь.

Не более чем в двадцати метрах от места ночевки дорога поднимается так круто, что это не под силу нашим моторчикам. Даем задний ход и разгоняемся снова. Мотор ревет, сцепление прокручивается и издает острый запах. Но все напрасно: машинам собственными силами подъема не одолеть. Местные жители помогают нам толкать их вверх. «Взяли! Еще взяли!» И мы медленно поднимаемся. Под колеса кладутся камни, чтобы они не скатывались назад, и потом снова на полном газу с гиком «взяли!» выигрываем несколько метров, пока окончательно не преодолеваем крутой участок.

Этот метод применяется повсюду на дорогах Афганистана и называется «дандайи-пандж» (пятая скорость). Из таких соображений на каждом грузовике есть мужчина-«бача», который все путешествие совершает в кузове машины. Главнейший и единственный инструмент, которым он орудует, — грубый деревянный чурбан на длинной палке. Если грузовик на подъеме забуксует и должен вот-вот остановиться перед следующим рывком, «бача» ставит под колесо свой тормозной чурбан, препятствуя откату машины назад. И даже если машина при каждом разгоне преодолевает всего несколько сантиметров, то с помощью «дандайи-пандж» все же постепенно достигает цели. Подтверждением значимости «пятой скорости» служит хотя бы тот факт, что перед крутыми участками перевала Шибар все ларьки торгуют не чем иным, как тормозными башмаками и чурбанами всех размеров.

Кроме визита к губернатору нам предстоит еще одно важное посещение: заправочная станция Файзабада. Ибо это последняя точка, где можно получить бензин. Выше к Вахану уже нигде нельзя получить и капли.

«У последних домов Файзабада, — говорят нам, — расположена заправочная станция». И действительно находим ее там в одном дворе, заполненном бензоцистернами.

Бензоколонки, как таковой, не существует, и горючим

торгуют прямо из цистерн.

Али, шустрый парень-«караванбаши», мигом появляется, со смехом сует один конец шланга в бочку, подсасывает на другом — и горячее уже течет в наши машины. В этот раз мы заполняем не только баки и запасные канистры, но берем еще про запас столитровую бочку. От этого, правда, нашим и без того перегруженным машинам не станет легче, но другого выхода нет, и если наши телеги девять тысяч километров шли с перегрузкой, то один центнер не играет роли. С трудом находим место для бочонка в полностью загруженной вещами машине.

Мы хотим еще раз осмотреть «город», прогуляться по оживленному базару. Здесь мы видим настоящие таджикские тюбетейки, медную посуду и старинные музыкальные инструменты. Решаем во избежание перегрузки наших машин купить эти вещи только на обратном пути.

Затем идем по приглашению Ханспетера в чайхану, Мы как раз потягиваем крепкую горячую жидкость, когда прибегает возбужденный Виктор, держа в руках сыр и колбасу. Харчи пахнут бензином: приобретенный бочонок течет!

«Безобразия, теперь придется перегружать машины», — ругается Визи.

«Не так страшно, мы сегодня и так уже опоздали, — успокаивает его Симон, — кроме выделенного на сегодня провианта, все остальное продовольствие находится в другой машине».

У торговца бензином Файзабада «караванбаши» обмениваем худой бочонок, снова перегружаем машину, а тут бьет десять часов, и мы говорим приятному Файзабаду: «До свидания».

АВТОМАШИНЫ «ЛАЗАЮТ»

О качестве дороги в Вахан сведения были самые противоречивые. Прежде всего нас беспокоит, проедем ли мы вообще о нашими машинами по тем дорогам.

«Обычными автомашинами вы доберетесь максимум до Файзабада, не дальше, это точно. Там наверх можно ехать только на вездеходе», — сказал нам при прощании в Швейцарии Ян Мостовский, участник прошлогодней польской экспедиции в Гиндукуш.

Мы все же хотим попытаться проехать как можно ближе к цели на своих машинах. В крайнем случае мы можем обе машины где-нибудь оставить и организовать караван носильщиков.

Сначала дорога поднимается относительно полого в долину Кокчи.

Прекрасные горные деревни с зелеными полями, стройными тополями чередуются с бурлящими горными реками и пустынными осыпными склонами.

Местами дорога находится в таком хорошем состоянии, что можно ехать на второй скорости, позволяющей несколько сэкономить бензин.

Вместе с Визи и Ханспетером едем во второй машине. Чтобы не забивать нос облаком пыли от передней машины, держим большой интервал. На одном повороте за мостом неожиданно нагоняем наших друзей. Долго гадать о причине их остановки не приходится. В ужасе они смотрят на лежащий впереди участок дороги, где как раз спускается на ослике старик в тюрбане. Не то чтобы дорога была непроезжая, страшен поднимающийся рядом с нею склон! Он идет сначала вертикально, а затем нависает над ней. Но самое неприятное то, что склон сложен из круглых камней, с той только разницей, что здесь колоссальные голыши объемом два-три кубических метра висят над дорогой. Никому не пришло в голову их взорвать или иным способом сбросить вниз, прежде чем они причинят несчастье. Даже наш переводчик подобного еще никогда не видел.

Удивляться здесь бесполезно, лучше дать газ и оставить это опасное место как можно скорее. Глыба, наверно, не собирается свалиться именно на нас. Уж как-нибудь проедем, иншалла! Визи сидит за рулем, но даже он, испытавший камнепады северной стены Эйгера, чувствует себя здесь не особенно весело, проезжая ближайшие пятьдесят метров.

У селения Бахарак ответвляется на север долина Джурм к перевалу Анджуман, где уже несколько раз побывали немецкие

альпинисты. Здесь мы берем точное направление на восток и следуем вдоль бушующих вод Вардуджа. В то время как долина Джурм остается еще пологой, профиль дороги резко меняется, и вскоре нам приходится преодолевать многие участки с помощью «пятой скорости».

Как нарочно, именно здесь местный житель просит его прихватить с собой. «Хочу проехать в Вахан», — кричит он. Мне еще никогда не было так жаль отказать человеку, но при наших самых лучших желаниях мы не могли ему помочь. Не потому, что машины перегружены. Не было ни клочка свободного места, Змарай объяснил ему положение, но мужчина из Вахана не хотел нас понять.

Крутизна все увеличивается. Мы уже не могли взять подъем с разгону, так как дорога была покрыта осыпями и изборождена промоинами. Как только начинает уменьшаться скорость, двое соскакивают на ходу с машины, облегчая ее сразу более чем на сто килограммов, и помогают мотору, толкая изо всех сил. Таким образом нам удалось без особой потери времени перехитрить «плохую акклиматизацию».

Такие подъемы чередовались с километровыми равнинными участками, где моторы и люди могли отдышаться.

Под листвою тенистого орешника останавливаемся на отдых. Проворный, как обезьяна, Визи исчезает в ветвях дерева и радуется тому, что может нас осчастливить твердыми, зелеными и к тому же неспелыми плодами.

У него есть основание к таким шуткам: ведь сегодня ему еще не приходилось менять колеса на машинах, и он без ущерба может израсходовать избыток энергии.

После качающегося моста путешествие продолжается в прежнем порядке.

Затрата лишней энергии на некоторых участках являлась неотделимой частью приключенческого автопутешествия «дандайи-пандж» и была относительно небольшой. Однако впереди дорога поднимается крутыми зигзагами по склону горы. Подъезжаем ближе и убеждаемся, что тут нам не проехать даже с помощью «дандайи-пандж».

С отчаянием пытаемся поддержать обороты мотора. Ханспетер сидит за рулем, а Визи и я уже покинули машины и изо всей силы толкаем. Но постепенно мотор стучит все слабее и слабее и наконец совсем глохнет. Подъем на перевал протяжением триста метров такой крутой и покрыт осыпями, что бессмысленно пытаться проехать с нагруженными машинами. Даже с «пятой скоростью» можно повредить моторы и вывести из строя уже пострадавшие сцепления.

Мы хотим разведать дальнейший путь, чтобы в случае необходимости организовать вьючный караван. Высотомер показывает уже 2480 метров, так что бензиновые моторы без специальной подачи воздуха в связи с недостатком кислорода работают значительно слабее.

Пешком поднимаемся на перевал и констатируем, что дальше тянется нескончаемая равнина, где наши машины будут работать безотказно. Значит, так или иначе их нужно поднять по крутому кулуару! При спуске назад замечаем, что первоначально дорога шла значительно ровнее вдоль берега Вар-дуджа, но теперь обвалилась в нескольких местах. Этот очередной осыпной склон — вынужденный объезд обвалившихся участков дороги.

Для подъема наших машин существует только один выход: мы снимаем минимум три четверти груза и пробуем затем проехать на полном газу с «дандайи-пандж». Снятый груз придется перенести наверх на своих плечах.

После полуторачасовой напряженной работы поднимаем наконец одну машину. Пока я с Визи и Ханспетером разгружаем вторую машину, Змарай, Симон и Виктор разведывают первоначальную дорогу. Может быть, лучше перенести грузы по почти ровному участку и погрузить их там в машины, нежели поднимать на перевал?

К сожалению, рекогносцировка не дает желаемых результатов, потому что старая дорога на большом участке в непроезжем состоянии. Но зато они привели с собой группу местных жителей из близлежащей деревни, они помогут нам переносить грузы и толкать машины.

Сначала расспрашиваем их о состоянии дороги до Вахана. «Дорога даже наполовину не будет такая крутая, как эта», — переводит нам Змарай. Чтобы быть уверенным, я отзываю одного парня в сторону и расспрашиваю его знаками с упоминанием местностей, как Зебак и Ишкашим, о профиле дороги. Движением рук он показывает мне, что дальше все почти плоско и ровно. Если бы это была правда!

Наши помощники — сильные дети природы. Они знаками дают понять, что не нужно разгружать машину, они и нагруженную могут протолкнуть через перевал. Все же мы не рискуем на такой эксперимент и разгружаем ее наполовину.

Таджики делом подтверждают, что достаточно сильны. Самые тяжелые ящики и фибровые барабаны берет один человек на спину, и мы буквально теряем дар речи, когда видим, что наш самый тяжелый неделимый груз — бочонок со ста литрами бензина — переносится по служащему «дорогой» осыпному кулуару босоногим парнем! С помощью местных жителей вторая

машина вскоре поднята наверх, и у нас впереди опять свободная дорога для дальнейших приключений на афганских «автострадах».

Дружелюбные горцы помогли бы нам и без оплаты звонкой монетой их труда. Змарай сообщил нам, что афганское государство обязало их бесплатно оказывать помощь на дорогах и содержать в относительном порядке. Мы даем каждому 50 афгани, которые они с радостью и благодарностью принимают. И мы убеждены, что они честно заработали эти деньги.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ

Уже вечереет, и ехать дальше бессмысленно. В темноте трудно подыскать подходящее место для бивака. Поэтому останавливаемся тут, где между скудным пшеничным полем и обрывом к Вардуджу осталось свободное место, служащее «дорогой». Расставляем наши раскладушки, Ханспетер и Виктор занимаются примусами, а Симон и Визи укладывают снятый багаж снова в машины. Уверенные, что вряд ли ночью кто-либо здесь будет проезжать, не долго думая, занимаем всю проезжую часть.

Уже совсем стемнело, когда мы закончили загрузку наших машин. Я подхожу к кухне, чтобы передать «кухонному персоналу» флягу керосина. И в этот момент Ханспетер, как живой факел, в испуге отскакивает от бензинной кухни. Нога и обе руки горят ярким пламенем — вид страшный! Вместо того чтобы закутать горящие части тела и тем самым заглушить пламя, Ханспетер в испуге бросается в сухое пшеничное поле, которое тут же загорается, а затем бежит в направлении каньона реки Вардудж. Я бросаюсь за ним, боясь, что он, не замечая ничего от боли, может свалиться с обрыва.

«Ложись!» — кричу я, догоняя его. В это время Виктор, схватив складной стул, гасит им горящее поле. Очень легко могла разразиться катастрофа, и обычно добродушные таджики нас, наверно, линчевали бы. Симон, наш врач, видимо, еще не понял ситуации, ибо он ругает Виктора, почему тот так обходится со стулом...

Ханспетер выглядит плохо. Руки не особенно пострадали, но на ноге большие кровоточащие ожоги. Симон и здесь сохраняет спокойствие:

— Это ничего. Сгорела немного кожа. Это не страшнее, чем если бы ты, падая с велосипеда, протащился немного по асфальту.

Мы усаживаем Ханспетера на раскладушке, Симон делает ему болеутоляющие уколы и обрабатывает ожоги.

Это происшествие для нас серьезное предостережение: впредь обходиться с бензином надо осторожнее и не ставить открытые бачки около горящего примуса. Долгая жизнь в пустыне способствует в какой-то мере неряшливости, но это в данном случае могло привести к более тяжелым последствиям.

В то время как Ханспетер благодаря уколам Симона мирно спит, мы наслаждаемся ужином при свете керосиновой лампы. Все сожалеем о несчастье с Ханспетером и надеемся, что это не

будет препятствовать ему совершать восхождения.

Сегодня вечером впервые показались большие снежные и ледовые вершины — видимо, гиганты Вахана. Хотя они еще далеко на востоке, но тем не менее создают у нас отличное настроение. После бесконечного путешествия по жаре и пыли чувствуем себя наконец вблизи высокогорья, мы вплотную приближаемся к цели экспедиции.

Только мы улеглись посередине дороги на наших раскладушках, как мимо нас проходит небольшой караван ишаков. «Салам алейкум», — и тут же исчезает в ночную тьму уютный звон колокольчиков.

Просыпаемся в испуге. Неожиданно вдали показывается луч автомобильной фары. Это, видимо, вездеход, быстро к нам приближающийся. Спешно покидаем спальные мешки. Здесь наверху мы не ожидали ночного движения транспорта. Перегоняем машины к краю пшеничного поля, а мирно спящего под наркозом Ханспетера переносим в поле. Затем освобождаем дорогу от кухни и раскладушек.

Через несколько минут появляется вездеход с шестью афганцами. Такие вездеходы можно часто видеть в Афганистане. Сидящие в машине — очень любезные местные жители, и один из них хорошо говорит по-английски. Мы узнаем, что он из Кабула и участвует в различных правительственных проектах в Вахане.

Прежде всего мы успокоились, узнав от него, что дальнейшая дорога в Вахан — сущая детская игра после того, что мы проехали.

Любезный афганец преподносит нам еще один сюрприз: дорожное строительство в Вахане делает большие успехи. Если в прошлом году в Вахан по хорошей дороге едва можно было проехать 30 километров, то сегодня, проезжая часть дороги, пролегает на протяжении более 100 километров вдоль советской границы до местечка Калайи-Панджа, расположенного в сердце Вахана.

Любезные афганцы приглашают нас поехать с ними сейчас же, чтобы не сбиться с дороги. Это предложение мы принять не можем вследствие нетранспортабельности Ханспетера и невозможности угнаться за их быстроходной машиной.

Рано утром нас будит один из оказавших нам вчера помощь таджиков. Он показывает на оросительный желоб, куда мы как раз свалили часть нашего барахла. Мы едва успеваем снять вещи, как вода проносится мимо нас. Как в Валлисе, так и в горном Таджикистане поля орошают до восхода солнца.

Ночь была опять приятно прохладной, и, хотя мы находимся теперь в очень «диком» районе, до сих пор нам не приходилось

сталкиваться ни с дикими зверями, ни с разбойниками, о которых так много читали в книгах об Афганистане.

Симон едет в машине со своим пациентом и Визи, а Виктор, Змарай и я составляем авангард. Сразу после ночной стоянки в середине деревушки Рабат спускаемся по такому крутому спуску, который нам на обратном пути (его придется брать в гору) попортит нервы. Но затем дорожка все улучшается и дальше пролегает практически горизонтально.

Змарай уверенно ведет машину, но после небольшой неровности передок машины со всего размаху врезается в скальную глыбу. Со звоном соскакивает с руля крышка гудка, а рулевое управление получает еще раз мощный удар. Мигом оказываемся под машиной, чтобы осмотреть повреждение. В этот раз мы не так просто отделались: управление сильно погнуто, и руль поворачивается очень туго. Рычаг переключения скоростей тоже почти не действует. Хотя мы сейчас можем продолжать поездку, но у Визи сегодня вечером будет немало дополнительной работы.

ВДАЛИ СЕМИТЫСЯЧНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

После короткого отрезка песчаной дороги долина разветвляется: вправо — южное направление к местечку Зебак и дальше через высокий перевал в Пакистан. Мы берем левое, уходящее на северо-восток в долину, чтобы через перевал Сардаб высотой 2784 метра доехать до Ишкашима — ворот Вахана.

Непосредственно перед разветвлением неожиданная остановка перед кривым ветвистым стволом дерева, положенным поперек проезжей части дороги. Причину этого препятствия скоро узнаем. Из расположенного рядом караван-сарая появляется мужчина, нижняя часть одежды которого напоминает местного жителя, в то время как китель и фуражка полицейского показывают, что перед нами полномочный представитель Его Величества. Он требует от нас паспорта и специальное разрешение на въезд в Вахан. Затем вытаскивает громадную желтую книгу, чтобы в ней аккуратно записать номера наших паспортов и фамилии. Пока эта церемония совершается, нам разрешают войти в караван-сарай. Помещение выглядит как отделение полиции — со столами, скамейками и нарами. Топящаяся дровами печка напоминает нам, что здесь наверху холоднее, нежели в долине, и что господин полицейский, видимо, родом из более теплого края.

Мы практически находимся на уровне перевала Сардаб, так что теперь уже не можем ожидать трудных подъемов. И действительно, дорога идет дальше более или менее ровной плодородной местностью. Свободно пасущиеся лошади играют со своими жеребятами на сочных зеленых лугах, а темно-красные скалы закрывают эту сцену от голубого неба Центральной Азии.

По умеренно крутой дороге, состояние которой сравнительно с пройденной кажется нам идеальным, поднимаемся к перевалу Сардаб. Карта не совсем точно совпадает с местностью, и я не очень уверен, где мы находимся: мне кажется, что мы очень быстро поднялись. Видимо, перевал Сардаб расположен только за следующей долиной, там, внизу.

В ожидании второй машины Виктор останавливается сразу же за перевалом. Здесь дует холодный ветер. Если раньше нам в течение дня приходилось мучиться от жары, то сейчас мы впервые за все путешествие вытаскиваем наши свитеры, но проходит довольно много времени, пока их находим среди барахла.

Наконец подъезжают наши товарищи. Ханспетер чувствует

себя очень скверно. Только принимая болеутоляющие таблетки, он способен путешествовать.

«Это, наверно, уже перевал Сардаб, — замечает весьма осторожно Симон, — а вообще надо посоветоваться с высотомером». Но как мы найдем среди нашего хлама эту маленькую вещь? И кроме того, мы его вчера не поставили на отметку. Ради этого поставить вверх ногами нашу карету и потом снова нагружать?! И весь этот цирк ни за что ни про что. «Вы потом сами узнаете, этот ли — как он называется? — перевал Сардаб, — возмущался Визи. — Было бы разумнее наконец как следует двигаться вперед. Иначе мы и к зиме не доедем до гор».

Он прав. Поедем лучше дальше.

Так же плавно, как подъем к перевалу, идет спуск в другую сторону, местность выглядит довольно безрадостно, уныло. Песок и осыпи по обеим сторонам. Очень далеко внизу в долине виднеется селение с деревьями и зелеными лугами.

После ста метров езды раскрывается загадка. И без высотомера теперь ясно, что мы только что проехали перевал Сардаб. Теперь мы знаем, что спускаемся в долину Амударьи. Последние сомнения отпали, ибо на правой стороне долины возвышаются величественные горы, состоящие из темных скал и сверкающего льда. Они так высоко поднимаются в небо, что это могут быть только шести— и семитысячники. Мы находимся у ворот Вахана!

Останавливаемся. Фотоаппараты и кинокамеры от интенсивных съемок, как всегда, греются. Своими малопроворными пальцами рисую панораму гор в блокнот. Кто знает, возможно, эти рисунки за неимением хороших карт окажут нам еще услугу.

НАКОНЕЦ В ВАХАНЕ

С сознанием, что теперь нам уже недолго ждать наших гор, катимся в долину. Амударью, эту легендарную реку, вошедшую в историю под названием Оксус, мы пока не видим. Осыпные склоны слева, видимо, относятся уже к Советскому Таджикистану.

По обеим сторонам дороги селение. Согласно карте, это должен быть Ишкамиш, последнее село перед Ишкашимом. Как и у Зебака, здесь тоже положенное поперек дороги дерево останавливает нас. Стоящий за ним полицейский объясняет нам, что мы находимся в Ишкашине. Значит, Ишкашим существует не только на карте!

Для нас Ишкашим не только ворота в Вахан. Это имя уже месяцами было для нас настоящим волшебным словом. Еще дома мы все твердили: «Когда мы будем в Ишкашине...»

Как только мы предъявляем паспорта и разрешение, один до зубов вооруженный солдат тут же провожает нас по аллее тощих тополей в усадьбу. Проводит мимо небольшого пруда к глиняному дому, где в дверях нас уже ожидает высокий, лет сорока мужчина в темной каракулевой шапке. Его греческому профилю соответствует еще более звучная фамилия: «Сардар Мухаммад Юнус, губернатор Ишкашима», — переводит Змарай.

Вскоре появляется легендарная фигура коменданта гарнизона Вахана. Ахмадулла-хан — по знакам отличия полковник прославленной королевской армии Афганистана, относящейся к высоко держащим боевые традиции вооруженным силам мира. В прошлом столетии она доставила немало хлопот Британской империи у перевала Хайбар. Ахмадулла-хан гигантского роста, с воинственным взглядом и лицом, изборожденным шрамами от сабельных ударов. Наши ручки просто исчезают в его огромных руках. С ним лучше не иметь дела.

Сардар Мухаммад Юнус и Ахмадулла-хан — самые могущественные люди в Вахане. Быть с ними в хороших отношениях почти так же важно, если не важнее, нежели иметь официальное правительственное разрешение из Кабула.

В конечном итоге эти двое сидят здесь у входной двери в Вахан.

Сардар Мухаммад приглашает нас всех на чай. Причем мы не остаемся для этого в канцелярии, а он зовет нас к себе домой. Очень большая честь!

Его личная резиденция — деревянный дом — редкость в Афганистане, и можно подумать, что он импортирован из шведской Лапландии.

— Как на Шпицбергене, — замечает Ханспетер.

Ахмадулла-хан тоже живет здесь. Он исчезает на несколько минут и появляется преображенным с ног до головы. В честь нашего визита он надел свою начальническую полковничью форму и выглядит еще более воинственно.

Резиденция строго охраняется. Солдаты с автоматами па плечах стоят на часах перед дверью дома и в саду. Стоит только полковнику бросить на них взгляд — и они тут же принимают стойку «смирно». Один из солдат приносит чай. Мы вносим свой пай в виде печенья, шоколада и консервов.

— Ты видел, откуда он принес воду? — шепчет мне Визи.

— Да, из арыка.

Но арыки в этой деревне, расположенной высоко, не так страшны, и, кроме того, чай кипяченый.

Нашим хозяевам европейская пища приходится по вкусу. Только колбасы и мясные консервы они находят отвратительными. Зато Ахмадулла-хан усердно занимается рыбными консервами. Лососина и сардины, которые я ему сервирую на хрустящих хлебцах, восхищают его.

От печенья и шоколада он тоже не отказывается, и студенческая еда ему тоже нравится.

Сардар Мухаммад предается смакованию наших семи сортов сыра. Тут я замечаю, как он схватил кусок ветчинного сыра, но уже слишком поздно, чтобы обратить его внимание на содержащуюся в нем свинину, и беда ныряет в его раскрытую пасть. Этот сорт, кажется, ему нравится меньше. Надкушенный кусок он передает солдату, который рад этому богатству и с улыбкой отправляет в брючный карман.

«Возьмите с собой одного из моих солдат для охраны ваших машин и базового лагеря», — предлагает нам полковник.

Сардар на это предложение кивает утвердительно и повторяет, что Вахан — дикая местность и есть определенный риск для иностранцев.

От любезного предложения предоставить в наше распоряжение солдата мы также любезно отказываемся, мотивируя это тем, что просто не имеем места в наших набитых машинах для дополнительного попутчика. И кроме того, мы не хотим злоупотреблять гостеприимством в Афганистане.

«Вы прибыли очень поздно, — продолжает Сардар Мухаммад Юнус, — одна итальянская альпинистская группа приехала еще месяц назад. Австрийцы тоже уже в пути. С Кишмикхана одни шли вверх по долине, другие — с Казидех в район ледника Мандарас. Вам нужно поторопиться. Через тридцать дней здесь уже может выпасть снег».

Нам ясно, что мы прибыли не слишком рано. Но во всяком случае одиннадцать дней в Кабуле не пропали даром. Это дало нам возможность подняться до долин Лангара в еще не изведенные края.

Сардар Мухаммад удивлен, когда мы ему рассказываем, что наша экспедиция не последняя. Спустя неделю за нами последует сильная польская группа. Мы ведь с ними встретились в Кабуле, где они ждут своего багажа. Слишком рискованно багажу путешествовать по Азии самостоятельно, без сопровождающего. Многие экспедиции могут об этом петь печальную песню.

Наступает время закончить обильную трапезу и выезжать в направлении Вахана. Сардар Мухаммад Юнус и полковник Ахмадулла-хан теперь наши друзья, и мы уже радуемся предстоящему здесь празднеству в честь покоренных вершин в связи с нашим возвращением.

— Да поднимитесь на нашу самую высокую гору! — кричит нам вслед полковник.

В САМУЮ ГЛУБЬ ВАХАНА

Внезапно пыльная дорожка спускается в глубину долины Оксуса. За следующим поворотом появляется наконец давно желанная река. Лениво катит она свои черные с песком воды по степям и песчаным пустыням Таджикистана. У нее впереди длинная дорога, пока ее воды, питаемые высочайшими вершинами Центральной Азии, дойдут до Аральского моря или, как сейчас, во время засухи, исчезнут в песках пустыни Каракум. Вид реки не вызывает восторгов. Но мысль, что это важнейшая река Азии, заставляет нас смотреть на нее с почтением.

На другой стороне реки находится Советский Таджикистан. Отчетливо видим белые и голубые домики колхоза. Кроме забора, который через несколько сот метров кончается, и одинокой сторожевой башни, ничего здесь не напоминает государственную границу.

У села Футур отдыхаем на берегу журчащей горной речушки. Глоток превосходной чистой воды действует освежающе. Эта долина расположена на высоте более двух тысяч пятисот метров, и через узкие боковые ущелья иногда открываются виды на высокогорье. Грандиозные ледовые вершины заставляют чаще биться наши альпинистские сердца.

Здесь, в Вахане, мы наконец можем пользоваться новыми картами Афганистана, полученными от геологической службы в Кабуле. Хотя это только фотокопии, но они оказывают нам хорошую услугу.

Начиная с Ишкашима мы сверяем дорогу и окрестности по ней и убеждаемся, что эта карта точная. К сожалению, она охватывает только несколько сот метров южнее Оксуса и на ней отсутствует высокогорная зона.

Дорожка ведет нас дальше на восток, и мы скоро обнаруживаем, что Вахан — малопродуктивная местность: песок, камни и очень редкие пятна скудной зелени.

Сразу за деревушкой Казидех подъезжаем к стоянке четырех Фольксвагенов — автобусов с австрийскими опознавательными знаками. Это машины объединенной экспедиции из Верхней Австрии и города Грац, вышедшие отсюда в ущелье Нушак к леднику Мандарас.

Мой друг Сиги Юнгмейэр из Линца входит в эту группу. Сиги Юнгмейэр принес большую пользу и нашей экспедиции. Полгода назад, во время Люцернского карнавала, он рассказывал о подготовляемой им экспедиции в Гиндукуш. Моя многолетняя мечта посетить когда-либо Гиндукушские горы еще больше

подогревалась этими разговорами. И вечное «нужно когда-либо» было превращено в действие только благодаря Сиги Юнгмейэру. И теперь он там, наверху, в ущелье Йушак, а я стою со своими пятью друзьями в Казидехе.

За Кишм-ханом можно увидеть гордую цель австрийских друзей-альпинистов — семитысячник Кохи-Кишм-хан. Недоступная, трудная вершина, которая нашим друзьям будет упорно сопротивляться. Мы пожелали им счастья.

Австрийские альпинисты штурмовали эту гору еще в прошлом году. Немного не доходя до вершины, им пришлось повернуть назад. Они запоздали и попали в осенние бури, потеряв более полутора месяцев на ожидание в Кабуле своего груза, необдуманно посланного в Афганистан без сопровождающего.

Дорога становится все более песчаной. Кроме вездеходов, видимо, за пределы Казидеха еще не проходила ни одна машина. Нам приходится применять множество приемов, чтобы не застрять, но все же наступает момент, когда все искусство исчерпано, а впереди идущая машина дальше ехать не может. Визи поговаривает о разгрузке, я думаю о караване носильщиков, но до этого мы попытаемся отбуксировать застрявшую машину с помощью другой. Нейлоновая веревка натянута до предела — и вот машина снова на ходу. Но мы еще не преодолели песчаную дорогу. Серая масса, как и раньше, грозно закрывает нам путь. Прежде чем проехать, зондируем подозрительный участок ледорубами в поисках самого мелкого слоя песка и проносимся на полном газу по более каменистому грунту через труднопроходимое пространство. На этот раз мы удачно проскочили и можем беспрепятственно ехать дальше. Дальше, в направлении Китая. Что это, восточное преувеличение? Ничуть! Стоит трижды проехать между Люцерном и Цюрихом — и это то расстояние, что осталось нам одолеть, чтобы оказаться перед воротами Китая. Только когда слышим слово «Китай», чувствуем, как далеко уехали от дома.

Здесь, в Вахане, снова русла речушек, которые приходится форсировать, очень часто прибегая к помощи «дандайи-пандж».

На небольшой возвышенности останавливаемся отдохнуть после особо напряженного отрезка пути и восхищаемся новым для нас ландшафтом. С другого берега Оксуса нас приветствуют колхозники. В кузове проносящегося на большой скорости грузовика они едут домой.

Каждое уходящее на юг боковое ущелье открывает нам виды на высочайшие пики Гиндукуша. С помощью точной афганской карты можем установить входы в ущелье, и уже знаем, какое

перед нами ущелье: Казидех с Нушаком, или маленькое ущельице Варг, которое замыкается безымянным шеститысячником, или дикое ущелье Шахар. Кроме того, по рисункам прошлогодней польской экспедиции можно приблизительно определить появляющиеся вдали вершины. Невозможно спутать 6200-метровую вершину Варга, семитысячника Кохи-Кишм-хана и названный поляками «плоским» шеститысячник в ущелье Шахар.

На юге видна еще одна трудноопределимая красивая ледовая пирамида, поднимающаяся крутыми стенами в небо. Видимо, это покоренный поляками семитысячник Надир-шах.

Нас охватывает волнение: ведь мы приближаемся к цели нашей экспедиции — ущелью Лангар. Для этого ущелья у нас правительственное разрешение, и здесь мы можем наконец поспорить с вершинами.

Дует сильный западный ветер, несущий массу песка. Проезжаем селение Шахар. Сильные ветры согнули редкие ивы. На рисунках поляков это место называется «Лагерь ветров под ивами» — значит, ветер вместе с песком является приметой Вахана.

По карте уже недалеко селение Лангар. Совсем рядом с Оксусом пробиваемся через песок и преодолеваем крутые подъемы.

Афганский парный патруль пограничников, контролирующий границу с Советским Союзом, молча проходит мимо нас.

Около 6 часов вечера мы уже были у глинобитных домиков селения Лангар. Сразу же бросается в глаза великолепная ледовая пирамида в глубине ущелья того же названия. Видимо, это тот семитысячник, который отмечен на польских рисунках под названием «Зворник». Для лучшего обзора едем немного дальше селения на восток. Мы не разочарованы. «Зворник» дарит нам богатые впечатления. Его ледовые сбросы и гребни уходят в синее небо. Такая вершина вызывает вздохи облегчения: ведь мы прибыли в Лангар, не имея ни малейшего представления о его горах.

Возвращаемся в селение Лангар и выбираем хорошее место для палаток. Желательно, чтобы оно находилось рядом с машинами, и было защищено от ветра.

К нам приближается худощавый человек с большим орлиным носом. От песка, который постоянно крутится в воздухе, его лицо и йоги покрыты толстым «защитным слоем».

— Это «лендлорд», — говорит нам Змарай.

Хотя староста внешне выглядит весьма сурово, он тем не менее так же любезен, как и все его земляки. Спрашивает, откуда мы пришли, и тут же перечисляет все страны, о существовании которых он знает. Швейцарии среди них, конечно, нет. Змарай поэтому объясняет ему, что мы пришли откуда-то между «Полинд» и «Джермани». Там «свисс-сахибы» ведут такую же мирную жизнь среди высоких гор, как вы здесь, в Вахане. Жители Лангара принимают нас гостеприимно. «Лендлорд» разрешает нам проехать на машинах через его поле к месту бивака. Это нас радует, так как лучшим образом обеспечивает устройство лагеря и стоянки машин в одном месте. Староста предлагает нам одну из своих хижин, тем самым освобождая нас от необходимости устанавливать палатки. Она, правда, без крыши и состоит только из четырех стен, но во всяком случае там можно разбить бивак. Он созывает нескольких парней и приказывает им приготовить как следует наше жилище. Поистине внимательный хозяин.

Здесь, в Лангаре, после многих хлопот кончается наше автопутешествие. Расстояние от Люцерна сюда составляет 9248 километров (9248000 метров), из которых по крайней мере половину пришлось ехать на первой скорости, принимая все меры предосторожности. Теперь наши машины получили заслуженный покой, и Визи сможет произвести тщательный техосмотр.

Дующий с запада штормовой ветер все крепчает. К заходу солнца он превращается в настоящий ураган. Среди наших

глиняных стен бушует круговорот песка и пыли, и, несмотря на кулинарное искусство Виктора, нам не совсем приходится по вкусу сваренная им еда, приправленная всяким мусором.

В конечном итоге нам надоедает поведение разбушевавшейся стихии, и мы впервые за все наше путешествие разбираем большую удобную палатку, предназначенную для базового лагеря. Так как это делается уже в темноте, возникают дополнительные хлопоты по правильной укладке всех веревочек, крючков, колец и колышков. Нашему многострадальному Ханспетеру приходится выслушать не одну остроту в свой адрес, пока устанавливается полотняный дом. Палатка успешно сопротивляется ураганным порывам ветра и блестяще выдерживает генеральное испытание для высокогорья.

Среди ночи меня будит лихорадка и подозрительные боли в животе, и я начинаю через каждый час совершать ночные прогулки под чудесным звездным небом Центральной Азии. Очень веселое занятие.

Это бедствие всех экспедиций в азиатские страны и бич для живущих здесь европейцев. Грипп кишечника везде одинаково неприятен вне зависимости от того, называется ли он «тегеранитис», «кабулитис» или «непалитис». И здешний «лангаритис» не лучшего свойства. После завтрака я мучаюсь еще больше. Через каждую пару минут я удаляюсь в редкий кустарник. О недостатке насмешек мне заботиться не приходится...

Лангарское ущелье — наша цель, поэтому мы хотим предварительно провести разведку, прежде чем начать подъем со всем экспедиционным барахлом и караваном носильщиков. Ведь в наших машинах уложено около двух тонн снаряжения и продовольствия.

Видная издали ледовая вершина, по всей вероятности, и есть предполагаемый семитысячник. Но что, если подъем в Лангарское ущелье слишком опасен или представляет непреодолимые трудности? Было бы неразумно держаться за это ущелье только потому, что оно цель экспедиции.

При восхождении часто терпит крушение именно тот, кто не может приспособиться или изменить принятые решения. Правда, афганское правительство выдало нам разрешение только для Лангарского ущелья. Но нам сопутствует счастье, ибо в Вахане, согласно рассказам местных жителей, есть несколько ущелий под названием «Лангар». Сардар Мухаммад Юнус тоже обратил на это наше внимание. Следовательно, с нашим разрешением у нас открытый паспорт для нескольких ущелий.

У ГОРЦЕВ ГИНДУКУША

Вчера мы успели только поставить палатки и оборудовать кухню. Упаковать рюкзаки и смыть с себя грязь после долгого пыльного путешествия у нас не хватило времени. Перед самым выходом мы все же успели упаковать рюкзаки. Уже восьмой час. Можно выходить.

Я вышел в путь с Симоном и Визи. Мы полны ожидания увидеть долгожданную цель. Биноколь поможет принять решение «за» или «против» Лангарского ущелья.

Мы надеемся самое позднее в начале второй половины дня разведать все вершины в его верховьях хотя бы зрительно. Это даст возможность наметить предполагаемые маршруты подъема. И если мы таких путей не найдем, то нам придется отправиться на разведку в следующее, возможно, за ним расположенное ущелье Лангар. Наши нервы натянуты до предела.

Узкая тропа идет через гороховые и пшеничные поля лангарских крестьян. Свои скудные луга и небольшие пахотные участки они заботливо поливают водой из речушки Лангар, которую распределяют через систему малых и больших канавок.

Проходим мимо прижатых к склонам и с виду древних хижин местных жителей. Сразу за последней хижинкой дорога ведет круто вверх. Среди редких, наполовину зеленых кустиков и красноватой осыпи из гранита идем дальше, все время вдоль речушки Лангар. По обеим сторонам ущелья возвышаются крутые скальные стены и острые гребни. Здесь, наверху, среди гор, мы чувствуем себя как дома, в Альпах.

С трудом иду в ногу со своими товарищами. Меня мучает такая жажда, что через полчаса моя небольшая фляга оказалась пустой. Это типичное явление недостаточной тренировки и последствий «лангаритиса».

Дорога постепенно теряется в осыпях. Беспомощно барахтаемся среди гигантских гранитных глыб и тонем в сыпучем щебне. Осыпные склоны, кажется, во всем мире одинаковы.

Мы все еще блуждаем среди камней и скальных глыб и не слышим, как нас нагоняет таджик и так машет руками, что нам скоро становится ясно: мы вышли не на ту дорогу, слишком высоко поднялись по склону. Следуем за проводником. Вскоре снова выходим на удобную тропу.

Для нас загадка: для каких целей здесь проложена тропа. Местные жители в своем большинстве имеют мало понятия об альпинизме и его бессмысленной романтике. Их борьба за жизнь достаточно тяжела, и у них нет необходимости неистовствовать

ни у ледниковых трещин, ни на скальных стенах. Они, как правило, заняты какой-либо полезной деятельностью, приносящей им деньги, либо используют богатство природы, заготавливая корм для скота и дрова для топлива. Но что же из этих богатств можно найти в каменистом негостеприимном ущелье Лангар?

Легкий на ноги таджик ушел далеко вперед и исчез за горизонтом, в то время как мы все еще думаем о «смысле» наших действий.

Наконец осыпные склоны выполаживаются, и мы снова видим ледового великана, который произвел сильное впечатление на нас, когда мы смотрели на него из Лангара. Да, на польском рисунке отмечено: «Зворник», высота около 7000 метров. Плохо, что я не знаю значения этого польского слова, ибо, по всей видимости, название как-либо соответствует форме вершины.

Во всяком случае этот красивый ледовый великан — стоящая цель, даже если эти «около 7000 метров» в конце концов окажутся 6900 метрами. А вообще к чему культ высотных цифр? На такой высокой уединенной вершине, на которую еще не ступала нога человека, почти безразлично, что показывает высотомер. По крайней мере для нас, альпинистов.

Еще полчаса бьемся среди осыпных склонов. Затем они вдруг кончаются и переходят на высоте почти четырех тысяч метров над уровнем моря в скудные альпийские пастбища. Здесь, наверху, наконец понимаем, почему местные жители вытоптали эту тропу. В этом по-настоящему высокогорном хозяйстве редкая трава используется вся до последнего стебля.

Несколько женщин и мужчин пасут здесь коз, овец и даже коров. Это гиндукушские горцы — любезные и доверчивые люди. Даже женщины отбросили стеснение перед нами, чужестранцами, и храбро смотрят на нас. «Только если мы слишком долго смотрим в глаза молодой симпатичной девушке, чтобы изучить черты лица, — говорит Визи, — она берет косынку и закрывает стыдливо рот». Это типично по-магометански. Закрывать лицо паранджой никогда исламом не предписывалось — это изобретение и выдумка ревнивого, особенно на Востоке, мужского мира. Но каждая послушная дочь прикрывает рот перед чужеземцем, и особенно перед Визи с его привлекательной бородой.

Пастбища наверху тоже искусно орошаются отводом каналов из речушек и ручейка Лангар. Боковые ручейки, вытекающие из поперечных теснин ущелья Лангар, несут, к нашей радости, чистую, прозрачную воду, в то время как вода речушки Лангар черна от песка и глины. Местами скудные пастбища образуют

райские уголки с березами и лугами.

Большинство горцев как мужчины, так и женщины, жалуются на боль в глазах. Жестами они дают нам понять, что их глаза не совсем в порядке. Симон раздает глазную мазь и крем против ожогов. С благодарностью люди берут эти мази. Их доверие к медикаментам безгранично.

Видимо, в этом-то и кроется причина, что медикаменты у горных таджиков имеют удивительно быстрые лечебные свойства.

За оказанную Симоном медицинскую помощь нас угощают мастом. Симон сразу же завоевывает сердца местных жителей не только лекарским искусством, но также тем, что он единственный среди нас, кто потребляет большое количество маста.

Мы еще долго могли бы оставаться с горцами, хотя не знаем их языка. Они излучают сердечную простоту и обаяние, редко встречающиеся среди европейцев. Но нам нужно идти дальше. Мы пришли сюда, чтобы разведать горы Лангарского ущелья, а не для того, чтобы празднично провести день.

С немой проблемой они смотрят на нас, когда мы уходим. Вряд ли они понимают, что заставляет нас идти выше. Затем все сразу начинают что-то говорить. Не понимая ни одного слова, мы видим по их жестикуляции, что горцы хотят нас в чем-то предостеречь. Видимо, они думают о камнепадах и лавинах. Возможно, спрашивают, не ищем ли мы клад, как это однажды случилось со мной в Гималаях. Есть ли в Гималаях золото, хотел тогда узнать местный проводник.

ОПАСНЫЕ ГОРЫ ЛАНГАРА

Через несколько шагов нашим взорам неожиданно открывается второй великан Лангарского ущелья — вершина Лангар (6900 м). Ее северная стена высотой почти три тысячи метров с пугающей крутизной поднимается в лазурное небо и образует грандиозный конец ущелья. Это самая впечатляющая стена, которую я когда-либо видел. Оледенелые и заснеженные скалы с террасами висячих ледников, с ледовыми сбросами сами до двухсот метров высотой. Наряду с исключительной опасностью ледовых обвалов эта стена, наверно, и технически чрезвычайно сложна. При разреженном воздухе на такой высоте — с имеющимися на сегодня техническими средствами — ее можно считать непроходимой.

С запада и востока на вершину Лангар ведут легкопроходимые гребни. Но подниматься к началу этих гребней не легче чем пройти по северной стене.

Вершину Лангар сразу же вычеркиваем из нашего списка. Это гора, на склонах которой мы неделями могли бы почти безуспешно бороться. К тому же мы, по всей вероятности, обрели бы свой конец под ледовой лавиной, ибо созревшие к падению ледовые башни не напрасно висят на круче стены. Мы ни в коем случае не хотим навлечь опасность ледовых лавин на себя. Горовосхождения и так достаточно богаты приключениями, где слово «осторожность» пишется самыми большими буквами.

На уровне высоты пика Бернина на прелестной маленькой лужайке у прозрачной горной речушки останавливаемся на обеденный отдых. Визи искусно сооружает тур из камней, а Симон за неимением флагштока украшает его березовой веткой. Затем Симон долго роется в своем рюкзаке, пока не находит что-то подходящее, чем можно заменить отсутствующий флаг. Он победно размахивает, правда, немного помятым, но еще годным бланком, на котором напечатано «Швейцарско-Гималайское общество. Люцерн».

Мы трое сегодня не в лучшей форме. Долгое автопутешествие и жара нас расслабили, и поэтому высоту пока переносим плохо. Безрадостные и мучимые жаждой, сидим на корточках на лужайке, думая, с каким удовольствием мы возвратились бы назад.

«Сегодня так душно, как у нас дома во время фена». Но нам нужно идти дальше. «Поднимайтесь!» — настаивает Симон.

Лениво шагая, бредем в гору. Уже через пятнадцать минут снова поддаемся соблазну остановиться у речушки Лангар.

Несмотря на ее черные с песком воды, сидим на берегу и варим лимонад. Песок в кружке нам не мешает, к нему уже привыкли. Наш скупой «министр продовольствия и снаряжения» Ханспетер вложил в Люцерне в ящик лимонадный порошок весьма древнего возраста. Он отвратителен на вкус, и его место в мусорном ведре. Но тем не менее нет никого лучше нашего бережливого заведующего материальной частью.

Симон и Визи, несмотря на непрерывную зевоту, находятся намного в лучшем состоянии, чем я.

У края ледника разделяемся на две группы, я беру более короткий участок и с удовольствием оставляю моим товарищам более солидный кусок.

С Лангаром у нас все кончено. Правда, тут остается гордый «Зворник», начало маршрута на который мы не видим, он закрыт скальной вершиной. Кроме «Зворника» здесь можно совершить первовосхождение на шеститысячник «Шах».

Симон и Визи уходят в глубь ущелья, чтобы разведать маршруты на «Зворник» и «Шах». Я же направляюсь к большому осыпному склону, уходящему влево в направлении к одинокому пятитысячнику, рассчитывая на хороший обзор оттуда верхней зоны «Зворника».

Уставший, я еле передвигаюсь по осыпному склону, в то время как Симон и Визи исчезают из моего поля зрения на середине морены ущелья Лангар.

Уже через полтора часа я считаю свое задание выполненным. Ледовые склоны «Зворника» стоят передо мной открыто, и мне даже не нужен бинокль, чтобы определить возможность восхождения. Как на вершине Лангар, так и на «Зворнике» вершинные гребни легкопроходимы. Но подъем к обоим перемычкам не поддается описанию. Не то чтобы лазание было чрезмерно сложным. Опасности так велики, что восхождение было бы равносильно вызову судьбе.

Таким образом, и от второй вершины Лангарского ущелья, к сожалению, мы должны отказаться. У нас еще остается надежда найти в одном из других ущелий Вахана лучшие условия.

После таких малорадостных признаний я начинаю спускаться. Бросаю последний взгляд на пятитысячник, вырастающий из-за осыпного склона. Порода, слагающая его, черная, как уголь, и поляки называли его «Чарни», что, вероятно, означает «черный». Его высоту они определяют «примерно 5600 метров». Отчетливо видна переходная линия от монолитного светлого гранита (из которого состоит цоколь горы) к ломкому черному сланцу, образующему верхнюю часть горы, и восхождение на нее, видимо, не представит особого удовольствия.

Да в данный момент я и не думал, что позже мы будем стоять на этой вершине, состоящей из сланца, который будет рассыпаться в наших руках, как гнилой трут, в пыль и пепел.

Я страшно устал, и меня все время треплет лихорадка. В тени скальной глыбы я решил немного вздремнуть и отдохнуть. Но в тени я дрожу, как осиновый лист. Тогда я выползаю на солнце, где мне слишком жарко, и страшно потею. Еще более уставший, чем при подъеме, я волочусь вниз в ущелье. Через каждую сотню-другую метров я ложусь плашмя на землю, чтобы немного отдышаться, и после этого чувствую себя еще отвратительнее.

В довершение ко всему появляется дополнительная, мне почти незнакомая неприятность. Я привык носить защитные очки только в самых крайних случаях — на льду или на гималайских высотах. В нормальных условиях, даже во время весенних горнолыжных походов, не имея печального опыта, не носил защитные очки. Сюда, в ущелье Лангар, я их тоже не взял с собой.

Теперь глаза страшно болят, и я не могу принять какие-либо меры против этого. Видимо, световое отражение гигантских ледовых стен сильно действует даже в ущелье — явление, которое меня крайне удивляет. Я даю себе клятву впредь без защитных очков не приближаться к ледовым стенам Гиндукуша. Высоко над хижинами Лангара меня догоняют Симон и Визи, которые также не могут сообщить ничего утешительного о возможности восхождения на разведанные вершины. Таким образом, мы оставляем это ущелье и начинаем изучение других. Правда, в нашем распоряжении не так много времени. Другие экспедиции уже, вероятно, достигли вершин, а мы еще не знаем, в каком ущелье будем устанавливать базовый лагерь.

Сегодня пятница, и мы ждем в 6 часов 30 минут вечера по кабульскому времени специальную передачу коротковолновой радиослужбы Берна. Ханспетер уже крутит ручки приемника, но никак не может поймать швейцарскую станцию. Слышим много других станций — свистящие помехи, английский, русский, только не слышим швейцарско-немецкого диалекта или характерные швейцарские песни. Но вдруг раздается швейцарская народная полька — труды Ханспетера все-таки увенчались успехом. Теперь, нужно следить, чтобы не потерять станцию: ведь достаточно на одну тысячную миллиметра повернуть ручку — и все кончено.

Около месяца мы в пути, без вестей с родины, поэтому нас особенно радует передача «Недельный обзор для швейцарцев за рубежом» на швейцарско-немецком диалекте. Непосредственно после такого объявления снова передается швейцарская музыка, а потом... «сообщения для наших альпинистов в Гиндукуше».

Отчетливо слышим комментатора Эди Випфа, чей голос мне знаком и который нельзя спутать, несмотря на расстояние в девять тысяч километров.

Важных новостей для нас нет, кроме очень тревожного сообщения, что наши киноплёнки еще не прибыли в Швейцарию. Нужно заметить, что мои друзья по крайней мере еще три с половиной недели назад отправили авиапосылку из Тегерана, а я такую же отослал на прошлой неделе из Кабула. Нас не удивляет, что кабульские плёнки еще не прибыли в Швейцарию, но тегеранскую посылку, очевидно, следует считать потерянной.

Короткие сообщения в избытке оставляют время для персональных приветствий. Симон и Ханспетер счастливы, получив их, в то время как Виктор, Визи и я остались с носом.

Особенно рад Ханспетер. Какая-то красotka из Савойи передает по радио, что много о нем думает! Мы без зависти дарим именно Ханспетеру эту маленькую радость, ведь с его обожженной ногой весьма грустно вести экспедиционную жизнь. Приятное сообщение из эфира придает ему силы, и, так как передача через два часа будет повторена, он хочет вторично слушать радио, чтобы записать на магнитофоне это приятное сообщение.

Во время нашей рекогносцировки Виктор имел достаточно времени для приготовления сносшибательного обеда. В который раз шеф-повар нас балует, но мой «десерт» сегодня состоит из желудочных таблеток. С больной головой и ослабевшими ногами влезая в спальный мешок.

«Итальянцы едут!» — кричит кто-то среди ночи. Испуганный, протираю глаза. Как, уже светло? Да, конечно, восемь утра. В этот раз таблетки для сна действовали отлично. Из палатки вижу, как по песчаной дороге Лангара не спеша проезжает грузовик, доверху заполненный фибровыми барабанами, тюками и ящиками. Да, это может быть только экспедиция. И с некоторым интервалом следует что-то похожее на автобус. Пассажиры размахивают шляпами. Мы спрашиваем неизвестных: «*Вуон giorno Como sta?*» — «Куда вы едете?».

Наши итальянские друзья-альпинисты находятся уже на пути домой. Вместе с двумя афганцами они ехали до Калайи-Панджи и оттуда следовали дальше на восток, где совершили первовосхождение на шеститысячник Биби-Танги. Мы провели вместе приятных полчаса. Большинство итальянцев — члены римской секции альпинистов, а их врач из города Вероны. Конечно, у нас много общих знакомых альпинистов из Италии и Швейцарии, и наша беседа касается Альп и многих маршрутов, в которых мы в связи с нашей экспедицией в Гиндукуш участвовать

не могли. В последний момент мне приходит в голову, что можно передать с любезными итальянцами наши фото— и киноплёнки, чтобы они по прибытии в Италию тут же отправили их в Люцерн. Врач из Вероны с удовольствием соглашается сделать это — и в Люцерне будут удивлены такой быстрой доставкой пленок из Афганистана. К сожалению, не хватает времени, чтобы написать письма. Это была бы прекрасная возможность для их пересылки.

Нашим итальянским друзьям нужно ехать дальше, и вскоре ничего, кроме большого облака пыли, не остается на дороге.

То, что итальянцы находятся уже на пути домой, тогда как мы только прибыли в Вахан и даже еще не знаем, на каком объекте остановиться, не особенно утешительно для нас. При этом мы ни одного дня не потратили впустую.

РАЗВЕДЫВАЕМ УЩЕЛЬЕ АРГАНД

Чтобы быстрее провести разведку ущелья Арганд (Ургенд), решили разделить на две группы. Ханспетер с обожженной ногой еще несколько дней неработоспособен, и я тоже могу завтра в лучшем случае только писать дневник или помогать на кухне. «Зараза» все еще держит меня в клещах.

Но завтра мы комплектуем две двойки: Виктор и Симон должны разведать нижнее ущелье Арганд, Визи и Змарай — верхнее.

Остаток дня занимаемся сортировкой запасов продовольствия и наведением некоторого порядка в нашем альпинистском снаряжении, не распакованном с момента выезда из Люцерна. Затем впервые позволяем себе настоящий «мертвый час», послеобеденный чай и партию в шахматы.

Оказывается, среди нашей шестерки четыре фанатика-шахматиста. Нам нужно быть сдержанными, чтобы «игра королей» не превратилась в изводящую время страсть. Часто я, как некурящий, с завистью смотрел во время холодных, крайне неприятных ночевок в горах на товарища, который может предаться скромному удовольствию выкурить папироску и благодаря этому забыть холод и жажду. С игрой в шахматы то же самое. Даже в самых безрадостных ситуациях она возвращает нам бодрость жизни и энергию.

Начинаем наводить порядок в снаряжении и обнаруживаем, что наши запасы бензина угрожающе уменьшаются. Автола нам потребовалось тоже в три раза больше, чем мы предполагали, и это не удивительно при такой головоломной езде. Уже сейчас ясно, что нам ни в коем случае не удастся доехать до ближайшей заправочной станции в Файзабаде. Кроме того, значительное количество этого «незаменимого сока» потребуется нам наверху, в базовом лагере. Иначе мы будем сидеть на сухом пайке.

Ничего другого не остается, как написать письмо губернатору, находящемуся в своей резиденции в Хандуде, и вежливо просить его направить нам бочонок этого «сидра». Ведь губернатор провинции Бадахшан обещал нам всяческую помощь.

Змарай пишет нашу просьбу декоративным шрифтом фарси на клочке бумаги и передает его двум парням, которые обещают отнести письмо в Хандуд, отстоящий почти на 40 километров отсюда. Учитывая, что в Азии понятие о времени довольно своеобразное, мы, чтобы не слишком поздно получить бензин, устанавливаем срок для доставки бочки к 6 сентября, ровно с недельным запасом.

С рассветом наши друзья отправляются на разведку ущелья. Ханспетер и я спали так крепко, что не слышали, как ушли Змарай, Виктор, Визи и Симон. Мы оба в плохом настроении. Ведь отправляясь в такую экспедицию, преодолеваешь всякие трудности, а когда наконец начинается альпинизм, оказываешься выведенным из строя.

Наши товарищи выезжают из Лангара в одной из машин, которую мы вчера разгрузили. В водительской кабине места только для троих, Симон садится на прохладную крышу. Как только обнаруживает что-либо кажущееся ему важным и интересным, стучит ногой по крыше, делаем остановку и держим совет. Расположенное сразу за Лангаром ущелье кажется с точки зрения восхождения неинтересным, так как оно очень короткое и вскоре замыкается в цепи скальных пятитысячников Кохи-Уруп.

Дорога снова требует от водителя умения, чтобы не повредить машину и не застрять в глубоком песке. Непосредственно перед деревушкой Арганд песок такой глубокий и сыпучий — причем на ровном, почти двухсотметровом участке, — что колеса тонут и, наконец, машина окончательно застревает в сыпучей пучине.

В мгновение ока трое мужчин начинают толкать машину. Но это не так просто, ибо маленькие колеса закапываются все глубже в песок. Стоило большого труда и не меньше пота, чтобы машина преодолела сыпучий участок и оказалась снова на ходу. Затем проехали через очень непрочный мост, и четверка прибыла в деревушку Арганд.

Здесь начинается нижнее ущелье Арганд (Арганди-Паян). Симон и Виктор остаются здесь, а Визи и Змарай едут еще несколько километров дальше.

Песчаные пустыни чередуются с глубокими бродами, при переезде которых вода заливает даже ветровое стекло, но благодаря умелой езде путешествие продолжается без остановки до места ответвления верхнего ущелья Арганд (Арганди-Бала). Здесь в уединенном месте машина оставляется до вечера на произвол судьбы, а наши товарищи отправляются в путь.

Тем временем Виктор и Симон поднимаются по крутой тропинке в Арганди-Паян. В отличие от других ущелий Гиндукуша, с которыми мы ознакомились, Арганди-Паян начинается очень крутым подъемом и переходит затем в пологий участок. Уже после первой крутой ступени виден семитысячник Арганд, на который, видимо, можно взойти, хотя точный маршрут возможного подъема еще не установлен. Во всяком случае, как можно заметить отсюда, даже самые крутые сбросы несравненно менее опасны, чем увиденные нами в Лангарском ущелье висячие

ледники и ледовые стены.

После двух с половиной часов хода двойка пришла на горное пастбище, более богатое, чем встреченные нами в ущелье Лангар. Кругом выгоны с сочной травой и всюду упитанный скот. В глинобитных домиках живет одна семья, состоящая из пятнадцати человек. Сначала пастухи отнеслись к пришельцам немного настороженно, но как только Виктор крикнул им дружеское приветствие, они тут же ответили. Наши альпинистов приветствует старший в семье, и даже женщины подают иностранцам дружелюбно руки. Прежде чем Виктор и Симон успевают снять рюкзаки, девушки приносят прекрасный афганский ковер и поспешно очищают поляну от крупных камней. В Афганистане даже на самых отдаленных пастбищах встречают гостей с большим почетом.

Незнакомые продукты питания вызывают у всех любопытство. Любезные хозяева с удовольствием пробуют сухари, печенье и сушеные фрукты и в свою очередь угощают гостей кефиром и маслом.

Гостям представляют самого молодого члена семьи — девочку месяцев шести, всю увешанную украшениями — пряжками, цветными камнями и материей. После приятного времяпрепровождения наши товарищи сердечно прощаются с этими исключительно дружелюбными и простыми людьми.

Больше двух часов Виктор и Симон поднимаются по ущелью и снова встречают коши. Правда, эти немного бедней, чем на нижних пастбищах. Но и здесь кипит жизнь: пасутся телята и козы под наблюдением маленького мальчика и двух девочек. Пастбища здесь, почти на высоте 4000 метров над уровнем моря, очень скудные.

Отсюда великолепно просматриваются семитысячник Арганд и ледовая пирамида высотой 6550 метров, отмеченная поляками и названная ими на рисунке «Шах». Местные жители называют ее «Сырти-Арганди-Паян», что означает «снежная вершина Арганди-Паян» или просто «снежная вершина нижнего ущелья Арганд». Вершинные участки маршрута выглядят заманчиво, но начало их закрыто маленькими скальными возвышениями. Поэтому двойка, не останавливаясь, отправляется еще выше на разведку нижней части маршрута, для чего им придется три часа подниматься по громадным моренам.

Наконец, на высоте 4550 метров Симон и Виктор могут считать задание выполненным. Восьмичасовой подъем оправдал себя, и сейчас перед ними открывается широкий вид на склоны и гребни многих вершин, замыкающих ущелье Арганди-Паян. Арганд (отмеченный высотной отметкой 7038 метров) не создает

впечатления легкой вершины. Есть ряд сложных участков. Они не выглядят непреодолимыми, а главное имеется возможность обхода опасных ледовых башен. Это в Гиндукуше (и между прочим то же в Гималаях) важнее, чем в Альпах, потому что здесь скорость движения ледников больше и тем самым ускоряется падение ледовых башен.

Зато прямо-таки манит гордая снежная вершина Арганди-Паян. Прямо с вершины в ущелье спускается тонкий извилистый гребень, заканчивающийся на большом плато, куда можно подняться лишь через ледник и скальные ступени. Сложность скальных ступеней отсюда трудно точно определить, но на них можно подняться или найти пути обхода. Кроме того, от вершины идет еще и второй гребень, более длинный и без больших технических трудностей.

По соседству с семи— и шеститысячниками возвышается еще несколько пятитысячников, причем все они еще не покорены. Базовый лагерь можно установить сравнительно высоко (4550 м) на ровной морене, где нет нужды ставить палатки на снегу. Два маленьких озера на морене избавят нас от скучной необходимости растапливать лед.

Симон и Виктор вполне удовлетворены разведкой и убеждены, что здесь, наверху, идеальный район для действий нашей экспедиции. «Если только те, там внизу, нам поверят», — говорит Виктор, мысленно видящий себя уже крутящим фильм с вершины семитысячника.

Единственной проблемой остается транспортировка имущества в базовый лагерь. Смогут ли носильщики дважды форсировать бурную реку — вот вопрос.

У серебряной струи родника Виктор и Симон останавливаются на отдых и наслаждаются тишиной и покоем грандиозного высокогорного мира. Лишь порывы ветра изредка доносят шум реки.

Перед самым наступлением темноты они спускаются в долину к деревушке Арганд и ждут там Змарая и Визи с машиной, на которой должны вернуться в Лангар. Не проходит и десяти минут, как медленно приближается с востока большое облако пыли — это наша машина.

Визи и Змарай не очень довольны разведкой. Не привыкший к горам афганец вскоре отстал, так что Визи проводил разведку один. Через громадные морены он прошел самое верховье ущелья, где установил, что Арганд с этой стороны выглядит не особенно приветливо. Как у ледовых гигантов в ущелье Лангар, так и здесь большие ледопады закрывают проходы и ледовые стены значительной крутизны уже сейчас, в августе, переливаются по-

осеннему голубым и зеленым цветом. Левая сторона ущелья нас не интересовала, потому что расположенные там легкодоступные вершины уже покорены польской экспедицией.

Теперь стало ясно, что делать нам завтра: перевезти на машинах с Лангара в Арганд весь экспедиционный материал и определить, что необходимо поднять в базовый лагерь и что оставить на стоянке машин. Послезавтра утром с караваном носильщиков поднимемся до верхнего пастбища и оттуда дневным переходом до отметки 4550 метров — удобного места, разведанного Симоном и Виктором для устройства базового лагеря.

II. ПЕРВОВОСХОЖДЕНИЯ В ГИНДУКУШЕ, ВТОРОМ ПО ВЫСОТЕ ГОРНОМ РАЙОНЕ МИРА

ПИРОГ С СЫРОМ В ПЕСЧАНОЙ ПУРГЕ

Ночь уступает бледному рассвету. Жители деревушки Лангар еще спят. Стоит приятная прохлада, и мятежный западный ветер молчит. Впереди у нас напряженный день. Виктор занимается бензиновыми кухнями, зная, что мы хотим получить что-нибудь горячее на завтрак. Остальные снимают большую палатку — и снова обе машины набиты до отказа.

Как только взрвели моторы, прибегают несколько жителей деревни. Это последняя возможность выпросить у Симона таблетки и мази. Он с удовольствием помогает чем может.

Едем дальше на перегруженных машинах, дальше на восток — в сердце Вахана. Нам теперь известно, какие могут нам встретиться препятствия. Первая скорость снова торжествует.

Осторожность прежде всего! Это лучше, чем погнуть амортизаторы наших дорогих машин или согнуть сильно перегруженные оси.

На ближайшем полукилометре дорога проходит рядом с берегом Оксуса. Здесь Амударья протискивается через скальную теснину. Дикие воды пенятся, и шум необузданного потока заглушает рокот наших моторов. Вода черная среди темно-серой каменистой местности.

Песчаная равнина, через которую вчера с криком «Раз, два — взяли!», обливаясь потом, толкали машины, сегодня показалась совсем кроткой. Но мы следим, чтобы точно проехать по вчерашнему следу. К счастью, ночной ветер еще больше уплотнил его — далеко не повседневное явление в песчаных пустынях. Кроме того, нам помогает тяжелый груз. Колеса не буксуют. Правда, Виктору приходится судорожно держать руль, чтобы машина не сползла с колеи, иначе можно безнадежно застрять в бездонном сыпучем грунте. Но все проходит благополучно. Без вынужденной остановки преодолеваем песчаную дюну.

Сразу перед Аргандом за мостиком со сломанными перилами, украшенными резьбой, разбиваем лагерь. Остановка нужна нам для распределения и переупаковки грузов. Лагерь разбили на довольно ровном песчаном пригорке.

Быстро снимаем все барахло с обеих машин. Сейчас нам нужно быть особенно внимательными, чтобы потом не оказалось, что в базовом лагере недостает кислой капусты, соленых кренделей, или не обнаружилось, что забыли взять с собой веревки и кошки. Все лишнее оставим здесь.

Только начали разгрузку, как нас окружили мужчины из ближайшей деревни. Чужестранцев, да к тому же таких комичных

европейцев, кроме прошедшей здесь в прошлом году польской экспедиции, им, пожалуй, не приходилось видеть. Поэтому понятно большое любопытство.

С помощью нашего переводчика тут же начинаем переговоры относительно формирования каравана носильщиков. Они только этого и ждали. Заработать деньги без обмена на какие-либо вещи им нравится. Рабочее время здесь вообще не принимается во внимание, а свободного времени всегда в избытке. Плата, хотя и за выполненную работу, — чистая прибыль.

Двое из мужчин (между прочим, очень симпатичные парни), кажется, являются здесь деревенскими властелинами. Только они ведут переговоры. Остальные, хотя могут тоже вставить словечко, не имеют права что-либо решать. Один из представителей деревенской власти носит польские высокогорные ботинки из фетра, которые принято надевать во время зимних восхождений в Высоких Татрах и в польских экспедициях, — наверное, подарок с прошлого лета. Другой в американском армейском кителе с блестящими пуговицами. Этот мундир вместе с живописным тюрбаном придает ему весьма воинственный вид.

Принятый в Афганистане дневной заработок носильщиков составляет 20 афгани (1,80 швейцарского франка). Но мы не хотим эксплуатировать местных жителей и предлагаем им 40 афгани «плюс 10 афгани надбавки, если мы вами будем довольны». Несмотря на явную выгодность предложения, они сначала потребовали с нас в два раза больше. Затем — непостижимая азиатская тактика ведения переговоров — они делают поворот на 180 градусов и чистосердечно признаются, что мы их гости и в случае необходимости они будут для нас работать и бесплатно.

Мы договариваемся и закрепляем сделку рукопожатиями. Узнав, что марш в базовый лагерь будет длиться не один, а два дня и они, следовательно, получают двухдневную зарплату, все довольны и счастливы. Поработать лишний день для них не имеет никакого значения. Здесь еще не действует американская система «время — деньги». Мы же находимся в Азии. То, что они сумели выторговать двойную заработную плату и получить 100 афгани вместо 50, они расценивают как исключительное счастье.

Мы тоже рады, что так быстро удалось организовать караван. И надеемся, что люди Вахана такие же хорошие носильщики, как горные таджики, которых мы до сих пор встречали.

Оккус здесь похож на тихое озеро. Но цвет воды все такой же, как и в бурлящей теснине, — черный от песка. Несмотря на то что кое-где несколько скромных зеленых растений рискуют подняться над истощенной землей, в целом местность голая и

малопривлекательная.

После того как носильщики все исчезли в своей деревне, мы продолжаем трудоемкую работу по сортировке нашего снаряжения. Не успели закончить пересортировку, как снова забушевал западный ветер. Только сейчас мы убедились в неудачном выборе места для лагеря. Никто не заметил, что именно за нашей палаткой, и к тому же на западной стороне, находится громадный перемещающийся бархан, который доставил нашим машинам столько хлопот. Теперь ветер со свистом бросает нам в лицо этот песок. И все вокруг покрывается этой ужасной серой массой.

Снимать палатку, загружать обе машины разбросанным повсюду снаряжением и все начинать снова на другом, может быть тоже не совсем удобном, месте потребует очень много времени и работы. И к тому же песок все равно уже проник всюду. Поэтому принимаем героическое решение закончить всю работу здесь!

Скоро все мы становимся похожими на поросят, но упорно продолжаем копать в куче вещей и делать вид, что песчаная пурга нам нипочем. При помощи машин и брезента сооружаем своего рода огороженный дворик, где под не особенно надежной защитой упаковываем ящики и барабаны, каждый весом примерно по 30 килограммов, чтобы все носильщики несли одинаковый груз. Но вначале мы отбираем вещи, предназначенные для базового лагеря, нужные для обратного пути, и те, которые можно оставить в машинах.

Пока мы возимся с банками, тубиками и картонными коробками, Виктор, не обращая внимания на пургу и песок, предается в палатке поварскому искусству и печет нам вкусный пирог из сухарей и сыра. Едим не все вместе, а по очереди — это для того, чтобы пирог и другие лакомства из закрытой сковороды сразу могли попасть в рот, прежде чем они будут пропитаны песком. Нам достаточно того, что чай, который мы пьем, серый от песка, причем последний так «прелестно» хрустит на зубах.

К вечеру мы наконец кончаем упаковочные дела. Около шестидесяти фибровых барабанов, ящики, выючные сумы и рюкзаки стоят наготове перед палатками, наполовину засыпанные песком. Работа была страшно утомительной, и мы завидуем всем экспедициям, которые еще дома, не думая о времени, распределили груз, подготовили тюки для доставки их носильщиками в базовый лагерь и своевременно разрешили транспортные проблемы.

Если мы теперь могли радоваться концу рабочего дня, то это не касалось Симона. У него сейчас приемные часы. Весть о том,

что в долине находится врач, мигом облетела всю окрестность. Пациенты длинной вереницей выстроились перед палаткой и терпеливо ждут в песчаной пурге своей очереди. Молодые и пожилые, мужчины, женщины и дети испытывают доверие к молодому «Сви́сс-сахибу» с развевающейся бородой. Большинство страдает глазными болезнями, которые здесь сильно распространены, что не удивительно при таких частых песчаных штормах. Других мучает зоб или гноящаяся сыпь. Молодой мужчина жалуется, что не может иметь детей. Витаминные таблетки в этом случае не повредят. Молодая мамаша приносит своего слабого, бледного ребенка. Беспомощная крошка, не похоже на то, что может выжить. Но и здесь Симон знает, как помочь.

Ночью шторм не унимается и с неослабеваемым бешенством рвет полотно нашей палатки. Чтобы во время сна хоть немного защититься от бушующего песка, закрываем наглухо палатку, но скоро начинаем задыхаться от горячего воздуха, а о сне и думать не приходится. Виктор установил свою раскладушку в поле в стороне от бархана и, хотя там не спасается от яростного ветра, зато защищен от неприятного песка.

ПОЕЗДКА ВЕРХОМ В БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ

Мы договорились с носильщиками, что они придут перед восходом солнца. И действительно на рассвете они тут как тут, как было условлено. Никто из деревни не хочет упустить исключительный случай заработать, и теперь здесь представлено все мужское население — от старика до двенадцатилетнего мальчишки.

Пришло людей намного больше, чем мы предполагали. И к тому же они взяли с собой еще выючных животных: лошадей, ишаков и яков. Нам жаль отправлять обратно «лишних» людей, и мы оставляем их: будут чаще меняться во время движения. Владельцы выючных животных сами, конечно, не будут носить, а будут только вести своих четвероногих. После распределения грузов все еще остаются носильщики. Что же делать? Но эту беду мы тоже быстро ликвидируем. Берем из машин несколько предметов роскоши вроде раскладушки и походной мебели, вообще не предназначенных для базового лагеря, — и теперь все при деле.

Все выглядит нормально. Но что это: еще осталось шесть прекрасных лошадей под седлом? Неужели нам придется ехать верхом в базовый лагерь? Нет, это было бы слишком большое удовольствие. Ведь мы и так остались без рюкзаков: их взяли лишние носильщики. И теперь мы еще должны ехать верхом. Мы все же не экспедиция избалованных «салон-тирольцев», даже если и берем с собой походную мебель. Ханс-петер со своей обожженной ногой — другое дело, пусть сидит на коне. Но мы!

Вдруг кому-то пришло в голову, что верховая езда по этим диким осыпям — очень хорошая тренировка для равновесия и пригодится нам во время лазания, а что касается маршевой тренировки, то ее мы достаточно получим во время акклиматизационных выходов выше базового лагеря. Да и, кроме того, местные жители могут обидеться, если отказаться от лошадок. Подниматься на них до базового лагеря, даже если только до половины пути, — это ли не приключение во время экспедиции в восточных странах? И как это будет смотреться на пленке Виктора, мы верхом на лошади!

Со смешанным чувством, можем ли мы позволить себе такую роскошь, садимся в конце концов в седла все, кроме Виктора, убежавшего со своей камерой далеко вперед. Избыток носильщиков и дополнительно взятые лошади пробьют солидную брешь в нашей экспедиционной кассе.

«Это примерно на сто пятьдесят франков больше, — говорит

задумчиво Симон, наш кассир, — но зато мы ладим с местными жителями. Кто знает, может быть, в один прекрасный день нам это принесет больше пользы, чем эти сто пятьдесят франков?»

«Если даже и нет, то этой суммой мы внесли вклад в укрепление дружеских отношений между Афганистаном и Швейцарией», — добавляет Ханспетер.

Перед выходом перегоняем наши машины в другое, более защищенное от песка место. Один из носильщиков изъявляет согласие тут же после возвращения в деревню сторожить их. Даже спать будет около машин, заверяет он клятвенно.

Я сижу на своей коричневой лошади и качаюсь из стороны в сторону. Поводья держит паренек в художественно залатанной кожанке, которую, видимо, носил еще его древний родственник. Нельзя сказать, что я чувствую себя героем. Но Симон весьма любезно дает мне необходимые инструкции, чтобы я во время резкого подъема или прыжка через каменистое препятствие не вылетел из седла.

Пять лет назад в Непале я «ехал верхом» к святому месту паломничества верующих индусов в Муктинатх. Прелести верховой езды длились, к сожалению, недолго. Маленькие лошадки оказались в действительности мулами и, видимо, не привыкли к седлу. Во всяком случае путешествие протекало значительно медленнее, чем если бы я добирался пешком. «Жжу, жжу», — приходилось все время кричать и подстегивать прутом «лошаденку». После этого она шла несколько шагов или же, наоборот, останавливалась. На одном из подъемов старая сбруя не выдержала, подпруга оборвалась, седло вместе с гордым всадником соскользнуло с гладкой спины коня... и мы оба приземлились в песке.

«Жжу, жжу», — кричат и здешние погонщики. Но здесь в противоположность непальским животные более породистые. Таджики — знатоки по части лошадей и сами прекрасные всадники. Даже на большой крутой осыпи они на неподкованных лошадях чувствуют себя как дома, словно родились в седле.

«У нас в Европе не ездили бы верхом по такой местности, — поучает меня Симон, — а уж вниз ни в коем случае». Это портит коней. Но здесь они, наверное, уже привыкли. Таджикские лошади действительно уверенно идут по сильно пересеченному горному рельефу. И проходит совсем не много времени, как я, уверенно чувствуя себя в седле, освобождаю впереди идущего парня от должности поводыря и беру поводья в свои руки.

Узкая тропа круто поднимается вверх. Судорожно держусь за луку седла, чтобы не съехать назад, упираясь высокогорными ботинками, согласно инструкции Симона, в стремена. А вообще-

то верно: подобная «верховая езда» требует большего напряжения, нежели передвижение пешком. Тем самым по крайней мере оправдывается аргумент, что езда верхом — лучшая тренировка к предстоящим восхождениям. И вместе с тем это вносит веселое разнообразие в путешествие по горному миру.

Наш путь проходит по узкой теснине. По краям возвышаются песчаные пирамиды с громоздящимися на них скальными глыбами, готовыми в любой момент рухнуть.

Темп марша наших носильщиков удивительно высок. Если они будут так шагать, то честно заслужат надбавку. Яки же нас просто ошеломляют. Эти с виду неуклюжие четвероногие с лохматой шерстью буквально убегают от своих погонщиков, уверенно преодолевая крутые склоны, хотя несут на спинах вьюки до 120 килограммов весом. Как шерпам в Гималаях, так и горцам Вахана яки нужны во всех случаях жизни. Они одновременно вьючное, тяговое и верховое животное и, кроме того, дают еще молоко. И наконец, им еще приходится выступать в роли поставщиков собственного мяса.

После первого крутого подъема утесы Арганди-Паян переходят в отлогие пастбища. Старые, развалившиеся глиняные стены свидетельствуют, что раньше здесь было чье-то хозяйство, перенесенное теперь еще выше. На юге виднеются ледовые великаны — цель нашей экспедиции. На севере виден Советский Таджикистан. Голые скалистые склоны гор и глубокие теснины закрывают горизонт.

Далеко на востоке видна величественная вершина из льда и снега — пик Карла Маркса высотой 6726 метров. На горизонте видны и другие, нам неизвестные ледовые вершины Ваханского хребта. Это все отроги Памира, называемого «крышей мира», третьей по высоте горной системы нашей планеты.

Вдоль Оксуса проложена хорошая дорога. И, несмотря на слабую населенность, в прошедшую ночь фары многих грузовых машин пробивали ночную тьму.

На коше, где Симон и Виктор были так гостеприимно приняты во время разведки, останавливаемся и мы. Наши носильщики из Арганда, видимо, или знакомые, или родственники семье, живущей здесь на коше. Для нас, гостей, приносят прекрасный афганский ковер из Мазари-Шарифа. Затем нам предлагают кефир и сливочное масло. А мы угощаем их плавленым сыром, копченой колбасой и сухофруктами. После детального осмотра колбасы нам ее возвращают с сочувственной улыбкой.

Жители коша и носильщики любят веселье, вот и сейчас они шутят и озорничают. Энергичная красивая женщина крепкими

руками бросает на землю чрезмерно навязчивого ухажера. Раздается громкий хохот, и как вознаграждение за толчок отвергнутый любовник получает поцелуй в обе щеки. Как в действительности отличаются эти «дикие» люди Вахана от всего того, что о них говорят и пишут! Здесь живет веселый, жизнерадостный народ.

Едем по крутому берегу реки. Во многих местах берега, подмытые водой, обвалились. По возможности держимся подальше от бурлящей реки. Когда уже нет другого выхода, и приходится ехать по краю головокружительного обрыва, мне хочется слезть с лошади. Взгляд вниз действует на нервы. Сейчас я с большим удовольствием доверился бы своим ногам, но всегда, когда я хочу соскочить с лошади, мы оказываемся в слишком узком месте.

Однако, когда приходится переходить через пенящуюся реку, мы очень довольны нашими четвероногими помощниками. Коновод, не желая мочить ноги, прыгает тоже в седло. И терпеливое животное вынуждено переносить через речку двух всадников. Носильщики же просто засучивают штанины или совсем снимают брюки. Несмотря на сильное течение, ни один из них не теряет груза.

Следующий осыпной склон поднимается так круто вверх, что я, жалея своего коня, и из-за того, что мне неприятно сидеть на этом качающемся во все стороны существе, подзываю одного из погонщиков, передаю ему поводья и спрыгиваю с коня. Но добрый человек не понял моих нежных чувств к животному и без лишних церемоний сам садится в седло. Я, конечно, не это имел в виду!

Все выражения на швейцарско-немецком диалекте, недвусмысленные жесты не помогают. С гордой улыбкой он едет вверх по крутому склону и показывает мне, как это нужно делать.

Путешествие пешком вносит приятное разнообразие. Высоко над нами возвышаются чудеснейшие башни желтого и оранжевого гранита.

Скальные пики Фиамма, Пунта, Разица и даже Дамес Англайсес Монблана проигрывают по сравнению с ними. Перед нами настоящий стадион для скалолазов.

Высотомер показывает 3750 метров. Крутой осыпной склон кончается и уступает место короткой, узкой полянке, покрытой редкой травой. Налево в лазурное небо уходит желтая стена из гладкого гранита с громадными, как бы тесанными камнями. Синий и желтый цвета сочных тонов. Какое приятное разнообразие после мира серого и черного, провожавшего нас сегодня утром!

«Вот южная стена Эгью ди Миди!» — кричат одновременно

Ханспетер и Визи. Действительно, эта желтая стена еще «тот орешек». Так и хочется схватиться с прочной скалой и лезть вверх. Здешний гранит в противоположность альпийскому лишайником не зарастает, он гладкий и скользкий, как угорь, и имеет мало точек опоры.

Из таких же желтых и оранжевых камней местные жители построили несколько хижин, которые мы едва заметили. Они так тесно прижаты к скальному склону, что совсем не выделяются на фоне горы.

Перед нами небольшая поляна, но уже без травы, так что немногочисленный скот пришлось перегнать на осыпной склон, где местами попадаются скудные клочки зелени.

Виктор хотел запечатлеть на пленку пастушонка, но это не так-то просто сделать. Застенчивый паренек, увидев камеру, начал истерично плакать и, испуганный, удрал.

Хотя сейчас только три часа дня, мы решаем остановиться здесь, у коша, на ночевку. Ибо выше нет удобного места для наших носильщиков, не имеющих бивуачного снаряжения и обмундирования. А завтра мы в любом случае дойдем отсюда до базового лагеря. Таким образом, носильщики работают неполные и не особенно напряженные два дня.

Наш кош прекрасно расположен. В Швейцарии здесь уже давно бы торговали значками, открытками и разного рода сувенирной безвкусицей. Из скальной стены бьет чистый, холодный, как лед, родник и образует небольшое озеро, в котором отражаются горы. Ледовая пирамида «Шаха» шести с половиной тысяч метров пленяет нас снова и снова. На такую горную вершину просто нельзя не взойти. Для нашей экспедиции мы ставим ее как цель номер один. Бинобль ходит по кругу, и мы уже обсуждаем различные варианты, как проложить путь через льды. Путь должен быть безопасным и проходить по наиболее прямой линии к вершине! Иншалла...

Чудесная ключевая вода! Мы купаемся и моемся. В базовый лагерь мы хотим прибыть безупречно чистыми. Щеткой и мылом соскабливаем грязь со своей кожи, не видевшей воды с тех пор, как мы купались в Машхаде. С улыбкой наблюдают за нами местные жители, видимо не совсем понимающие наши действия. Только старик на коше с пониманием относится к нашему положению.

Он, видимо, про себя думает: сколько эти покрытые коркой грязи парни ни стараются, щетки и мыло не сделают их чистыми. Он даже приносит нам в кувшине теплую воду! Мы ею смываем друг у друга песок из слипшихся волос и чувствуем себя как новорожденные. Только Виктор не пользуется ни теплой, ни

холодной водой, с презрением смотрит на наши, можно сказать, безуспешные старания. Он чувствует себя лучше без таких цивилизованных манер; главное для него — зафиксировать на кинопленку эту единственную в своем роде сцену. Такова позиция нашего повара и шефа кухни, из чьих рук еще только вчера мы ели пирог с сыром!

Нашей кухне тоже не повредит чистка. Посуда, столовые приборы, сковороды, черпак и примусы вынуждены подчиниться этому порядку. Мыльным порошком и проволочной мочалкой их так драим и чистим, что снова вызываем удивление наших носильщиков. Такие блестящие и чистые алюминий, сталь и пластик давно не были в распоряжении повара.

После захода солнца сразу же становится холодно — приятная новинка для нашей экспедиции. Впервые вытаскиваем пуховые куртки, теплое белье и радуемся первой ночи на высокогорье. В отличие от долины здесь ветер дует значительно слабее. Это легкий шелест по сравнению с песчаной бурей в долине Амударьи. В горах пургу вообще очень интересно наблюдать, находясь в солидно построенных хижинах SAC. В палатке или, еще того хуже, на крутой ледовой стене ветер самому закаленному альпинисту может отравить жизнь.

Чтобы встретить ночной холод во всеоружии, лошадей накрыли шерстяными одеялами. Взъерошенным ишачкам и якам с их мохнатым «мехом» предоставляется самим позаботиться о тепле. Носильщики исчезают в дымных хижинах, тогда как мы лежим во дворе в теплых спальнях мешках на раскладушках и матрацах из пенопласта и снова имеем возможность по-настоящему всмотреться в удивительно чистое звездное небо Центральной Азии.

Мы уже дремлем с закрытыми глазами и в полусне еще долго слушаем выкрики Ханспетера о том, что просто глупо спать во время таких интересных небесных явлений, как падающие звезды и туманные спирали, они стоят того, чтобы их наблюдать. Если следовать советам Ханспетера, то, видимо, пришлось бы отныне путешествовать ночами, а днем спать, а это только он один может себе позволить.

Все-таки мы здесь, в Гиндукуше, имеем шанс скорее, чем в Альпах, развлекаться подобным образом, дрожа от холода на бивуаке.

Утром горное озеро покрыто льдом, это приводит нас в восторг. Как маленькие дети, радующиеся первому снегу зимы, каждый из нас должен своими руками пощупать лед озера! Приятная неожиданность — наконец лед, настоящий холодный лед! Скоро такого удовольствия получим с избытком.

Проходит всегда очень много времени, пока караван носильщиков готов к маршу. Поэтому мы хотим проехать вперед и промаркировать легкопроходимый по осыпям путь для вьючных животных. Змарай сегодня замыкает колонну носильщиков. Когда он поднимется в базовый лагерь, у нас будет полная уверенность, что ни один груз не потерялся в пути.

Наши кони, очевидно, окоченели от холода или еще спят. Во всяком случае утром они не желают делать ни шагу. Ничего другого не остается, как одному из погонщиков тянуть несколько метров за повод этих сегодня непослушных животных. Холодная речка, которую мы переходим, выводит их из забытья. С этого момента они снова образцовые животные и слушаются малейших указаний их менее образцовых в верховой езде господ.

Несколько раз нашим четвероногим приходится познакомиться с прохладной водой горной речки. Утром она менее полноводная, нежели в середине дня. Холодная ночь заботится о том, чтобы рацион питания озорной реки был значительно снижен.

На морене только сыпучий щебень и местами сверкающий лед. Как по заказу, в одной мульде среди хаоса камней находим зеленую лужайку. Здесь можно оставить наших лошадей.

К тому времени мы уже поднялись выше четырех тысяч метров над уровнем моря, и наши преданные животные могли бы нас сопровождать и выше. Я вспоминаю милый рассказ об Александре Великом и его заболевшей горной болезнью лошади Буцефале, на которой македонец в четвертом веке до нашей эры ехал к Гиндукушу, чтобы посетить «Вершину богов». Наши кони чувствуют себя лучше, чем их знаменитый коллега Буцефал.

Мы теперь не так удобно чувствуем себя в седле, так как из-за значительной крутизны все прелести верховой езды постепенно теряются.

Дальше мы пойдем по гребню морены. Лошади останутся здесь.

Даже Симон, наш учитель верховой езды, находит, что пеший подъем в горы — хороший отдых после напряженной верховой езды.

Постепенно морена становится все более труднопроходимой. Такая морена, к тому же на уровне высоты Финстерааргорна, представляет для вьючных ишаков и яков уже солидную категорию трудности. Дальнейший путь мы маркируем желтыми бумажными флажками. Симон и Визи уходят вперед, чтобы подготовить место для базового лагеря.

Ханспетер ковыляет где-то позади, Виктор со своей камерой находится среди каравана носильщиков. Смотрю по сторонам и

ищу удобный проход по морене. Узкий осыпной кулуар. Мне кажется, что дальше выючные животные не пройдут. Но затем все-таки находится проходимое местечко. Еще несколько сот метров пути, требующего маркировки флажками, — и путь к базовому лагерю найден. Он не так уж труден.

Я жду караван. Быстрее, чем я ожидал, проходит мимо меня голова колонны. Впереди яки — очень подвижные животные. Высота 4300 метров совершенно не влияет на этих с виду неуклюжих и упрямых быков. Наоборот, кажется, что здесь, наверху, они чувствуют себя в своей стихии, а их погонщики, теперь скорее подгоняемые, выглядят загнанными.

В начале второй половины дня приходим к месту, выбранному для базового лагеря. Вправо открывается боковое ущелье с острыми скальными вершинами, по которым стекают в долину громадные массы льда и щебня. На стыке обеих морен образовался конус с более или менее ровной поверхностью, являющийся прекрасным наблюдательным пунктом. В полукруге перед нами возвышаются гордые вершины — непокоренные, неприступные и одновременно манящие.

АГА-ХАН ТОЖЕ ДОЛЖЕН ЖИТЬ

Симон и Виктор предыдущей разведкой проделали большую работу: место для лагеря найдено идеальное, высота 4550 метров — самая лучшая для акклиматизации. Не слишком высоко и не низко — как раз то, что надо. Приподнятое положение лагеря на гребне морены облегчает обзор вершин, а главное, в лагерь можно возвращаться и ночью, и в тумане. В каком еще высоко расположенном базовом лагере мира найдешь на гребне морены два маленьких озера! Из одного мы берем воду для питья, из другого — для мытья и купания. И это выше уровня Маттерхорна!

Постепенно начинают прибывать носильщики со своим грузом. Двенадцатилетний мальчик, мужественно доставивший к цели коробку пива в железных банках, тоже здесь. В знак благодарности дарю ему рубашку. Он тут же надевает ее на старый свитер, очевидно принадлежавший кому-то из польской экспедиции. Ящики, фибровые барабаны и мешки укладываются в образцовом порядке. Яки, ишаки и старая белая лошадь, у которой все-таки хватило сил подняться сюда, отдыхают на небольшой каменистой полянке.

Носильщики, сбросив грузы, начали выравнивать площадку для базового лагеря. Причем делают они это с такой энергией, что вокруг ничего не видно из-за пыли и только слышно, как стучат разбрасываемые ими камни. Теперь мы видим, какие практичные люди эти горцы. В миг они подготовили гладкое, как стол, место для нашей большой палатки. А к обоим озерам и к месту, где сложены принесенные снизу грузы, ведут настоящие тропинки, обложенные большими камнями. Все это они устроили меньше чем за двадцать минут! Затем все садятся и наступает торжественная тишина: они ждут оплаты за труд.

Окидывая нас любопытными, но ни в коей мере не нетерпеливыми взглядами, они наблюдают, как мы готовимся к этому важному для них моменту. Устанавливаем стол и рядом два стула. Симон вытаскивает из рюкзака пузатый полиэтиленовый мешок с пачками банкнот достоинством в сто афгани. Я помогаю ему отсчитывать. Вопрос о том, заслужили ли носильщики обещанную надбавку в двадцать афгани, не требует обсуждения.

Громким голосом Змарай созывает носильщиков. Он держит перед этими хорошими людьми торжественную речь и благодарит их от нашего имени за славную работу: ««Свисс-сахибы» очень счастливы, что имеют возможность быть в этой красивой и гостеприимной стране и восходить на высокие горы. Как вы,

таджики, так и «Свисс-сахибы» живут в стране с высокими горами. Это далеко на западе. Еще дальше, чем Кабул и Туркестан. Они пришли в Афганистан, чтобы увидеть и наши горы, Гиндукуш».

Один из двух представителей деревенской власти спрашивает, действительно ли мы довольны работой носильщиков. Ясно, он хочет нашу похвалу послушать вторично. Змарай оказывает ему эту любезность и, в свою очередь, спрашивает у них, довольны ли они, мужчины из Арганда, нами.

«Что наши гости, «Свисс-сахибы», нами довольны, это для нас самая большая награда. И потому и мы счастливы», — отвечает он.

Змарай начинает переключку и вызывает носильщиков по фамилии к столу, и каждый, будь это мальчик или старик, получает из рук Симона банкноту в 100 афгани с портретом Его Величества Мухаммада Захира, проверяет купюру глазом знатока и возвращает ее, если уголок немного помят или надорван, и благодарит крепким рукопожатием за точный расчет.

Каким почетом должен пользоваться наш врач у сыновей Афганистана, если он наряду со своими уже известными медицинскими чудесами раскладывает перед ними на столе такое несметное богатство! Но в хадисах написано: «Если аллах поощряет человека богатством, то он любит, чтобы следы его были видны на нём».

Мы можем себя считать счастливыми, что горцы из Вахана, подозрительно рассматривающие бумажные деньги, все-таки столь прогрессивны, что принимают банкноты как средство оплаты. В отдаленных долинах Азии это не так уж само собой разумеется. Так, в свое время в Гималаях четыре носильщика несли мешки с монетами для расплаты с носильщиками на подходах.

«Через одиннадцать дней приходите снова, — информируем наших носильщиков, — но не более сорока человек и без вьючных животных». Дело в том, что 1 сентября мы хотим перенести базовый лагерь к подножию расположенного напротив нас семитысячника, путь к которому идет через ледник, непроходимый для вьючных животных, и нужны будут только носильщики.

Мы уверены, что десяти дней вполне достаточно для акклиматизации. С этой целью мы хотим штурмовать великолепный шеститысячник. Если даже потерпим неудачу на этой гордой вершине, то попытка восхождения будет способствовать нашей высотной акклиматизации. Кроме того, у нас под боком еще есть пятитысячник. Таким образом, прямо

перед нашей палаткой три замечательные цели для стоящих первовосхождений: пяти-, шести— и семитысячник.

В Центральном и Западном Гиндукуше многие вершины уже «окрещены» первовосходителями. Это, конечно, в порядке вещей, когда покоренная безымянная вершина получает название, но «крещение» должно осуществляться только в том случае, если гора ни на карте, ни у местного населения еще не имеет названия. При «крещении» нужно принимать во внимание местные традиции. К сожалению, это не всегда учитывается. Есть вершины, пики, башни и массивы, имеющие только европейские названия. Их называли альпинисты в честь городов или сел, откуда они родом, или, чтобы еще более упростить это дело, покоренная вершина получает название просто по фамилии первовосходителя. Это относится не только к Гиндукушу, а и ко многим другим горным системам. Высочайшая вершина земли Монт-Эверест является, видимо, самым ярким примером вышесказанного. У местного населения эта вершина называется совершенно иначе, к тому же красивее и прежде всего осмысленнее. Что сказали бы мы, швейцарцы, если бы в мире наш Маттерхорн называли «Монт-Уимпер»!

К счастью, у горных великанов Вахана свои собственные имена в отличие от четырех— и пятитысячников других районов Гиндукуша.

Если уж не на карте, то у местного населения этот величественный шеститысячник называют не только Шах, но еще и «Сырти-Арганди-Паян», что означает «снежная вершина нижнего ущелья Арганд», а полное название семитысячника Арганд — «Сырти-Арганди-Бала» — «снежная вершина верхнего ущелья Арганд». Скальную вершину нашего пятитысячника, обозначенного на польском рисунке «Черни», местные жители называют «Кохи-Уруп», то есть «гора Уруп».

Шумно и весело покидают носильщики наш лагерь. По трое садятся они на терпеливых яков, сидят на конях и ишаках, и скоро жизнерадостный обоз исчезает за ближайшим скальным выступом. Сказочно богата стала теперь деревушка Арганд. Так много наличных денег одновременно в ее стенах, видимо, еще не собиралось.

Для большинства мужчин это вообще единственные наличные деньги за весь год. Вероятно, для их жизни хватает того, что они сами производят. Их богатство — домашние животные и скудные пашни. Благодаря им и собственному трудолюбию они имеют молоко, масло, кефир и лепешки. Мясо, рис и чай бывают значительно реже. Только некоторые сорта фруктов созревают в суровом климате. Овцы дают шерсть и кожу

для одежды и обуви. Если изготовленного из грубой шерсти сукна окажется больше, чем им потребуется, они доставляют его в Файзабад на базар и обменивают на другие драгоценные вещи, как керосин, спички или сахар. Нюхательный табак и сабза — тоже желанные предметы роскоши, а курение опиума — широко распространенный порок.

Радость наших носильщиков от заработанных денег вполне понятна. За 100 афгани (9 швейцарских франков) каждый может купить молодую козу или выплатить три четверти стоимости откормленного курдючного барана — истинное богатство жителя гор. Правда, от них уходят десять процентов заработка. Это, если так выразиться, церковный налог, а точнее говоря, он идет в карманы Ага-хана, который в конечном итоге тоже хочет жить. Таджики Вахана принадлежат к шиитской секте исмаилитов и почитают своего имама Ага-хана, который в их глазах безгрешен и лишен ошибок, — представления, чуждые другим исламским течениям. Но вместе с тем они отрицают свою принадлежность к шиитам-исмаилитам и утверждают, что веруют в сунну, как большинство мусульман Афганистана. Они исповедуют свой шиизм как своего рода тайный союз. У них, наверно, на это есть основательные причины.

БАЗОВЫЙ ЛАГЕРЬ — НАША КРЕПОСТЬ

Базовый лагерь для нас — это и надёжное убежище, и приятный приют после непрерывной гонки во время бесконечного автопутешествия. Здесь мы наконец чувствуем себя как дома. Спокойный уют после недельного пути без отдыха.

Устанавливая большую палатку, мы чувствуем, что находимся почти на высоте Монте-Роза. Когда закрепляем растяжки палатки большими камнями и носим воду из недалеко расположенного озера, то «пыхтим», как старый паровой локомобиль. Скоро все должно войти в норму. Наши легкие еще не привыкли к высоте, и это вопрос нескольких дней.

Мы хотим превратить наш базовый лагерь в прочно укрепленную крепость, которая может сопротивляться любой непогоде. Из плоских каменных плит Виктор строит солидный кухонный очаг. Визи и Симон сооружают личный особняк для хранения своего снаряжения. Затаенные у каждого в глубине таланты архитектора сейчас выступают на поверхность!

Отсюда хорошо виден наш шеститысячник Шах. При помощи бинокля можно осмотреть его величественную северную стену. Очень сурово выглядит эта вершина Сырти-Арганди-Паян, как она еще называется: ледовые сбросы, громадные, готовые упасть ледовые башни и висячие ледники с большим количеством светящихся синим цветом трещин, дико разорванных, как бы разрубленных гигантским ножом вдоль и поперек. Настоящий хаос переливающихся всеми цветами радуги причудливых ледяных созданий.

А в середине этого хаоса вздымается в небо узкий крутой гребень, защищенный от ледопадов. Этот гребень, созданный природой из белого фирна и скал, покрытых льдом, изящной линией ведет прямо к вершине. Крутой, с обрывами, он не совсем безопасен, но на риск можно пойти.

Путь подъема по гребню абсолютно понятен, и мы этот вопрос уже не обсуждаем. Но подход к нему пока еще не совсем ясен. Крутая скальная стена находится между гребнем и нашим лагерем. Каким-либо образом ее наверняка можно преодолеть. Проще обойти ее, хотя это опасно, потому что пришлось бы сотню метров проходить под грозящими срывом ледовыми башнями. Следовательно, здесь мы будем зависеть от случайностей. Как перезрелые гроздья, висят ледовые глыбы, и, глядя на них, я вспоминаю ставшие классическими слова старого альпиниста из Триеста: «Смерть в горах — далеко не всегда проявление героизма, наоборот, часто она является следствием большой

группости». Жестокие слова, но правильные.

Если скальная стена окажется непроходимой, нам придется делать обход далеко вправо, на северо-западный гребень. Путь к вершине этим удлинится на два дня, зато становится безопаснее. Для выхода на крутой гребень есть различные варианты, имеющие свои положительные и отрицательные стороны. Разгораются горячие дискуссии, мы сейчас все очень раздражительны — типичные признаки острого недостатка кислорода. Это пройдет через несколько дней, когда наши бедные легкие и нервы смирятся с уменьшением содержания кислорода в воздухе...

К вечеру здесь, в базовом лагере, еще холоднее, чем внизу на пастбище. Поэтому мы с удовольствием влезаем в наши палатки. Впервые за время экспедиции в моем распоряжении просторная, удобная палатка. Как это хорошо, когда весь состав экспедиции размещается в одном просторном помещении, и как это неприятно, если участники ютятся в маленьких двухместных палатках. Только теперь я замечаю еще одно преимущество месторасположения нашего лагеря. Впервые нахожусь в базовом лагере, установленном на моренной осыпи, а не на снегу и льду. Куда ни ступишь, везде сухой, чистый камень. Просто роскошь, если подумать, что раньше целые месяцы мне приходилось проводить в высотных лагерях, где снег назойливо проникал в палатку. Уже через несколько часов чувствуем заметное облегчение в груди. Дышится значительно легче. Мы медленно входим в норму. Сейчас мы находимся на уровне высочайших альпийских вершин. «Точно на пять метров выше вершины Дом», — сообщает Ханспетер, и с этими приятными воспоминаниями о прекрасной вершине района Валлиса (высочайший горный массив в Швейцарии) пробуем уснуть. Но, к сожалению, это не получается. Снова и снова мы просыпаемся; нам снится всякая ерунда, крутимся с боку на бок, пробуем глубоко вздохнуть и снова уснуть.

Я, видимо, так сильно болтал ногами в спальном мешке, что раскладушка с треском завалилась, и я оказался на полу. Вытираю пот с лица. Что за чепуха, такой сон: я сижу в машине и еду с адской скоростью от морены к морене; моя машина, как танк, проходит по осыпи, льду и щебню; вдруг машина останавливается, а надо мной ледник с нависающими ледовыми башнями, готовыми рухнуть...

Мне лень устанавливать раскладушку. И я убеждаю себя, что на полу не так уж неудобно. Ханспетер просыпается от шума и начинает жаловаться на свои ожоги. Его положению приходится меньше всего завидовать.

Первая ночь была всем чем угодно, только не отдыхом. Больше разбитыми, чем отдохнувшими, пьем утром какао. Тем не менее мы все в хорошем настроении и решаем сегодня же выступить в направлении Шаха, чтобы вблизи рассмотреть скальную стену, закрывающую нам доступ к ледовому гребню. Такой переход нашей акклиматизации не повредит. Возможно, после этого спать будем лучше.

Змарай, наш переводчик, хочет стать самым «высоким» афганцем. И среди состава экспедиции он хочет первым подняться на вершину, хотя еще никогда не бывал в горах и не имеет представления о горвосхождении. И, видимо, не знает, как труден и изнурителен путь к конечной точке вершины, а также и обратный, вниз. Нас радует, что он не только хорошо переводит, но и находит удовольствие в горах. Желаем только, чтобы эта радость продолжалась до конца экспедиции. Мы снабжаем его высокогорными ботинками, кошками, защитными очками, теплыми вещами и выходим в направлении ледника.

В лагере оставляем Ханспетера. Грустным взглядом провожает он нас. Ожоги все еще его беспокоят. Даже ходьба по лагерю для него мучительное дело, о восхождении пока и думать нечего.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ГОРОЙ

Почти бегом мы спускаемся по морене и выходим к краю ледника. Перед нами чистый лед с открытыми трещинами. Сразу попадаем в их лабиринт. Обход громадных разрывов, в которых можно разместить целые жилые корпуса, отнимает много времени, зато узкие, глубокие трещины перепрыгиваем с ходу. На более плоских участках ледника озера воды. Иногда мы слышим в его глубине грохот трескающихся ледовых масс. Ледник живой! Всеми цветами радуги блестит лед. Слепящая белизна чередуется со всеми оттенками голубого и зеленого, в зависимости от того, проходим по освещенной солнцем поверхности или среди нагромождений и трещин. Игра света и тени тончайшей градации. Уже в первые полчаса мы безнадежно заблудились. Гора дает нам первый урок: ледники Гиндукуша совсем иного свойства, чем их альпийские коллеги. Мы находимся в лабиринте трещин, в царстве голубых и зеленых теней. Окружающие нас горы видим только изредка между ледовыми башнями.

Виктор, поднимаясь на громадный ледовый выступ, вгрызается зубами кошек и айсбайлем в лед, вырубает две, три ступеньки и стоит теперь выше нас на ледниковом плато в ореоле света. Наконец-то ледопад остается позади.

Здесь гора дает нам второй урок. Она показывает нам, что такое «снега кающиеся», которые с острыми, как нож, углами абсолютно не имеют ничего общего с настоящим снегом. В связи с этим мы отныне, возможно, немного самовольно, но безусловно метко, называем лед, по которому сейчас идем, «лед кающийся». Между прочим с таким льдом очень много хлопот. Вследствие сильного излучения стоящего почти в зените солнца и быстрого испарения лед, вытаявая, образует самые причудливые наклоненные фигуры. Погода в Центральной Азии месяцами стоит устойчивая и жаркая, вследствие чего солнечное излучение становится еще интенсивнее. Ледовые образования достигают полуметра высоты и создают настоящие труднопроходимые джунгли. Местами можно проскользнуть между фантастическими фигурами, но чаще нам приходится их сбивать ледорубами и носками ботинок, и они, падая, уступают нам дорогу.

При этом мы страшно уродуем свою обувь, которая от острых краев ледяных заструг приобретает жалкий вид. Несмотря на все трудности, этот отвратительный «лед кающийся» доставляет нам и много радости. Нежные, тончайшие, всегда острые, как лезвие ножа, ледяные иглы сверкают и переливаются на солнце всеми цветами радуги. Игра солнечных лучей создала сфинксов,

медведей, оленей, орлов и цветы. Истинный сад радости природы, отнимающий много сил у альпинистов, вызывающий восхищение и одновременно проклятия!

Мы подошли к концу плоского ледникового плато. Круто вверх взмывает перед нами лед. Не привыкший к горам Змарай устал, его мучает жажда, теперь он начинает понимать, что альпинизм состоит не только из созерцания вершин. Он беспрерывно пьет воду из каждой булькающей дыры и сосет кусочки льда. Наши поучения он не принимает во внимание, он упрям и знает все лучше нас. Визи и Виктор уже исчезли за крутым ледовым взлетом, Симон висит на передних зубьях кошек вертикально над нашими головами и вырубает клювом ледоруба удобные зацепки для рук. Чудесный воздушный путь, создаваемый искусной резной работой из голубого льда. Я показываю Змараю, как лучше и увереннее лазать на кошках по вырубленным ступенькам. В ходьбе по льду он, кажется, более усердный ученик, нежели до этого, и у него получается неплохо.

Восхождение становится все труднее. Соскользнуть с крутого склона значило бы исчезнуть в одной из темных трещин. Пока идем еще не связанными. Мы, как альпинисты, можем себе это позволить, но только не Змарай. Симон несет веревку в своем рюкзаке, и я кричу изо всех сил, чтобы он, ради бога, не убежал вперед и бросил нам конец веревки. Привязываемся втроем, Змарай в середине. И после преодоления ледового взлета мы остаемся в связке, ибо ледник местами покрыт снегом. Ледник обманчив, его трещины спрятаны под белым покровом, и никогда не знаешь... Мы идем по следам Визи и Виктора, давно исчезнувших с глаз и, наверное, уже где-то прилепившихся к сомнительной скальной стене, чтобы прощупать ее слабые места.

Почти на высоте пять тысяч метров над уровнем моря достигаем ледового перегиба и можем впервые свободно осмотреть местность. Рядом с нами круто взмывает в небо скальный заградительный пояс, и через некоторое время обнаруживаем на нем две маленькие цветные точки: Виктор и Визи. Они уже достигли половины стены и, кажется, нашли удобный проход. Медленно поднимаемся. Скалы чередуются со льдом. Ледорубы сверкают на солнце, а беспрестанно падающие сверху камни указывают, что порода здесь ломкая.

Мы изрядно устали, подъем сразу на пять тысяч метров в первый день неплохое достижение. С удовольствием садимся на наши рюкзаки, вытягиваем ноги и жаримся на солнце. При этом можем смотреть за нашими товарищами на скальной стене с удобных мест, как в цирке за работой акробатов на трапеции. Они хорошо поднимаются. Видимо, они вышли на несложный

маршрут, потому что расходятся и продолжают подъем по двум различным маршрутам. Визи траверсирует влево на скальный гребень, Виктор остается верен кошкам и пробивается прямо вверх по блестящему голубому натечному льду. Иногда он вырубает айсбайлем ступеньки, и падающие куски льда сверкают в солнечных лучах. Вскоре они снова соединяются на верху скального ребра. Преодолено ключевое место нашего шеститысячника. Мы можем быть вполне довольными результатами сегодняшнего дня.

Вообще мы трое хотели разведать северо-западный гребень. Но после того как собственными глазами увидели, что скальный пояс, выводящий непосредственно к северному гребню, проходим, этой работы можно не делать. Рядом с несколькими зияющими трещинами переходим на край ледника к началу кулуара, по которому только что поднимались Виктор и Визи. Часом позже мимо нас с грохотом летят куски льда и камни, а затем слышим ликующие крики наших товарищей, спускающихся по скальному гребню, пройденному Визн.

Визи и Виктор восхищены предстоящим маршрутом по гребню. Мы тоже радуемся тому, что одолели подход к гребню и дальнейший путь совершенно ясен. Наши товарищи уже оборудовали на верху скального ребра склад. Фотоаппараты, небольшой запас продовольствия, одна веревка и куча штопорных ледовых крючьев остались там. Мы же оставляем на том месте, где стоим, все то, что нам не потребуется для спуска. Жаль таскать без дела в горах каждый лишний грамм.

При спуске по леднику выбираем новый маршрут и придерживаемся ближе к западному краю. Так нам удастся избежать оба крутых сброса, зато приходится прорубать новую дорогу сквозь «лед кающийся», который мне напоминает джунгли в Западном Непале. «Лед кающийся» — это ледяной кустарник, ледоруб работает, как кукри (кукри — кривой нож у непальских солдат-гуркхов). Чуть отвлекшись, я шагаю вперед, забыв, что у меня на ногах кошки, и, зацепившись за ледовую иглу, падаю спиной на лед. Да, «лед кающийся» оставляет следы на моих руках. Даю себе слово быть внимательным с этими коварными, изумительно красивыми ледовыми образованиями. Значительно выше выходим к морене и по ней, как по наклонному гребню, спускаемся в базовый лагерь. Моренный гребень, словно мост, ведет нас через хаос скальных глыб, мимо озера с ледниковой водой темно-зеленого цвета. Моренный гребень упирается в громадный камень, заставляющий нас перелезать через него. Камень лежит на льду, который в его тени не так быстро тает, и на протяжении нескольких метров образует острый гребень.

Визи и Симон уже пришли в лагерь, когда мы трое еще раз останавливаемся на отдых. Скоро зайдет солнце. Становится холодно. Окружающие вершины светятся в желтом вечернем свете. Я устал. Сегодняшний день был очень напряженным. Ночью мы уже чувствуем плоды акклиматизации, которым прежде всего способствовал наш подъем до пяти тысячи метров. Нам не нужно так бороться за воздух, и кошмары больше не снятся. Только мне не везет, я все время кручусь. Меня бросает то в жар, то в холод. Подцепленный несколько дней назад «лангаритис» все еще не хочет выпустить меня из своих когтей. Горькая злоба охватывает меня при мысли, что, возможно, придется остаться в базовом лагере. Как бы я хотел освободиться от этой отвратительной заразы!

Утром снова сияющее небо и, как всегда, ни облачка на синем небосводе. Типичная гиндукушская погода. Змарай жалуется на головную боль и хочет остаться с Ханспетером в базовом лагере. Они могут и здесь быть полезными тем, что наведут порядок в запасах продовольствия. Вообще и я с большим удовольствием остался бы отдохнуть от вчерашнего дня и последней ночи. Но я боюсь, что назойливый «лангаритис» здесь еще скорее даст себя почувствовать, нежели когда я, не замечая его, поднимаюсь в горы. Поэтому я лучше вместе с Симоном, Виктором и Визи доставлю первую партию материалов в высотный лагерь I, а там будет видно.

ДВЕ МАЛЕНЬКИЕ ПАЛАТКИ НА ВЫСОТЕ 5310 МЕТРОВ

Мы снова на леднике. Вчерашний след уже не находим. Мы опять прорубаем и топчем новый путь по сверкающим иглам, которые с легким звоном обрушиваются на наши следы. Хотя мы сегодня тяжело нагружены, нашим легким уже лучше — еще один добрый признак приспособляемости к высоте. Симон, Визи и я несем тяжелые рюкзаки. Они не одинакового веса. Каждый взял столько, сколько может осилить. При этом я почти уверен, что в этом смысле сильно проигрываю Визи и Симону. Виктору пришлось отказаться от тяжелого рюкзака, чтобы посвятить себя не менее утомительной работе, как съемка фильма. Ведь это будет его двадцать пятый альпинистский фильм. Достойный юбилей, лучше которого с этим шеститысячником он себе не может представить. А Визи, Симон и я являемся носильщиками и артистами в одном лице, причем роль носильщиков требует от нас значительно большего усилия, нежели вторая. Тем не менее мы сегодня удивительно быстро продвигаемся вперед. Уже через два часа мы у нашего склада под скальной стеной. Дело в том, что в последней части нашего маршрута по леднику мы вышли на вчерашний след и этим сэкономили много времени.

После короткого отдыха с чаепитием забираем оставленные здесь вчера вещи и поднимаемся с рюкзаками, ставшими теперь бесформенными глыбами, по кулуару, разделяющему весь скальный выступ на две половины. Принимаем решение в пользу скальной стороны кулуара и снимаем кошки, что утяжеляет наши рюкзаки еще на полкилограмма.

Сначала поднимаемся по сыпучему щебню, затем следует несколько скальных ступеней. Траверсируем твердый, как стекло, ледовый «язык». Это хрупкий натечный лед. В маленьких зарубках с трудом держится кант резиновой подошвы, защищенные перчатками руки поддерживают вес тела с громадным мешком за спиной, тянущим вниз. Траверс опасный, и нам приходится позаботиться о поддержании равновесия. Несколько метров — и мы уже в самой глубине желоба, из которого как можно скорее выбираемся: кругом следы камнепада. По скалам выходим к крутому ребру из достаточно прочной породы. Здесь местами лазание — настоящее удовольствие; плиты с мелкими зацепками чередуются с хорошими ступенчатыми контрфорсами, но, поднимаясь по узкому камину, мы почти теряем дыхание.

Потом следует ломкая порода. Осторожно переходим через

свободно лежащие в стене камни, вдавливаем их ботинками в гнезда и проверяем каждую точку опоры, прежде чем ей довериться. В это время начинается такой сильный ветер, что того и гляди сорвет кого-нибудь со склона горы. Этим заканчивается наше лазание выше 5000 метров. К тому же скальное ребро превратилось в такую труху, что дальнейший подъем по нему с нашими рюкзаками стал уже опасным. По удобной полке переходим в кулуар. Карабкаемся вверх по страшно ползущей осыпи и после частых остановок для передышки достигаем высшей точки скального ребра.

В одно мгновение сбрасываем рюкзак и ложимся плашмя на ровную удобную осыпь. С наслаждением вытягиваем руки и ноги, пьем глоток из термоса и грызем копченую колбасу. Маленький тур свидетельствует о том, что здесь уже побывали люди — Виктор и Визи. Здесь же находятся оставленные ими вещи. К счастью, не очень много! У нас и без того достаточно груза.

По широкому осыпному гребню продолжаем подъем. Справа от нас обрывистая скальная стена, слева вздымается ледовый склон нашего шеститысячника. Порода меняется. Если ниже мы шли по граниту, то теперь под ногами материал, который геологи называют сланцем. Верхняя часть пройденного нами скального ребра, которое было чрезвычайно сыпучим, видимо, зона контакта между обеими породами.

Высотомер показывает 5310 метров. Дальше широкий осыпной гребень превращается в крутое узкое ребро из скал и льда. Именно здесь, у конца широкого гребня, идеальное место для первого высотного лагеря перед штурмом Шаха. На двух площадках можно установить две маленькие палатки: на открытом осыпном гребне или немного ниже и восточнее, на защищенном от ветров плато ледника. Вообще нам более по душе ставить палатки на гребне, на осыпях, чем здесь на снегу. Но тем не менее мы отдаем предпочтение ледниковому плато, так как здесь мы будем защищены от беснующегося западного ветра. На выбранном для бивака месте освобождаем рюкзаки и упаковываем все вещи в палаточное полотно, которое привязываем веревкой за загнанный по кольцо ледовый крюк. Одна палатка, продовольствие на несколько дней и снаряжение, камеры Виктора находятся теперь здесь, наверху. Завтра сюда нужно доставить остальное снаряжение: спальные мешки, надувные и пенопластовые матрацы и примусы. В Гималаях это было бы проще. Там мы наняли бы шерпов для доставки грузов. В Гиндукуше «зарабатываешь» себе вершину своим трудом. Зато быстрая и более основательная акклиматизация служит нам наградой за тяжелую работу в роли носильщика.

Пора возвращаться в лагерь. Сегодняшний день потребовал от нас большого напряжения, и мы порядочно выдохлись: Виктор — от своих съёмок, мы — от таскания грузов. Несмотря на усталость, мы удовлетворены: завтра будет установлен первый высотный лагерь. Следовательно, время потрачено не зря. Спуск по кулуару проходит быстрее, чем мы ожидали. Мы не лезем вниз по гребню, а спускаемся внутри кулуара, совсем рядом со льдом. Местами мы идем по осыпи. Теперь нужно быть особенно внимательным, так как под щебнем находится лед и можно сдвинуть всю массу вниз. Кошки мы тоже оставили наверху и поэтому осторожно и сосредоточенно спускаемся по леднику.

В базовом лагере мы чувствуем себя такими бодрыми, будто находимся в богатой кислородом низменности, хотя лагерь расположен на высоте более 4000 метров. И следа не осталось от коротких вдохов! А лучшим признаком полной акклиматизации является волчий аппетит. Виктор сидит у примусов — и вскоре на столе громадное количество спагетти в томате с мясом, фруктовый салат. Нашему повару не приходится жаловаться на слабый сбыт. Потом мы надеваем пуховую одежду и за чашкой горячего чая обсуждаем наши планы на завтрашний день.

Завтра хотим подняться к лагерю I и там переночевать, чтобы на следующий день сразу атаковать вершину Шах. Визи — оптимист. Он полагает, что можно из лагеря I (5310 м) с ходу взойти на вершину Шах (6560 м) и в этот же день без промежуточного бивака спуститься обратно. Это был бы бесподобный метод, таящий в себе опасность перенапрячься до такой степени, что потом мы уже не смогли бы по-настоящему опомниться от перегрузок. Но посмотрим, что принесет нам первая ночь в лагере I. Тогда можно будет планировать дальше.

Еще темно и холодно. Но мы лежим в спальных мешках и хотим, чтобы подольше не рассветало. Все, но не Визи! Вершина шеститысячника не дает ему покоя. Окоченевшими пальцами он копается у примусов и мучается с замерзшей за ночь питьевой водой. Слишком рано для обычных альпинистов стоит на столе горячий ароматный кофе. Мы не хотим обижать Визи, и горячий кофе тоже не следует презирать. Итак, мы покидаем наши спальные мешки.

Хотя я хорошо акклиматизирован, но вследствие все еще острого «лангиритиса» плохо доверяю своему состоянию. Может быть, мне еще придется отпустить моих трех товарищей из лагеря I одних на вершину, а самому спуститься в базовый лагерь. Отказаться от красивой вершины Шах — это ли не горькая пилюля! Хочу попытаться сделать все возможное, но горы не всегда уступают только упорству. Особенно такие высокие. И

одиночный спуск из лагеря I в базовый через не совсем безобидный ледник и по крутому кулуару меня, честно говоря, не особенно прельщает. Поэтому заранее договариваюсь с Ханспетером о ракетной сигнализации, чтобы он во время моего спуска по крайней мере наблюдал за видными из базового лагеря участками. Как будто этим можно как-либо помочь! Но что только не предпринимаешь, когда чувствуешь себя в опасности!

Перед выходом я еще раз просматриваю свои личные вещи. Два рюкзака и мешок, набитые носками, крючьями, бельем, игральными картами, таблетками от кашля и тысячами других мелочей, опрокидываю с помощью Ханспетера на расстеленную палатку-мешок. Затем начинаются поиски, подобных которым Гиндукуш еще не видывал. Высотомер — вот имя пропавшего без вести. И я ищу именно свой высотомер со шкалой 8000 метров. Я таскал его годами, годами без пользы для дела на прогулках в Альпах. А сейчас, когда им наконец нужно пользоваться, высотомер куда-то пропал.

«Да, признайся, — язвит Виктор, — он лежит еще в Люцерне. У тебя голова просто была занята другим, а не делами экспедиции».

К черту глупые разговоры! Я ведь точно знаю, что упаковал именно этот высотомер. Я его сунул в карман своих запасных брюк. И как раз эти брюки никак не найду. Кому ты их подарил, а, Виктор? Не замечая того, что в них наш высотомер!

Как бы то ни было, теперь мы имеем с собой только высотомеры, действующие до шести тысяч метров. Для шеститысячников и тем более для семитысячников они уже не годятся! Счастливая случайность, что обе эти вершины уже раньше измерялись.

Рюкзаки сегодня ненамного легче вчерашних. Тем не менее мы идем так быстро, как никогда. Это прежде всего потому, что путь хорошо вытопан. Во второй половине дня мы уже в лагере I и сразу начинаем устанавливать обе маленькие палатки. Сначала нам нужно выровнять фирн, который здесь, к счастью, имеет меньше «льда кающегося», чем ниже. В узкой ледниковой трещине находим даже воду, чего никак не ожидали на высоте 5300 метров.

Первая ночь в лагере I не очень приятна: короткий, урывками сон скорее нагрузка, чем отдых. Мы находимся почти на восьмисот метров выше базового лагеря, а какая разница! Там, внизу, безупречная акклиматизация к измененным жизненным условиям, спокойный сон, аппетит, нет одышки. Здесь не может быть и речи о нормальном сне. Даже при открытом входе палатки, пропускающей беспрепятственно звенящий

двадцатиградусный холод, кажется, что нам на грудь давит многопудовый груз. Только Виктор, наш 46-летний юноша, в ожидании своего съемочного юбилея преспокойно спит до утренней зари.

Визи что-то бормочет в полусне. Кошмары и одышка так его мучают, что, несмотря на холод, он в одних пуховых носках предпринимает ночную прогулку по леднику. Даже Симон, наш врач, тоже всю ночь крутится. Во сне он носит палатку за палаткой на гору, устанавливает каждые пятьдесят метров новый лагерь и никогда не достигает вершины. И мне, его товарищу по палатке, ничуть не лучше. Я сортирую горы консервов, банок с конфитюром, тубики и другой хлам. Все новые и новые ящики, барабаны и рюкзаки нужно упаковывать. Никогда я с этим не покончу, в то время как мимо меня проходит нескончаемая колонна носильщиков, бледная, молчаливая и смотрящая на меня с упреком. Бесконечное шествие привидений, теряющихся на сыпучих склонах.

ТРУБЛЮ СИГНАЛ ОТСТУПЛЕНИЯ

Ледовым холодом встречает нас утро. Мы не спешим с подъемом, пока не покажется на горизонте солнце. И тогда мы с трудом выползаем из нашего приюта. Глоток горячего кофе действует чудотворно. Тяжело, как после ночного кутежа, поднимаемся нетвердыми ногами по первому ледовому склону к гребню. Здесь снова «лед кающийся». На этой высоте он заставляет нас больше тратить сил, чем внизу на леднике, хотя здесь его края менее острые.

Виктор неумоимо ведет киносъемку. Его юбилейная пленка заставляет забыть напряжение и разреженный воздух. И он единственный из нас хорошо выспался. Чем больше Виктор снимает, тем спокойнее мы можем взять подъем. Поэтому я постоянно обращаю его внимание на всевозможные красоты природы. «Хе, Витя, на этом гребешке ты должен нас обязательно снять. Представь себе, как здорово будут выглядеть на заднем плане ледовые башни». «Смотри же, какой фантастический вид внизу!» Наш оператор с пониманием прислушивается к таким советам и заставляет свой аппарат бодро жужжать, а мы в это время можем отдышаться.

Кроме Виктора, Визи тоже в хорошей форме и не нуждается в перерывах для успокоения дыхания. Ожесточенно пробивает себе дорогу через снег и «лед кающийся» и не позволяет сменить себя в прокладывании следа. Сильно разорванный ледопад справа представляет внушительную картину необузданных сил природы — один из тех видов, которые доступны только альпинистам и летчикам. По прямой линии над нами нас приветствует вершина Шах. Она только на тысячу метров выше. Склоны с высоким утомительным «льдом кающимся» прерываются узкими гребешками чистого льда, и крутые скальные взлеты заставляют сильнее биться сердца, сердца скалолазов.

Поверхность склона слева похожа на терку. Ни кусочка гладкого льда. Под воздействием солнечных лучей и испарений ледовый склон нашпигован тысячами маленьких ванночек с острыми краями. Подниматься вроде стало легче, но соскальзывать не рекомендуется. Соскользнувшего в буквальном смысле слова протерло бы, как на терке. Так как это нас мало прельщает, страхуем сегодня очень внимательно.

Несмотря на окружающий нас фантастический вид и привлекательное разнообразное лазание, я чувствую себя утомленным, меня одолевает лень. Это явление вообще не удивительно: ведь мы находимся уже на высоте пять с половиной

тысяч метров. К тому же меня все еще мучает подлая зараза, которую я подцепил в Лангаре и которая шутит надо мной тем, что ночью «осчастливит» меня ознобом, а днем заставляет после каждой пары веревок исчезать тайком за ледовой глыбой. К этому еще присоединяется жажда, с которой уже не справляется емкость моего термоса. Но тем не менее «идти можно», стиснув зубы, убеждаю себя в этом, хотя готов упасть от усталости. Мои товарищи не должны знать о моем состоянии, чтобы ради меня не замедлять темп. Медленно ставлю ступню перед ступней ровным уставшим шагом.

На высоте 5600 метров гребень кончается и постепенно переходит в крутой ледовый склон. Раньше, чем ожидал, приходит конец моим страданиям. Дело в том, что и Симон сегодня не идет с привычным воодушевлением. Осторожно я спрашиваю его о самочувствии. Ответ как по желанию, и теперь ничто в мире не может меня удержать от признания в моем сегодняшнем состоянии. И он, мой партнер по связке, тоже хочет сесть и ничего другого не делать, а только как следует отдышаться.

Визи и Виктор все еще поднимаются. Вяло и безучастно наблюдаем за ними. Они не сдаются и пересекают крутой длинный ледовый склон. Носками ботинок и кошками Визи с ожесточением сбивает ледяные иглы «льда кающегося». На крутых склонах такие иглы приносят даже пользу, так как образующиеся после этого ступеньки позволяют отказаться от применения ледоруба. Еще двести метров — и Виктор и Визи тоже начинают спускаться. Они выполнили важную подготовительную работу на завтрашний день — проложили след по длинному склону.

Там, где мы с Симоном остановились на отдых, оставляем все, что не понадобится для спуска и ночевки. И это тоже подготовительная работа на завтра.

Сегодня мы впервые видели Гиндукуш в облаках. Утром это были только две маленькие рыбки, которые медленно плыли со стороны Памира. Теперь небо уже закрыто наполовину, и клочья тумана танцуют вокруг гребня Шаха. Стало очень холодно, дует штормовой ветер. Создается впечатление, что наступил конец «вечно хорошей погоде в Центральной Азии». Неудача для планируемого на завтра штурма вершины. Падает легкий снег.

Мы дрожим от холода и начинаем не спеша спускаться. Если бы было солнце, мы еще могли растянуть приятный отдых, но теперь с удовольствием спрятались бы в палатках. Осторожно на кошках топаем вниз. Мы улучшаем проложенный при подъеме след и сбиваем кошками оставшиеся ледовые иглы. Теперь путь

на завтра подготовлен.

Уже в начале второй половины дня сильный западный ветер очищает небо от облаков. В том-то и заключается преимущество Гиндукуша, что он со своим континентальным климатом не знает муссонов в противоположность Гималаям, находящимся ближе к морю, где плохая погода и снежные бури часто нарушают намеченный распорядок дня.

Вторую половину дня используем на сон и приготовление еды. Виктор мастерски готовит гуляш в соусе с красным вином. Это отвратительная еда для всех альпинистов, подверженных культу «современное питание», но это настоящее лакомство для нас, «старомодников», не делающих ставку только на сухое питание и чай с маслом. Только я должен выдерживать диету на сухарях с черным чаем и питаться воздухом и любовью. Это здесь, наверну, достаточно сложно, так как того и другого мало.

В 5 часов солнце исчезает за гребнем и наступает пронизывающий холод. Спать я не хочу. Поднимаюсь к еще освещенному солнцем гребню в защищенное от ветра место и ложусь на осыпь. Таким образом я еще полчаса наслаждаюсь солнечным теплом. Огненный шар спускается все ниже и ниже, и наконец темно-красный круг совсем исчезает в далекой дымке. Черные тени долин крадутся выше. Их щупальца охватывают вершины и гребни. Наступает ночь. В темноте ощупью возвращаюсь в палатку.

Кроме меня, все проводят вторую ночь в лагере I в хорошем, спокойном, глубоком сне. Хотя мне уже не приходится ловить воздух, но лихорадка способствует тому, что утром я чувствую себя прескверно. В лучшем случае я еще могу спуститься в базовый лагерь. Теперь стало абсолютно ясно, что я уже никогда не буду стоять на вершине Шаха. Да, мне нужно торопиться, если я во время работы экспедиции вообще еще хочу заниматься горовосхождениями.

Но Шах, эта великолепная вершина, для меня окончательно потерян. Какая досада!

ШВЕЙЦАРСКИЙ ФЛАГ ВПЕРВЫЕ НАД ГИНДУКУШЕМ: ШАХ, 6550 МЕТРОВ

Мои друзья готовятся к выходу. Все трое чувствуют себя в хорошей форме и отдохнувшими за ночь. Все предпосылки для первовосхождения, кажется, имеются. И погода снова отличная. Гастроли облаков окончились. При вчерашнем подъеме проложен след почти до полпути к вершине. Теперь все зависит от нас. Более чем тысячеметровый гребень не может быть пройден в один день. В случае чего можно перетерпеть еще один бивак.

Солнце еще не взошло, а мои друзья уже завтракают. Я могу себе позволить остаться лежать в палатке. Слабое утешение! При первых лучах солнца мои друзья уже на гребне. С вытянутым лицом я смотрю им вслед. Судьба экспедиции теперь в их руках. Надеюсь, что они справятся с шеститысячником, будь это сегодня или завтра.

Два часа спустя я выползаю из палатки. Мой первый взгляд обращен к горе. Где могут находиться мои товарищи? Осматриваю гребень. Вижу «лед кающийся», фирн, скалы и чистый лед, кое-где хорошо различаю вчерашний след. Но нигде не обнаруживаю своих друзей. Где же они могут быть? Дважды осматриваю гребень. Только тогда замечаю, что они его уже преодолели и достигли места, откуда вчера повернули обратно. Они кажутся маленькими точками на этом громадном ледовом склоне. После короткого отдыха они продолжают подъем. Два часа для того же отрезка пути, где мы вчера трудились полдня. Они должны быть в отличной форме. Вот что значит двадцать четыре часа акклиматизации! Просто не верится.

Не без зависти я смотрю, как они по вчерашнему следу в невероятно быстром темпе продвигаются вперед. Мне нужно было сегодня утром взять себя в руки. Как я мог так раскиснуть...

Угрюмо занимаюсь лагерной кухней. Если я уже ничего не могу делать на горе, то хочу по крайней мере почистить посуду. Из трещины принес две кастрюли воды.

В палатке я собираю все, что здесь, наверху, уже не потребуется. Друзьям и без того остается достаточно много для транспортировки вниз.

Затем потихоньку спускаюсь в базовый лагерь и одновременно наблюдаю за друзьями. Их движение вперед просто фантастично. Создается впечатление, что они торопятся вверх. Я держу за них оба больших пальца.

У тура на высшей точке скального ребра я отдыхаю. В десять

часов Ханспетер будет наблюдать за этим местом, чтобы видеть условный сигнал. За пять минут до этого я заряжаю маленький пистолет красной ракетой. Ханспетер без того предполагает, что я отказался от восхождения. С базового лагеря он в бинокль может отчетливо определить, что только три человека держат путь к вершине. Ровно в десять пускаю ракету в голубое небо. Громким хлопком поднимается она и падает чудесными красными снопами на ледник. Великолепное зрелище!

Осторожно спускаюсь по крутому кулуару. Сначала по хорошим ступенчатым скалам, затем по льду и осыпям. Только бы не поскользнуться! Нет страхующей веревки и тем более нет товарища, который ее крепко держит в руках. Лазание в одиночестве имеет свои прелести. Все приходится решать самому. Нет надежды на постороннюю помощь, нет пощады со стороны гор. Неправильный шаг, обломившаяся точка опоры — и ты летишь вниз. Героическая смерть? Большая глупость? Для меня это не играет роли. Только спускаться я должен уверенно.

Бесформенный рюкзак с громадным поролоновым матрацем под клапаном мешает при спуске больше, чем при подъеме, качается во все стороны, и нельзя сказать, чтобы он способствовал поддержанию равновесия.

Наконец последняя скальная ступень. Можно прочно упереться ногами, резиновая подошва хорошо присасывается к скалам. Бодрая гимнастика в величайшем в мире открытом спортивном зале. Затем стою на спасительной осыпи. Коварный ледовый «язык», который мы пересекали при подъеме, можно обойти, а оставшийся спуск к началу ледника — уже простая прогулка.

У места старого лагеря останавливаюсь на короткий отдых и нахожу забытый термос, полный чая. Как пригодилась превосходная влага! Особенно сегодня. Жаркий и душный день. Ни движения воздуха, нигде ни малейшего облачка.

На леднике сразу попадаю на наш старый след. Вся моя надежда на снежные мосты. Несмотря на жаркий день, они держат исправно. Только теперь, когда один бреду по леднику, обнаруживаю, что некоторые из них далеко не такие уж безобидные. Неловкий шаг — и можно без песен и музыки плачевно погрузиться в эти ужасные дыры с водой. Лучше не думать об этом, все равно ничем не поможешь. Иншалла!

Хороший след приходится скоро бросить, потому что лед изменился. И вдруг передо мной — зияющий обрыв. Прочные, раньше снежные мосты подозрительно мягки и уже немного опустились. Продвижение моих друзей к вершине происходит значительно быстрее, чем мое собственное! Они уже стоят на

предвершинном склоне, отчетливо видимые, как маленькие точки.

В базовом лагере Змарай встречает меня угрюмым взглядом. Ханспетер бросает мне ядовитые слова. Разве они прибыли с экспедицией просто как «кухонный персонал» и должны смотреть, как наследные принцы берут вершину за вершиной... Я ошеломлен! На собственном опыте я мог сегодня убедиться, что значит отступать из-за физической слабости и смотреть, как товарищи заканчивают давно желанный великолепный маршрут. Как голодному нищему у роскошного стола богача, которому разрешают только понюхать, но не есть. «Мой дорогой Ханспетер, твое плохое настроение я вполне понимаю, но я ли в этом виноват, что ты обжег себе ногу и теперь здесь должен хромать, в то время когда остальные ходят в горы?» Он признает, что не хотел обидеть меня. Это был просто взрыв давно накопленного недовольства с примесью разреженного воздуха (плохая, нерекомендуемая смесь). Инцидент исчерпан. Мы снова понимаем друг друга.

Менее безобиден случай со Змараем. Он возмущен тем, что его не взяли с собой. Он не может и не хочет понять, что такая трудная и высокая вершина, как Шах, представляет трудности даже для альпинистов с многолетним опытом. Взять с собой начинающего на такую вершину было бы не только глупо, но и опасно: можно поставить под удар вообще всю экспедицию. «Кроме того, ты имел же возможность подниматься с нами в первый лагерь, — объясняю я. — Ведь никто не виноват, что у тебя болела голова!» Все же он не хочет этого понять. В порядке поощрения обещал ему, что он пойдет с нами на пятитысячник. Презрительным взглядом он смотрит на эту красивую вершину и бросает весьма пренебрежительно: «Ничего особенного».

Во время этих дискуссий я почти не обратил внимания на визит вежливости двух местных жителей. Это были мужчина и мальчик, которые специально поднялись к нам из деревни Арганд. Теперь они приглашены к столу. Затем собрали пустые консервные банки: для них это драгоценный клад. Особенно банки из ценного металла, который, как они нам объясняют, значительно прочнее глины. Старик заботливо прячет эти богатства под свой халат, и затем оба прощаются с нами.

В бинокль можно наблюдать за нашими товарищами. Они уже на вершине.

Впервые реет швейцарский флаг над вторым по высоте горным районом мира! Сегодня 26 августа 1963 года.

Просто не верится в успех этого внезапного восхождения на шеститысячник.

Как глупо, что я отказался в последний момент. Но более важно то, что это первый успех нашей экспедиции. У меня свалился камень с сердца.

Я проявил инициативу для организации экспедиции в Гиндукуш — район, мне совершенно неизвестный. Никто из нас не мог дать гарантию, удастся ли нам вообще осуществить первовосхождение на вершину. И все-таки было бы очень неловко вернуться, не покорив ни единой вершины, даже если учесть, что мы исследовали многие ущелья Гиндукуша и тем самым подготовили почву для будущих экспедиций. С первовосхождением на этот шеститысячник Симон, Визи и Виктор обеспечили нашей экспедиции прекрасный результат. Если по каким-либо причинам нам не удастся еще что-нибудь совершить, то у нас есть первовосхождение на эту ледовую пирамиду высотой 6550 метров в самом диком и неизведанном районе Гиндукуша.

Спуск проходит очень быстро. Мы сочувствуем нашим спутникам на горе. Они хотят по возможности избежать бивака на холодном, обдуваемом ветром гребне. Лучше торопиться вниз по крутому льду, зато ночевать в сухой теплой палатке.

Ханспетер занимается кухней. Мы хотим торжественно отметить сегодняшний день. Наше плохое настроение улетучивается. Его заменяет удовлетворенность и радость, неомраченная радость по поводу того, что вообще кто-то из нас достиг вершины. Даже Змарай снова смеется, после того как обыграл меня в шахматы. Он, между прочим, превосходно играет в шахматы. Поэтому у меня не было большой необходимости проигрывать ему нарочно. Говорят, что на Востоке часто применяется такой метод для восстановления хорошего настроения.

В 4 часа дня наши друзья уже вернулись в лагерь I. Даже при самых идеальных ледовых условиях это неслыханное достижение. Нам остается только удивляться.

При виде подготовленного Ханспетером праздничного пира я принимаю решение отказаться от диеты и пилюль и вести наступление на бактерии по методу наших предков. Уже одиннадцать дней, как я мучаюсь, и ни таблетки, ни чудный рецепт — черный чай с сухарями и сухари с черным чаем — не могли с ними справиться. Для чего мы наконец привезли из дома пять различных сортов водки? Впервые после долгого перерыва я снова сытно поел. Все то, что Ханспетер жарил на своих сковородах, отличается великолепным вкусом. Даже консервированный шпинат приятен, как будто он только что снят с огорода.

В шесть часов мы уже видим наших товарищей на скальном

гребне над лагерем. Там, где вчера меня согревали последние лучи солнца, они сидят и, видимо, ждут сигнал. Змарай, который всегда радовался возможности выстрелить, пускает ракету в воздух, и шипящий зеленого цвета снаряд сообщает, что у нас полный порядок.

В пуховых костюмах наши друзья, если на них смотреть через бинокль, похожи на неуклюжих медвежат или на пришельцев из другого мира. Они словно марсиане в последних лучах солнца.

ДРУЗЬЯ РАССКАЗЫВАЮТ

В то самое время, когда наши друзья, наверное, уже спят в своих тесных палатках лагеря I, мы здесь, внизу, долго еще сидим вокруг стола, грызем печенье и пьем мое «новое лекарство», которое мне, к слову сказать, кажется, не вредит.

Змарай довольно долго крутит ручки приемника, пока ему наконец удастся поймать станцию, передающую афганскую музыку. Монотонно повторяются одни и те же мотивы. Мы понимаем: Змарай скучает по родному Афганистану. Мы уже потягиваемся в своих спальных мешках, а он все еще слушает песни, доносящиеся из эфира. Я закрываю глаза и вижу перед собой бесконечные просторы этой страны. Караваны верблюдов проходят мимо меня, и мужчины в белоснежных чалмах при звоне гиджака с таинственной грустью в голосе поют свои песни о свободном человеке пустыни.

Нет! Возможно ли это! С раннего утра небо затянуто облаками. Серые, перенасыщенные влагой облака. И это в Гиндукуше! Свежевыпавший снег лежит даже в базовом лагере. Вершина Шах впервые закрылась мрачными густыми облаками. Непостижимо! Можно подумать, что мы находимся в Швейцарских Альпах. Но нужно признаться, что это изменение погоды нам приятно. Все же разнообразие. Синее небо нам уже надоело.

«Им вчера улыбнулось счастье!» — говорит Ханспетер. И я с ним вполне согласен. Безветренный жаркий день накануне был прямо как по заказу для шеститысячника. Днем раньше или позже — в обоих случаях не удалось бы взойти на вершину.

Очень рано, еще в первой половине дня, видим наших друзей на спуске. Явственно вырисовываются громадные рюкзаки. Они, наверно, решили лучше сразу все спустить вниз. Резкая перемена погоды была и для них неожиданностью. Видимо, они ожидают еще худшего. Иначе после вчерашнего дня они могли бы себе позволить выспаться как следует. Правда, спускаясь в пургу и туман по этому пути, не получишь удовольствия. Я понимаю их поспешность.

В середине дня мы приветствуем наших друзей в лагере и поздравляем с покорением шеститысячника. Они сияют! И, конечно, рады, что могут наконец сбросить свои исполинские рюкзаки.

До сих пор у нас еще не было настоящего дня отдыха. Поэтому мы вдвойне наслаждаемся второй половиной сегодняшнего дня. Этот отдых мы действительно заслужили.

Погода все ухудшается. Следовательно, день отдыха нормально вписывается в наш план. Облака сгущаются, и скоро снова начинается снегопад. Мы сидим в палатке и тратим остаток дня на разговоры, шутки и игру в шахматы. Поднимаем тосты за первую вершину — для этой цели у нас есть две бутылки красного вина. Во время 9000-километрового автопутешествия их порядочно потрясло, затем им пришлось еще на спинах ишаков подниматься в базовый лагерь, тем не менее вино пришлось нам очень по вкусу. Мы все убеждены, что еще никогда в жизни не пили такого хорошего вина. Только Змарай отдает предпочтение чаю. Как мусульманин, он презирает алкоголь и свинину.

Я в очень хорошем настроении, потому что мой «лангаритис» как будто ветром сдуло. Новое «лекарство» действовало безотказно. И даже наш господин доктор начал лечить с тех пор по моему методу. К вечеру поднявшийся сильный ветер треплет наше жилище. Нам хорошо в палатке, и мы внимательно слушаем наших друзей, рассказывающих о покорении вершины:

«И нам тоже было непонятно, почему все шло так легко. Ведь в предыдущий день ноги были словно свинцовые, а легкие отказывались служить. Вторая ночь в лагере I, тренировка во время перехода и хороший след среди калгаспоров творят чудеса. К тому же в нижней части ледника не нужно останавливаться для съемки. Там, где раньше, измотанные, мы повернули обратно, теперь со свежими силами подняли свои грузы. Такими свежими, что мы сами этому не верили. Мы восторгались, что сейчас так хорошо идем, и это воодушевление поддерживалось до конца восхождения. Прежде всего во многом нам помог проложенный ранее след. Мы шли без остановки, так как не требовалось срубать на каждом шагу ледовые иглы.

У большого ледового склона нам пришлось обходить громадную трещину, затем мы вышли к гребню. Он, кстати, значительно круче, чем казался снизу. Это и логично, потому что склон горы снизу выглядит более пологим, чем на самом деле. У начала гребня мы нашли оставленный рюкзак с кинокамерой Виктора. Несмотря на ночной холод, она действовала безотказно и, довольная, жужжала, как всегда. Склон был такой крутой, что нам пришлось здорово запрокидывать головы, чтобы осматривать дальнейший путь. Скальное ребро, выступающее местами из льда, к сожалению, нельзя было использовать для подъема — слишком разрушенная порода. Большие свободно лежащие камни могли свалиться в любой момент. Поэтому мы предпочли подниматься по льду, где могли организовать надежную страховку. Либо мы страховали через ледоруб, загнанный в снег по головку, либо, когда вышли на чистый лед, через ледовые

спирали. По возможности мы шли по фирну, избегая ледовые участки и места, покрытые пушистым снегом, в котором проваливались по пояс. Этим и объясняется зигзагообразная линия нашего подъема, которая так игриво идет вдоль и поперек гребня. Отсюда, снизу, кажется, что на гребне только хороший фирн, на самом деле это далеко не так.

Визи вообще не чувствовал усталости. Он шел бессменно во главе нашей связки. Даже вырубание ступеней и организация страховки не нарушали его дыхания.

Очень быстро набрали высоту. Преимущество крутых маршрутов заключается именно в том, что цель быстро достигается и вершина не маячит несколько дней перед носом. Нам казалось, что с каждым шагом из-за горизонта появляются новые картины. Мы видели неизвестные долины и новые вершины. Конечно, мы чувствовали, что воздух стал как бы жиже и в нем уменьшилось содержание кислорода. И чем выше мы поднимались, тем чаще приходилось делать остановки для восстановления дыхания.

После крутого ледового гребня показалась ровная скальная плита, как бы созданная для отдыха. Здесь мы сделали остановку. Симон взял примус, натаял снега, и мы все предвкушали, как утолим жажду ароматным чаем. Затем мы погрызли немного глюкозы, полюбовались видом, который открывался перед нами внизу, в сторону базового лагеря. Какой огромный крутой склон! Почти на четыре тысячи метров ниже можно увидеть реку Оксус. Наконец закипела вода. Симон перелил драгоценную влагу в кружку, но тут он поскользнулся и... прощай наш чай. Белый пар, поднимаясь с синеватого льда к небу, распространял приятный запах мяты.

С сухим горлом мы продолжали подъем. «Это не так уж страшно, — так же сухо заметил Виктор. — В конечном счете за время наших многочисленных путешествий по пустыне мы уже должны привыкнуть к «сухой пробке в горле»».

После отдыха особенно трудны первые шаги. Снова надо приучать ноги к работе, дышится тоже довольно тяжело. Каждые пятьдесят метров приходилось останавливаться и восстанавливать дыхание. При этом мы не переставали восхищаться панорамой, становившейся все более суровой.

Чем выше мы поднимались, тем чаще и короче дыхание. Тем не менее мы держим хороший темп. Железная воля вдохновляет нас: «Если мы уже так высоко поднялись, то любой ценой взойдем на вершину».

Только силой воли мы заставляем двигаться наши ставшие ватными ноги. И разреженному воздуху пришлось уступить...

Постепенно нам стало ясно, что можем обойтись без бивака, и у подножия предвершинного склона мы оставляем бивачное снаряжение и продукты питания. А так как казалось, что наш дальнейший путь проходит по ледово-снежному гребню, то мы здесь оставили и скальные крючья, и всю «слесарню». Так мы почти налегке прошли оставшийся в несколько веревок путь, который, однако, нам стоил большого труда. Ледовый гребень становился все уже и уже. На конце его возвышался черный скальный обелиск, словно нарочно созданный для вершины. «По всей вероятности, мы еще не скоро будем на вершине», — так думали мы. Мы гадали, сколько раз увидим еще такие «вершины». Каждому альпинисту знакома такая картина! Когда достигаешь такой вершины, оказывается, что настоящая высшая точка находится еще дальше, выше, и вполне возможно, что и это тоже одна из многих предвершин.

Левее нашего ледового склона громадный обрыв — это двухтысячметровая восточная стена. Справа виден западный гребень.

Медленно поднимаемся к видимой высшей точке и желаем, чтобы это была наконец вершина, а не только башня на гребне. Во всяком случае нам кажется, что мы чувствуем вершинный ветер. Визи все еще идет первым, подходит к многообещающей скале, где можно остановиться и осмотреться. Он смеется и просит подойти к нему, чтобы всем вместе подняться на скалу. Задышавшись, мы следуем за ним и тут наконец видим, что дальше за скалой гребень не поднимается, а уходит круто вниз. Мы на вершине.

Ликуя, пожимаем друг другу руки, радуясь нашей первой вершине в Гиндукуше. Симон достает из брючного кармана маленький швейцарский вымпел, и впервые наш белый крест на красном фоне реет над второй по высоте горной системой мира. Мы чувствуем себя превосходно, наконец-то можно спокойно сесть и расслабиться. Не надо делать ни шагу вверх. О спуске мы не беспокоимся. Виктор садится отдыхать только после того, как снял на пленку круговую панораму. Шесть тысяч пятьсот метров были для нас троих абсолютным рекордом. Еще никогда в нашей жизни мы не поднимались на такую высокую вершину.

Медленно доходит до нашего сознания и то, что мы первые, которым дозволено любоваться грандиозной панорамой с этой вершины. На юг склон круто спускается в Пакистан. Немного восточнее, далеко впереди, море облаков покрывает мир восьмитысячников Гималаев. На севере — горная система Памир, с характерным пиком Карла Маркса и многими нам неизвестными вершинами. На западе отчетливо вырисовываются остальные гиганты Гиндукуша, шести— и семитысячники Тирич-

Мир, Нушак, Надир-шах и Кохи-Кишм-хан. Цепь за цепью. Там в это время тоже действовали альпинисты — поляки и австрийцы. Далеко под нами, на две тысячи метров, наш базовый лагерь.

С вершины мы любуемся семитысячником, ледовым замком Арганди-Бала. Мощно и стремительно поднимается в голубое небо эта единственная в своем роде пирамида. Мы рады победе над нашей вершиной. И все же наши мысли уже принадлежат будущему, нашей следующей цели — семитысячнику Арганди-Бала».

ГОЛОВОМОЙКА ИЗ ЭФИРА

Ночью нам не давала спать снежная пурга. Шквальный ветер с необычайной силой гнал перед собой снег. Впечатление такое, будто из ада вырвался гималайский муссон и «вечно хорошая погода» Гиндукуша окончательно испортилась.

Но после ночного переполоха — сияющее безветренное утро. Обычная погода Центральной Азии. Кругом ни облачка.

Для человека, привыкшего рано вставать, все вокруг кажется присыпанным сахаром. Почти десять сантиметров снега лежит на палатке. Проходит два часа — и белое величие исчезает! Даже не видно талой воды. Предельно сухой воздух и интенсивное солнечное облучение все видоизменили. Все выглядит так, будто приложил руку волшебник. Волшебник-природа!

Сегодня все остаемся в базовом лагере. Но отдыхать мы не будем. Совсем наоборот. Через четыре дня придут носильщики, а с упаковкой вещей нам еще много работы. Лучше начать ее сейчас. Кто не занимается ящиками и барабанами, фотографирует, дописывает дневник, чистит обувь или зашивает порванные брюки.

Сухой воздух сейчас никак не радует нас. Губы трескаются, несмотря на тщательный уход, глубокие трещины на руках и кончиках пальцев болезненны даже на легких работах. Я, например, чувствую сильную колющую боль, когда нажимаю на спуск фотоаппарата, хотя это никак нельзя считать тяжелой работой. После еды никто не хочет мыть посуду. Нос, небо кровоточат из-за высохшей слизистой оболочки. А фотографирование! Пленки стали до того хрупкими, что при малейшей неаккуратности ломаются. У кого аппарат со скоростным переводом пленки, нужно очень нежно и медленно перематывать, иначе пленка в аппарате распадется на кусочки.

В разгар упаковочных работ к нам приходит гость. Это местный житель, сторож наших машин. Он размахивает листком бумаги, исписанным на языке фарси.

«Гром и молния. Надеемся, что ничего не случилось с обеими машинами», — ворчит Визи. Все взгляды направлены на Змарая, который изучает записку.

Оснований для волнения нет. Записка — любезное письмо губернатора района Вахана, чья резиденция расположена в деревне Хандуд. Он получил наше письмо и выполнит наше желание, то есть обеспечит нас бензином, «если к 6 сентября вообще придет автотранспорт из Файзабада».

Ради такой незначущей мелочи наш сторож поднимался к нам! Змарай пишет ответ губернатору. Мы благодарим его за любезные хлопоты и сообщаем, что на обратном пути засвидетельствуем ему почтение своим посещением. Затем сторож наших автомашин отправляется в обратный путь в долину, забрав с собой все накопившиеся у нас пустые консервные банки.

Своеобразное беспокойство охватило Ханспетера, смесь радости и нервного напряжения. Сразу после ужина он берется за приемник. И правильно! Ведь сегодня вечером мы снова услышим родину. Долго ищем нужную волну, наконец слышим швейцарскую музыку. Затем снова прерывает пронизывающий до мозга костей свист, после чего слышим русскую речь и опять Би-Би-Си из Лондона.

О небо, если это будет так продолжаться...

Но вот опять слышится бернская немецкая речь: говорят о дождливом лете в Швейцарии и в остальной Европе. Это действует успокаивающе — значит, мы ничего не упустили в Альпах.

Нам везет, мы без помех принимаем предназначенные для нас сообщения. Считать ли это удачей? Ибо мы могли с таким же успехом обойтись без той головомойки, которую приходится нам выслушивать из эфира. Комментатор сообщает, что посланные домой фотографии не блещут качеством, письменные сообщения о ходе экспедиции прямо-таки никудышные и ими пользоваться нельзя, кинокамера Виктора нуждается в чистке и т.д. и т.п. А в конечном итоге говорят, чтобы я поторопился домой... Тут ничего не остается другого, как от всего сердца посмеяться над европейской «цейтнот паникой». Тирада упреков почти заняла выделенные для нас три минуты. Только для Симона есть еще скудные приветы, мы же остаемся опять с носом. И даже Ханспетер находится сегодня среди «пострадавших». Ни единого слова из Савойи. С грустью опускает он голову.

Смех Симона заразителен. И мы снова смеемся, вспоминая европейский образ жизни. Мы хотим сейчас все принимать по-азиатски, с улыбкой встречать любую судьбу и не поддаваться гипертонической болезни.

ЗМАРАЙ-«ЛЕВ» ШТУРМУЕТ ВЕРШИНУ

Новый день начинается хорошей погодой, по-гиндукушки. Мы разделяемся на две группы. В то время как Ханспетер и Виктор остаются в лагере, Визи и Симон отправляются на разведку пути и одновременно хотят подыскать удобное место у подножия Арганда для нового базового лагеря. Затем они хотят немного подняться и разведать путь на семитысячник.

Вместе со Змараем я ухожу в направлении Кохи-Урупа, чтобы установить возможность восхождения на эту красивую скальную иглу. Змарай теперь, кажется, понял, что и «только» пятитысячник для него является достижением, по крайней мере как первая вершина в его жизни. После этого штурмуется уже семитысячник, и ему не придется возиться с другими более низкими горами. Его портрет как самого «высокого» афганца будет украшать «Кабул таймс», и весь окружающий мир будет знать простого сына Афганистана, поднявшегося, по желанию аллаха, «выше, чем летает орел».

Целый час идем по большой морене, мимо громадных образований «льда кающегося». Сразу за окончанием морены склон уходит круто вверх. Поднимаемся по осыпному кулуару, соскальзывая на каждом шагу, и выходим на ребро, состоящее из больших скальных глыб.

Наконец я чувствую себя по-настоящему в хорошей форме. Болезнь, которая мне стоила шеститысячника, к счастью, прошла. Змараю трудно: ведь он за всю свою жизнь не поднимался так высоко. Он старается не отставать. Как я, так и он можем поправить здесь свои дела, по крайней мере доказать свое умение на вершине Урупа.

Совсем около нас по зеленому, переливающемуся, почти отвесному ледовому желобу «мчится» глыба размером с многоквартирный дом, с невероятным грохотом ударяется на дне ущелья в «лед. кающийся» и разлетается на тысячи мелких кусков. Осколки скал и льда летят во все стороны. Поднимается облако пыли, чувствуется запах серы и сожженной земли.

По скальному ребру удобно и быстро набираем высоту. Наклоненные осыпные полки и плиты уходят влево. Под нашими ногами все живое, все скользит, нужно быть очень внимательным. Мы попадаем под обстрел свистящих маленьких твердых кусков льда, чертовски близко летящих мимо нас. Горячие лучи солнца делают свою работу, тем более что скоро середина дня.

Правее вершины есть характерная зазубрина, указывающая, видимо, на перевальный проход в ущелье Лангар. Эту точку я,

безусловно, хочу достичь, несмотря на ледовый обстрел и «живые» камни. Оттуда, вероятно, можно хорошо разведать и просмотреть дальнейший подъем на Кохи-Уруп.

Склон становится все круче. Мы держимся как можно выше, непосредственно под отвесной скальной стеной, где лучше всего защищены от ледяного обстрела. Временами пересекаем крутые желоба. В них мы чувствуем себя напряженно. Надо вовремя успеть уклониться от возможного ледяного снаряда. С набором высоты разрушенность породы, однако, не уменьшается. Напротив, под ногами она все больше крошится. Это глинистый сланец. Счастье, что эту породу не приходится встречать в Альпах. О технике скалолазания здесь, собственно, нельзя и говорить. Это больше похоже на ползание вверх по неустойчивой массе, постоянно уходящей из-под ног. Если же и попадают камни величиной с кулак, впрессованные в песок, то держаться за них я не решаюсь, они вываливаются из-под рук и ног и могут ранить Змараю. «Жди меня лучше там, под скальным карнизом», — кричу ему. Хочу найти хорошее место и страховать его веревкой при подъеме.

Еще несколько метров по этой массе, подобной муке, и я оказываюсь в зазубрине. Быстрее, чем думал. Прежде чем бросить Змараю веревку, восхищаюсь грандиозной панорамой и спешу отдышаться. Значительно менее крутой осыпной желоб уходит в другую сторону, вниз, в ущелье Лангар. Да, там, внизу, я стоял меньше чем две недели назад, когда мы разведывали это ущелье. Кохи-Уруп — это, должно быть, та вершина, которую поляки под названием «Чарни» (черный) нанесли на свой эскиз, «примерно 5600 метров» — так определив ее высоту. Высотомер показывает здесь, в зазубрине, где я сейчас нахожусь, 5390 метров, а до вершины, наверно, еще 200 или 300 метров.

Горы ущелья Лангар закрыты скальной пирамидой Кохи-Уруп, но правее видны семитысячники Кохи-Кишм-хан и Надир-шах и совсем на западе — массив Нушак. За ними просматривается высочайшая вершина Гиндукуша Тирич-Мир высотой 7700 метров.

На востоке господствует Арганд — «наш семитысячник». Будет ли он действительно нашим? От сегодняшнего дня многое зависит. Надеюсь, что Симон и Визи найдут хороший подход к нему. Насколько нам известно, поляки хотели из верхнего ущелья Арганд взойти на вершину Арганди-Бала. А наши итальянские друзья, которых мы встретили, тоже «заигрывали» с этой вершиной, но не сделали попытки восхождения.

Ну, теперь пора поднимать со страховкой доброго Змараю!

Я наслаждаюсь панорамой гор и на время забываю о Змарае,

заставляя его страдать под карнизом.

Хороша альпинистская дружба! Быстро бросаю конец веревки вниз и, страхуя, принимаю товарища. Это быстрее сказать, чем сделать. Ибо Змарай давно уже забыл, как надо привязываться к веревке. Первую и единственную лекцию об альпинистских узлах он прослушал много дней назад на первом леднике, к тому же он тогда был усталым и страдал горной болезнью. Беседа на расстоянии не приносит желаемого результата. С каким-то невероятным узлом на веревке Змарай выходит из-под карниза. Нет, при всем желании так дело не пойдет. Змарай возвращается ощупью под карниз и каким-то образом завязывает подходящий узел. Как правило, афганцы — практичные люди. Затем он несколько раз болтает ногами, делает движения руками, напоминающие плавательные, и в следующий момент стоит рядом со мной, покрытый весь землей и песком, но счастливый. А лавина камней, вызванная им, скатывается вниз.

К сожалению, отсюда не просматривается весь дальнейший путь на вершину. Крутая ледовая подушка предвершинного склона частично закрывает обзор. Нам ее не преодолеть, так как ледорубы и кошки мы оставили в базовом лагере. Мы только разведываем путь. Все же надеемся, что сможем осуществить восхождение на эту привлекательную скальную пирамиду, украшенную с нашей стороны толстым ледовым панцирем.

Упорным трудом Змарай смастерил в базовом лагере из остатков материи и кусков кожи афганский национальный флаг трех цветов — черного, красного и зеленого. Флаг предназначен для вершины. Тем не менее Змарай укрепляет его на туре, который мы соорудили на нашей зазубрине. Может быть, он уже сомневается, сможет ли вообще водрузить флаг еще на какой-либо вершине. Так если не на вершине, то хотя бы на перевале! Он не первый, кто стал в горах маленьким и скромным.

Спуск с зазубрины — дело простое. Вверху страхуемся веревкой, а затем бежим по крутой осыпи, поднимая облака пыли. Это приятное соскальзывание невольно напоминает мне крутые спуски на лыжах в пушистом снегу.

Прогресс Змарая в овладении техникой альпинизма очевиден. Он уже не сосет лед и не глотает снег.

Симон и Визи уже вернулись из разведывательного похода в базовый лагерь. «На Арганд невозможно взойти», — хотел меня напугать Симон невыразимо грустным выражением лица. Но ему не удастся сохранить серьезную мину, и он вынужден признать, какой чудесный маршрут они нашли. И прежде всего новый базовый лагерь! Наша палатка будет установлена на берегу прекрасного горного озера, да еще к тому же на высоте 4650

метров, на шестнадцать метров выше Монте-Розы. Он рисует нашу будущую жизнь у подножия Арганда в самых радужных тонах и никак не может окончить.

УПОРНАЯ БОРЬБА ЗА УРУП: 5650 МЕТРОВ

Двадцать четыре часа спустя мы опять в зазубрине, которую в честь нашего переводчика, а теперь и нашего товарища по восхождениям называем «перевал Змарая». Это, конечно, не означает, что мы действительно «окрестили» так перевал. Мы не хотим вмешиваться в официальную топографическую номенклатуру уважаемого королевства.

Сегодня мы вышли с Симоном и Визи, захватили кошки, ледовые крючья, ледорубы и айсбайли. Да, Уруп, тебе придется терпеть эти грубые инструменты! Но без этих суровых предметов ты был бы нам не по плечу!

Змарай снимает с тура флаг Афганистана и предусмотрительно кладет в карман. Цвета его страны по праву не должны быть здесь, внизу, а должны гордо реять на самой высокой вершине.

Мы привязываем десяти— и двенадцатизубые кошки на ботинки и берем айсбайли. Чтобы создать правильное соотношение сил, распределяем наши две связки таким образом, что Визи, опытейший и лучший горовосходитель среди нас, берет к себе в связку Змарая, а мы, оставшиеся два «альпиниста среднего уровня», создаем вторую связку.

Лед лучистый и твердый, как сталь, но усеян, как на Шахе, созданными природой маленькими наклонными ступеньками. Зубья кошек на них находят как раз достаточное место, и впереди идущему Визи приходится только на самых крутых подъемах вырубать ступеньки. Прекрасно идем вверх по крутому ледовому щиту над бездной. Где-то там, на круче, надо мной, Визи долбит лед. Его не видно, он ушел за ледовый взлет, и только сбитые им куски льда летят вниз, чуть не задевая меня. Я прижимаюсь к склону, невольно опускаю голову и вижу внизу каменную пустыню Лангарского ущелья. Красивый вид! Местами лед чередуется со скалами. Слава богу, они не сложные, и мы можем оставить на ногах кошки. Бесконечное снятие и надевание их очень утомительно. Еще несколько веревок — и мы стоим на гребне. Скальная стена отвесно уходит в долину Арганди-Паян. Это та стена, откуда вчера сорвалась глыба величиной с дом, так испугавшая нас во время подъема на «перевал Змарая».

Наша желто-зеленая палатка базового лагеря словно крохотная булабочная головка среди громадных осыпных склонов, морен и ледников. Наш взгляд останавливается на великолепном ледовом замке Арганд, нашем семитысячнике. Хотя нас сейчас интересует Уруп, наши мысли невольно

обращены к Арганду.

Но скоро черная скальная пирамида Уруп берет нас в плен, и мы забываем другую вершину.

Через твёрдозамерзший карниз и скальную стенку выходим на площадку в гребне. Отсюда наконец можно рассмотреть вершину. Она в состоянии окончательно испортить наши радужные иллюзии о нашем пятитысячнике. Вскоре лед кончился. Его место заняли крупные черные ломкие скалы. Перепад высоты до вершины составляет отсюда около ста пятидесяти метров. Что же делать? Левое ребро? Стена справа? Или пересечь стену и выйти на западный гребень? Нелегко принять решение! Или нам придется отказаться от восхождения ради этих нескольких сот метров? Этого мы, конечно, не ожидали!

Счастье, что Змарай сам отказывается от дальнейшего подъема и добровольно соглашается остаться здесь. Мы не хотим дольше рассматривать вершинную стену, надо решительно действовать. Связываемся веревкой втроем. Я бесконечно благодарен Симону, что он добровольно занял очень неприятное место среднего в связке. С удовольствием соглашаюсь нести наш общий рюкзак дольше, чем мне это следовало бы.

Визи, само собой разумеется, идет первым в связке. Это лучшая гарантия взойти на вершину, если это вообще в человеческих возможностях.

Опять трудные скалы. Визи в своем амплуа. Еще долго Симон и я возимся с веревкой, а он уже прилепился к крутой стене. Сначала проходим немного вверх по гребню. На склоне, обращенном в Лангар, обходим гладкую нависающую стенку, после чего выходим по отвесной щели снова на гребень. Место для лазания как тысячи других и в Альпах, и везде, где существуют вершины с гребнями. Только вид скальной породы не поддается описанию.

Но впереди нас ждало еще худшее.

Там, где гребень переходит в предвершинную стену, характер породы еще раз переменялся. К нашему ужасу, порода здесь такая ломкая, что вряд ли заслуживает названия скалы. «Как это все вообще еще может устоять на ветру!» — слышу я удивленный возглас одного из моих друзей. Решаем, что лучше подниматься на вершину по одному. А пока первый поднимается по скалам, оставшиеся двое «придерживают вершину», чтобы она не упала.

После нескольких несложных обрывистых участков раскрывается своего рода внутренний угол, уходящий почти вертикально вверх.

Визи исчезает в черной скале. Идя распором, он бормочет проклятия, так как все зацепки и точки опор для ног

выламываются. Потом ему удастся выйти на правое, освещенное солнцем ребро угла. «Минимум три точки опоры для ног или рук», — гласит старый закон основ альпинизма, который, к сожалению, не всегда удается претворить в жизнь. А что делать, если есть только одна зацепка, а опоры для ног отсутствуют?

Ребро становится все круче, а зацепок по-прежнему нет. Если по одной стороне угла нельзя больше подниматься, то можно попробовать по другой. Так Визи и делает: спускается назад в глубь угла. Находит опору для ноги. Дает себе немного отдохнуть и глубоко вздыхает. Какой отдых! На высоте почти пять с половиной тысяч метров над уровнем моря подтягивание на руках уже не так легко, как в богатых кислородом скальных лабораториях Альп. Да, здесь даже Визи знает цену хорошему выступу.

Потом он выпрямляется и становится таким длинным, что обеими руками может схватиться за край угла, где как по заказу есть прочный выступ. Хватается за него обеими руками и секунду спустя сидит на удобной осыпной площадке.

Мы с верхней страховкой быстро поднимаемся к нему. Симон превосходно страхует меня в углу. Соблюдая приемы осторожного горювосходителя, я стремлюсь одновременно использовать как можно больше точек опоры. Иногда это мне удается. Это хорошо, ибо зацепка, которой я только что доверялся, превращается в моих руках в песок и глину. Но это ничего. Я же имею еще хорошую опору для ноги, на которую могу перенести вес тела, но к этому не приходится прибегать. Симон страхует так надежно, что вес моего тела уже не нагружает точку опоры и с помощью веревки успешно сопротивляется закону тяготения.

В момент передышки я размышляю об артистической виртуозности во время скалолазания, то есть об искусстве умелого перемещения собственного тела.

Теперь мы сидим на корточках на покрытой осыпями площадке и с любопытством рассматриваем дальнейший путь. Но нам не придется слишком долго искать в предвершинной стене слабое место. Система трещин и расщелин, невидимая снизу, проходит по всей стене и почти выводит к противоположному гребню. Но именно только почти! Сам гребень кажется менее крутым и выглядит несложным и хорошо проходимым.

Последний участок стены непосредственно перед гребнем представляет собой пятиметровый знак вопроса, который мы с удовольствием бы обошли стороной. Но к сожалению, такое правило не предусмотрено во время восхождения.

Скальная полка выводит с нашей площадки к стене, которая, нависая, обрывается под нами. Внизу видим сверкающий зеленый

ледник, стекающий со страшной крутизны в ущелье Л ангар. Чудесное зрелище! Визи исчез за углом. Симон и я страхуем. Каждый из нас имеет в своем распоряжении относительно надежный скальный выступ, и мы пропускаем внимательно и осторожно через руки веревку. Мы не хотим думать, из чего состоят наши «скальные выступы», и Симон предусмотрительно прижимается к стене. Сейчас он должен выдержать! Он должен выдержать!

Мы слышим удары молотка. Значит, Визи вбивает скальные крючья в сланец!

— Можно идти! — слышится сверху. — Я стою на хорошем для страховки месте.

Несколько метров не представляют трудности, так что я с веревочными петлями в руках лезу сразу же за Симоном.

Мы быстро продвигаемся вперед, я к тому же защищен от камнепада. Одновременно приходим к месту, откуда Визи нас страхует. Нечего сказать — убежище слишком воздушное, но забитый до кольца скальный крюк придает нам чувство уверенности и безопасности. Тут же Визи без слов исчезает, траверсируя узкую полку к началу «знака вопроса» под верхним краем гребня. Гребень находится только на пять метров выше. Теперь мы хорошо видим, что по нему простой выход на вершину. Значит, еще пять метров труднейшего лазания — и все будет позади. Но эти пять нужно преодолеть по слабо выраженному в верхней части и немного нависающему камину в крайне непрочной породе. Нам видно отсюда, что камин является более чем проблематичным. Ведь может так случиться, что здесь, совсем рядом с вершиной, нам придется повернуть обратно.

Визи атакует камин. Сначала он устраняет все, что попадает под руки. Целые плиты ломает своими руками, как можно ломать только глиняные горшки, и бросает в глубину. Черный след «течет» далеко под нами по ледовому кулуару в ущелье Лангар. Но прочная порода все равно не показывается. Наконец Визи бросает «демонтаж» горы и обеими руками хватается за свободно лежащий хлам. Насколько возможно, он становится в распор и носками ботинок шаркает по безнадежно гладким плитам. Может быть, он поднялся таким образом на полметра, как вдруг все, что у него под руками и ногами, летит вниз. Симон крепко держит страхующую веревку, а я прочно держу Симона своей веревкой. Визи не падает. Он просто берется за новую «зацепку». Опять крепко хватается, опять ищет ногами опору. Извиваясь всем телом, он карабкается вверх на один метр. Останавливается и переводит дух, затем опять продолжает подъем. Теперь он прошел уже полтора метра. Это чертово место

для лазания, которое ничего общего не имеет с настоящим лазанием. Сантиметрами Визи поднимается вверх.

Все еще мало точек опоры для ног и захватов для рук. Его движения напоминают движения змеи. Это единственный способ преодоления скальной поверхности, с помощью которого можно здесь чего-то достигнуть. Вытянувшись, ему удастся ухватиться за край гребня. Ничего не помогает, порода крошится, и пальцам не за что держаться. Визи поднимает голову рывком, бросает верхнюю часть туловища через край гребня и... мы видим только беспомощно барахтающиеся ноги. Мгновение — и Визи выиграл игру; уставший, сидит он на гребне. Это были тяжелые пять метров. Да, Уруп! Мы думали тебя покорить очень просто! Тебя, «только» пятитысячника. И как легко ты при всем этом мог бы стряхнуть нас с себя...

Для Симона и меня это ключевое место значительно проще. Нас страхуют сверху, поэтому мы можем себе позволить больше, чем впереди идущий Визи. Тем не менее мы тоже не особенно пытаемся лазать. Подтягиваемся — и «раз, два — взяли!». Этот злостный скальный участок казался нам довольно коротким и безобидным. Ведь всего «только пять метров»...

На гребне нам троим тесно. Мои два товарища едва умещаются на крохотной площадке, и мне приходится сразу же по ребру гребня лезть вверх. Вскоре гребень становится шире, а лазанье на несколько категорий проще. На этом гребне самая своеобразная скальная порода, по которой можно вообще еще идти. Скальные глыбы состоят из тончайших, как слюда, пластин сланца. Достаточно наступить ногой или чуть надавить рукой, чтобы обломать верхний хрупкий край гребня! Вершина представляется нам как пачка сожженных газет, которая распадается от малейшего дуновения.

После двадцати метров лазания я стою под вершиной. На высочайшую точку мы хотим взойти все одновременно. Подходят Симон и Визи — и вот наконец мы на вершине.

Высотомер показывает 5650 метров. Тем самым подтверждается, что оценка высоты, данная поляками, близка к истине.

Мы рады, что находимся здесь, на вершине дикого «черного» Гиндукуша, местное название которому Кохи-Уруп. Я поздравляю своих спутников с их второй Гиндукушской вершиной и бесконечно рад, что и я тоже покорил одну вершину.

На площадке гребня под нами видим Змарая. Приветствуем друг друга и машем руками. Для него, видимо, было весьма тяжело наблюдать за нашим лазанием по предвершинной стене. Хвала небу, что оно было все таким же голубым и безоблачным, и

мы с чистой совестью могли оставить Змарая там, внизу. К сожалению, и флаг Афганистана остался с ним, поэтому мы поднимаем над гордой вершиной Урупа только наш швейцарский флаг. В южной стене находим несколько плит для сооружения тура, которые в поте лица поднимаем сюда.

Здесь, наверху, устраиваем, кажется, самый приятный отдых за всю жизнь. Похожая на сожженные газеты порода способствует этому. Лежим как на мешках с мягкой листвой. Тепло, клонит ко сну, а приятный легкий ветерок обдувает наши головы. Не удивительно, что мы в такой удобной обстановке позволяем себе забыться запоздавшим послеобеденным сном. Правда, слово «сон» было бы восточным преувеличением, но все же мы дремлем, полускрыв глаза. Сквозь ресницы с восхищением смотрим на все горные великаны от Арганда до Кохи-Кишм-хана и Нушак. Прямо перед нами возвышается вершина Шах со своими блестящими в солнечных лучах ледниками и ледовыми гребнями. Прошло только четыре дня, как Визи и Симон с Виктором стояли на ее вершине. Особенно хороший вид открывается перед нами на вершины, окружающие ущелье Лангар. Подтверждаются результаты нашей тогдашней разведки. Как вершина Лангар, так и «Звонник» с этой стороны, видимо, очень трудны и исключительно опасны. Кругом готовые к падению ледовые башни.

Нехотя покидаем удобное место. Мы еще долго могли бы лежать здесь, наверху, но нас страшит спуск. Даже в «безвременной» Азии время все же течет и затянуть спуск до ночи не особенно привлекательно. Осторожно, как по стеклу, балансируем вниз по гребню. Через сложный камин с его негодными точками опоры спускаемся по веревке. Затем очень осторожно ползем дальше, чтобы не выломить из стены опору или зацепку. Уруп хочет, чтобы к нему прикасались только в лайковых перчатках. Кто непочтителен, тот подвергает себя опасности быть безжалостно раздавленным в его глотке.

Несмотря на долгое ожидание, Змарай в хорошем настроении, и все вместе мы спускаемся в вечерних лучах солнца к зазубрине. Длительный отдых мы уже не можем себе позволить, иначе не дойдем при дневном свете до базового лагеря. Последний взгляд на семитысячник на западе и на нашу вершину, где, как маленькое красное пятнышко, различаем наш вымпел, а затем спускаемся по веревочным перилам через крутую осыпь.

Громадными прыжками скачем вниз, в ущелье, и намного быстрее, чем ожидали, приходим в базовый лагерь.

У Виктора и Ханспетера очередной визит вежливости. Это двое мужчин из Арганда, которые не могут дождаться, чтобы

приступить к переноске наших грузов. Они специально поднялись, только чтобы спросить, действительно ли мы нуждаемся послезавтра в их услугах. Все остальные носильщики наготове внизу, на коше, ждут, чтобы не прозевать обусловленный срок. Так как посланцы все равно сегодня спускаются на кош, передаем с ними, чтобы носильщики поднялись завтра утром. Таким образом, мы выигрываем день, который на Арганде может нам пригодиться. Захватив пустые консервные банки, оба наших друга уходят незадолго до наступления темноты.

С ЯКОМ ЧЕРЕЗ ЛЕДНИК

Спозаранку мы уже начинаем упаковывать все наши вещи. Скоро придут носильщики, а мы даже не начали подготовку тюков для переноски!

Быстро проглатываем импровизированный завтрак и приступаем к работе. Чтобы сэкономить время на хлопоты со взвешиванием, в этот раз заполняем ящики и барабаны на глаз. Нужно следить, чтобы хрупкие вещи не попали под тяжелые консервные банки и чтобы все оставшиеся пустые места были заполнены легким упаковочным материалом. Иначе все можно раздавить и попортить.

Уже пришли первые носильщики. Они сидят в терпеливом ожидании на освещенных солнцем камнях или помогают нам в хлопотах, всегда присущих поспешному выходу. «Поспешность — дело шайтана», — говорят таджики. Но если мы еще сегодня хотим прийти в новый базовый лагерь у подножия нашего семитысячника на той стороне ледника, то у нас нет другого выхода, как стать союзником шайтана, созданного, согласно преданию, аллахом из огненного дыхания пустыни.

После трехчасовой работы наконец все готово. Чаны, ящики, барабаны и мешки привязываем шнуром или веревкой к спине — и поход через ледник начинается. Конечно, люди Вахана не могли примириться с мыслью, что им придется идти без выючных животных. Один як тоже должен был встать в строй, и теперь он стоит в середине лагеря и сопит. Я сильно сомневаюсь, может ли этот лохматый четвероногий пройти через ледник, причем не через ровное, как стол, фирновое плато, а по осеннему, вытаянному Гиндукушскому леднику с твердым синим льдом и острыми как нож столбиками «снегов кающихся». Мы ведь это все знаем и поэтому советовали этим добрым людям не брать с собой животных! Но теперь як тут, и пусть упрямые горцы сами расхлебывают кашу, которую они заварили. Я не вижу другого выхода, как отправить обратно в долину одного носильщика с этим яком.

Визи и Симон становятся во главе каравана. Они знают направление марша и еще позавчера маркировали путь желтыми флажками и турами. Змарай замыкает шествие, остальные заняли места где-то в середине колонны. На особенно сложных участках будем ждать и помогать носильщикам, идущим в обыкновенной обуви.

Спускаясь по крутой морене, достигаем края ледника. После того как прошли несколько носильщиков, в щебенке остается

отчетливый след. Переход на ледник весьма щекотлив и требует крайне осторожной и уверенной ходьбы.

Мы любуемся горцами, преодолевающими с большим умением этот трудный участок. У них нет высокогорных ботинок и кошек, и за всю свою жизнь они не обучались в школе альпинизма. Зато у них инстинкт горных жителей и природное чувство приспособляемости к рельефу местности. Они уверенно ходят по скользкому леднику в своей обуви на гладкой кожаной подошве, нагибая слегка вперед верхнюю часть корпуса, как это записано в инструкциях альпийских клубов, а малейшие нарушения равновесия принимают согнутыми коленями. Значит, они применяют технику, которой мы, горожане, должны сначала обучиться в горнолыжной школе.

На леднике весь пестрый караван движется в глубоких канавах между высокими клиньями «льда кающегося», в своем большинстве заполненных потоками ледяной холодной воды. Понятно, что здесь наши мужественные носильщики начинают жаловаться на озябшие и промокшие ноги.

Мы в своей водонепроницаемой высокогорной обуви с профилированной подошвой и теплыми фетровыми носками чувствуем себя ничтожествами. Но пока мы нашим друзьям ничем помочь не можем, кроме как ударом ледоруба улучшить дорогу, чтобы они могли быстрее пройти ледник и достичь противоположной морены с сухой теплой осыпью.

Через полчаса оставляем ледник за собой. Симон здесь дежурит и помогает перепрыгивать широкий рандклюфт тяжело-нагруженным людям. Скоро все получают заслуженный отдых. Носильщики снимают обувь из овчинной кожи и сушат ее по всем правилам на солнце.

Я с Ханспетером отдыхаю на немного возвышающейся скальной глыбе. Отсюда мы хорошо видим весь караван и пройденный путь до бывшего базового лагеря.

Последние носильщики спускаются по морене со своей ношей. Но что мы видим! И як тоже съезжает по песчаному склону с горой груза на спине. Эти парни сошли с ума, так мучить бедное животное, гоня его через ледник. Какими бы горцы ни были дружелюбными людьми, но к животным они относятся просто без всякой жалости. Никакой уговор здесь не помогает. По этому вопросу у них свои понятия, не позволяющие изменять убеждения. Но теперь як показывает им, что у него упрямая голова. Упорно и без единого движения он останавливается перед ледником. Терпеливо переносит побои, пинки. У него толстая кожа, «укрепленная» еще слоем жира и лохматой шерстью.

Людям не остается ничего другого, как освободить

строптивца от груза, переложив ящики на свои собственные спины. «Представитель деревенской власти» сегодня снова здесь и, когда он видит трагедию с яком, тут же поднимает отдохавших шесть мужчин и посылает обратно к началу ледника. Без возражений они уходят. Их задача — снять с отставших грузы, чтобы те могли уверенно провести яка через ледник. Бык прав, что во время своего первого путешествия по леднику не позволил себя использовать в качестве вьючного ишака. Сегодня наконец он может поиздеваться над своими хозяевами. Не только тем, что они должны на своем горбу переносить его груз, но даже не возражает против сопровождающей его личной охраны в количестве шести человек. Только на нашей морене он снова стал добродушным, позволил навьючить ящик за ящиком и отправляется довольный мелкой рысцой дальше.

Мы пересекаем громадную долину, почти вся она покрыта осыпями и льдом. Утомленные, идем дальше через камни и канавы. Проходим вброд ледниковый ручей, любуясь играющей в солнечном свете огромной лужей темно-зеленого цвета, напоминающей множеством рукавов озеро Фирвальдштетт в миниатюре. Затем проходим мимо ледовых масс, вышиной с дом, рельефно выделяющихся своим безукоризненным белым цветом на фоне фиолетово-синего неба. Величественный Шах, со своими сверкающими гребнями и стенами, закрывает горизонт этой дикой скально-ледовой арены. Рядом кряж Арганда, неприступный, возвышающийся над всеми своими соседями.

У конца долины по крутому каменистому руслу речки набираем высоту. Мы находимся уже выше уровня старого базового лагеря, но все еще идем дальше. Носильщики хотя в хорошем настроении, но дышат тяжело. Они за всю свою жизнь еще не были так высоко. Крутое русло приводит нас на ровный участок с песчаными полями, где ручеек теряется в бесчисленных мелких водостоках. Затем выходим по небольшой теснине на скальную платформу. Она состоит из грубых гранитных глыб и выводит нас непосредственно на маленькое плато, выступающее как балкон из склона горы. Это и есть созданное природой место для базового лагеря, открытое Симоном и Визи. Рассказы Симона о сказочном озерке не были плодом фантазии. Чудесное прозрачное горное озеро действительно прижимается к горе. В его водах отражается красноватый гранит, окаймляющий его берега, и массив Шаха. От Арганда видим только нижние скальные бастионы.

Большинство носильщиков уже здесь, а внизу як тоже проходит песчаную равнину. Чудо, что он вообще прошел. Людей мучает жажда. Виктор варит им котел лимонада, который быстро

обходит круг. В то время как Симон и Змарай выплачивают носильщикам деньги, мы устанавливаем большую палатку базового лагеря и маленькую походную палатку. Сегодня ночью нам потребуются две палатки, потому что мы хотим оставить шесть наших носильщиков для работы на завтра. Они должны нам помочь доставить еще выше снаряжение, предназначенное для первовосхождения на Арганд. Если это будет даже всего только несколько сот метров, то и этим мы все же выиграем немного времени и сэкономим себя от излишнего труда и пота.

С веселым гомоном носильщики уходят в ущелье. Они бегут, ибо солнце уже низко над горизонтом. Змарай дал им знать, что мы здесь, наверху, будем десять дней, а на следующее за этим временем утро ждем их тут, чтобы возвратиться в долину. Як остается мирно лежать перед палатками; оказывается, один из оставшихся носильщиков — его хозяин. Значит, терпеливое нетребовательное животное проведет ночь под открытым небом на высоте, равной Монте-Розе, в холоде гиндукушских ночей! Визи жалеет его и собирает скудную травку, которую здесь, наверху, можно еще найти между камнями. Но як отвечает отказом на ласковые стремления Визи.

По всему видно, что нашим шести носильщикам нравится бивачная жизнь, являющаяся для них совершенно новым приключением. Они рассматривают нас как далеких от жизни горных кочевников, странствующих без верблюдов и скота, в силу чего не претендующих на их пастбища, и не скупых на афгани и подарки. К тому же им в палатку приносят чай, суп и хлеб и даже моют их тарелки. Шестерка чувствует себя очень хорошо в своей палатке и долгое время звучит их веселый смех в холодной ночи.

НА ВОЛОСОК ОТ ЛАВИНЫ

1 сентября! Насколько же больше осени звучит в этой дате, чем, скажем, 31 августа. Для нас это сигнал, что и на Востоке колесо времени крутится и что наше увлекательное Гиндукушское путешествие гигантскими шагами приближается к концу. У нас еще впереди девять дней. Удастся ли нам втиснуть в этот весьма короткий отрезок времени первовосхождение на семитысячник? Нам нужно поторапливаться, и хотим мы или не хотим, а придется «бросить за борт» принятое во время последней радиопередачи решение в части азиатского образа жизни. А жаль!

С началом осеннего месяца Ханспетер вступил в строй. Тяжелые ожоги вылечены и при некотором бережном отношении к себе он снова может отважиться заняться горовосхождением. Для него, опытного участника экспедиции и способного альпиниста, горестным и досадным было вынужденное сидение все это время без дела. Будем надеяться, что ему удастся подняться на семитысячник. Прежде всего в интересах Ханспетера мы желаем этого, но и из своих собственных побуждений. Ибо никому из нас не хочется на обратном пути домой переносить его весьма угрюмое настроение. Кроме того, желаем, чтобы на нашу гордую вершину, если это только возможно, взошли все участники экспедиции.

Мы подготавливаем продовольствие и снаряжение для двух-трех высотных лагерей. Проверяем каждый предмет, действительно он нам нужен или можно обойтись без него. В нашем распоряжении только шесть носильщиков, да к тому же они не поднимутся даже до первого высотного лагеря. Это значит, что большую часть вещей нам придется самим переносить наверх. Уж лучше принять на себя некоторые неудобства, чем девять дней заниматься перетаскиванием грузов и в конце концов, возможно, отказаться от вершины. Особенно ограничиваем себя в части еды. Мы можем потом вдоволь покушать в базовом лагере и во время путешествия домой. Третью палатку заменяем бивачным мешком. Две кастрюли оставляем в лагере I, одну — в лагере Пив каждом лагере — только одну ложку и общую миску. «Ты берешь карманный фонарь, ты — свой фотоаппарат, а ты — один термос»... Не имеет смысла таскать наверх все в шестикратном исчислении. От надувных матрацев отказываемся, вполне достаточно одних легких пенопластовых. Четыре заряда газа и шесть пачек таблеток мета берем для варки чая и супа. Примусы остаются в базовом лагере. «Тактика авиапочтой» называем этот отбор лишнего. После такой двухчасовой работы куча грузов

заметно тает. Мы нагружаем спины носильщиков и свои тяжелыми мешками и оставляем на волю судьбы базовый лагерь вместе с яком.

По скользкой мелкой осыпи и крутым желобам поднимаемся на ледник. Сегодня жарче, чем когда-либо, просто душно. Пот ручьями течет со лба на защитные очки. В связи с упаковкой грузов мы поздно вышли из базового лагеря, а скоро уже полдень. Ледник проходим легче, чем ожидали. Несколько трещин обходим без каких-либо затруднений, и затем, на границе пяти тысяч метров, выходим на почти ровное ледниковое поле. Это плато ограничивается слева и справа высокими скальными и ледовыми гребнями, в то время как сзади уходит круто вверх, ледовый склон Арганда. Таким образом, в этом ледниковом котле господствует полное безветрие и к тому же беспощадно палит солнце. Ледник местами настоящее болото, из которого на ходу все время вытаскиваем булькающий полный ботинок. Тоже приключение, прелестное только в воспоминаниях. Я хлопаю Ханспетера по плечу и поздравляю его. Он недоверчиво смотрит на меня, не понимая причины поздравления. «Ха, да потому, что ты впервые в своей жизни перешагнул границу пяти тысяч метров!

Высотное крещение? Или... Это тебе дома дорого обойдется». «Ах да, тебя еще можно поздравить, — дразнит Симон, — здесь, в Гиндукуше, совсем другое дело, чем на твоих сантиметровых пятитысячниках Шпицбергена. Что тебя там не поздравляли, вполне понятно. И знаешь, здесь можно для тебя найти вполне приличный «Рыф-Хорн».

Счастье, что Ханспетер понимает саркастические шутки Симона, даже если они затрагивают его святыню Шпицберген и названную в его честь вершину...

Часами идем почти по ровному, но все же слегка поднимающемуся леднику. Я сегодня не в лучшем состоянии, от угнетающей жары часто перевозжу дух, ем виноградный сахар и предаюсь своим мыслям... Ведь Визи и Симон уже разведали маршрут. Они говорили, что есть два варианта. Безотрадный, нудный подъем по льду громадного склона или интересное лазание по гребню. Я вижу, они отдают предпочтение гребню! Они хотят играть с горой, в свое удовольствие полазить, а не топтать снег, как это делается в течение последнего столетия. Мне кажется, что им важнее «элегантный маршрут», чем более скучный путь, но с гарантией достичь вершины.

Об этом не может быть и речи! Нельзя художничать, предпринимая скальные вылазки на непокорный семитысячник, когда рядом идет хорошо проходимый верный маршрут. Ведь так

можно и не достичь вершины. Какая нелепость! Я по-настоящему взбешен.

Медленно растягивается караван в зависимости от шага каждого. Визи и Ханспетер соревнуются в скорости. Визи я могу понять. Но меня удивляет, что Ханспетер, вышедший сегодня впервые наверх, способен на это. Во всяком случае видно, что он хорошо поправился. Симон и я с несколькими носильщиками шагаем, подавленные жарой. Позади всех следуют Змарай, Виктор и носильщики.

Стоим на втором ледниковом плато. Оно образует гигантский котел. Солнце печет, как из рефлектора. Оба варианта маршрута лежат открытыми и ясными перед нами: прямо впереди ледовый склон, справа — гребень.

Одного взгляда достаточно, — чтобы убедиться, что по склону нельзя идти. Даже если гребень был бы очень трудным. С Визи и Симона теперь снята забота о вынужденном прохождении недостаточно пикантного маршрута. Теперь они, с полной силой, могут заняться гребнем. Склон, правда, технически проще, но покрыт устрашающими ледовыми башнями. Высоту готовых к срыву ледовых масс я оцениваю как минимум в сто пятьдесят метров. Они не только стоят отвесно, а местами нависают. К тому же они покоятся на наклонных плитах сланца. Никогда в жизни я не пошел бы под таким льдом в Альпах, даже в быстрой связке вдвоем. Тем более на гиндукушских высотах, да к тому же с караваном носильщиков. Тут не остается другого выхода: отказаться или, как в нашем случае, выбрать другой маршрут. Почему же они ничего не говорили об этих ледовых башнях? Если бы я о них знал, мы бы пришли сразу к единогласному решению идти через гребень, и я уберег бы себя от внутреннего взрыва бешенства. Ведь при таком положении дела не приходится дискутировать о выборе маршрута.

Значит, это и есть проблема нашего семитысячника. Технически простой склон слишком опасен, а разорванный гребень с его скальными башнями и крутыми ледовыми сбросами весьма проблематичен на такой высоте. Единственное преимущество нашего положения заключается в том, что нет необходимости пробовать в двух местах и стоять перед дилеммой, где начать. С первого же дня мы можем всеми силами действовать на гребне. Это экономит энергию и нервы.

Для меня наступило время отдыха. Особенно высоко подняться, все равно, уже не сможем. Наши носильщики скоро захотят возвращаться. Подниматься с нами на гребень они не могут. На расстоянии трех веревок выше вижу Визи и Ханспетера. Они, как раз, собираются уходить с ледника в поисках

выхода на гребень. Дьявольски крута эта синяя стена открытого льда. До гребня примерно сто метров. Визи переходит бергшрудн и исчезает в ледовой пещере, вход в которую украшен сосульками.

Бросаю рюкзак на землю и сажусь на него. До этого я успел еще вытащить фотоаппарат. Как хорошо время от времени вытянуть ноги. В нескольких метрах впереди от меня идет Симон. Он не думает об отдыхе. Виктора и Змарая еще не видно. Они, наверное, намного отстали. Рядом со мною сидит Ахмад Сайд, один из наших носильщиков. «Хуб асти? — спрашиваю я его. — Дела идут хорошо?»

«Хуб, хуб, — отвечает он, — хорошо, хорошо».

Нацеливаюсь фотоаппаратом на причудливые ледовые башни, господствующие над ледниковым котлом. Надо их заснять, прежде чем они грохнутся вниз. Изумительная картина эти гигантские красивые образования природы, вызывающие одновременно восхищение и ужас.

А потом происходит такое, что крайне редко бывает в жизни альпиниста. Пока я дивлюсь на ледовые башни, предаваясь размышлениям о них, наступает момент, когда передняя башня — великан размером в три многоэтажных городских дома, отделившись от ледовых масс и разваливаясь, мчится вниз на нас! Звуков никаких. Тишина... Пока ледовая башня не разбивается о скалы. Но затем! Затем раздается оглушительный грохот в ледниковом котле, и приносящий гибель гул эхом отдается от стен. Быстро нажимаю на спуск фотоаппарата, чтобы запечатлеть на пленку эту чрезвычайно редкую картину. А затем скорее удирать. Инстинктивно хватаю рюкзак, вместо того чтобы его оставить и быстрее бежать «Хуб, Ахмад, хуб».

Мы находимся на правом краю ледникового котла, как назло, на той же стороне, где и ледовый обвал. Если мы побежим вверх по крутому склону, в направлении гребня, будет еще шанс на спасение. Двадцати метров нам вполне достаточно. С рюкзаками, задыхаясь, несемся вверх по склону, наши легкие готовы разорваться, скорее, скорее ради спасения жизни! За это время расколовшаяся ледовая башня превратилась в гигантское облако. Оно постепенно заполняет ущелье и поднимается так высоко, что скрывает вершины Арганда. Облако все ближе и ближе, без жалости неся холодное смертельное дыхание, как все давящий каток. Но все же у нас еще есть время для обдумывания. Визи и Ханспетер, наверно, находятся вне опасности, Симон перед обвалом исчез за ледовым гребнем. Я показываю Ахмаду, как надо прятать голову под рюкзаком, вырываю из-под клапана рюкзака запасную рубашку, чтобы защитить рот и нос от

губительной ледовой пыли. Видимо, нам сопутствовало счастье! Тяжелые ледовые глыбы остались, наверное, лежать где-то выше, а так далеко вниз спускается только пыль.

Счастье, золотое, светлое счастье сопутствует нам. Благодаря какой-то случайности лавина оттесняется на противоположную сторону ущелья, оставляя нас в покое. Проходит еще несколько секунд, жуткое шуршание прекращается, и вершина Арганд снова сияет над нами.

Вокруг нас все бело от снежной пыли. Вероятно, и я белый, но белый от страха. И было бы хвастовством не признать, что колени мои дрожат.

Ледовый обвал! Визи и Симон будут довольны. Наверно, они думают: «Теперь он уже не будет возражать против нашего гребня».

НА ЛЕДОВОЙ СТЕНЕ

Ахмад Сайд не хочет идти дальше. Да в этом даже нет необходимости. Визи и Ханспетер возвращаются сверху. Подъем на гребень через стометровую стену чистого льда слишком труден. Нам предстоит попытаться выйти немного ниже и волея-неволей перелезть скальные башни на гребне. Еще во время подъема мы видели менее крутые ледовые склоны, к которым теперь спустимся. Ахмад Сайд еще не понял, что мы идем обратно в ущелье. Быстро решившись, он бросает свой рюкзак в снег и убегает под гору. Я окликаю его и даю ему понять, куда нужно отнести рюкзак. Наконец, кажется, он все понимает и ждет меня. Тяжело таскать одновременно два рюкзака. Задышавшись, бросаю его рюкзак ему под ноги.

Пять минут спустя стоим у начала подъема. Ледовая стена умеренной крутизны выводит вверх на гребень. Трещины, сбросы, а также громадный карниз придают ей суровый вид. Во всяком случае дальше наши носильщики не пойдут, потому что им никогда не подняться по этой стене.

Складываем все грузы и с ужасом видим, что нам придется перетаскивать еще очень много. Сегодня рассчитываемся с носильщиками прямо на леднике, и, получив сто афгани за особо тяжелый подъем, даже Ахмад Сайд забывает пережитый страх ледовой лавины. Преисполненный радости, он прощается чистосердечным «ташакор» (спасибо) с нами, и все носильщики спускаются. Мы можем спокойно отпустить их одних, ибо ледник здесь безопасен. К тому же Змарай и Виктор тоже возвращаются в базовый лагерь.

Оставшись вчетвером у подножия ледовой стены, мы опять сортируем снаряжение и продовольствие. Еще сегодня во второй половине дня мы намерены оборудовать лагерь I, а для этой цели надо поднять по ледовой стене минимум одну палатку и самое необходимое оборудование.

Визи и Ханспетер сразу уходят для обработки пути по ледовой стене, пока я с Симоном подготавливаю два рюкзака с необходимым имуществом.

С двумя громадными рюкзаками взбираемся на ледовую стену. Она крута, а лед тверд, как стекло. Оставляем лыжные палки у бергшрунда и беремся за ледорубы. Почти вертикально вверх ведут ступеньки, вырубленные Визи. Тяжелый рюкзак тянет назад. Окаменевшими пальцами держимся за холодный, с острыми краями лед. После одной длины веревки подъем идет уже проще. Вместо гладкой крутой стены появляются ступенчатые

«льды кающиеся». Истинное избавление для нас, грузчиков. В то время как на ровном леднике «льды кающиеся» — мучение, здесь мы их приветствуем. Нам здорово пришлось попыхтеть с нашим балластом, но теперь тяжелое лазание уже позади. Над краем гребня появляется Ханспетер. Он кричит нам, чтобы мы не шли по следам, которые они проложили, а поднялись по прямой линии. Мы идем по его совету сначала по крутым «льдам кающимся», а затем по склону, проваливаясь по колено в пушистом снегу. Белая бездонная масса страшно утомляет. Мешки тяжело давят нас, и мы с трудом тащимся вперед. Мы по-настоящему счастливы, обнаружив на верхнем, более крутом склоне хороший, плотный фирн.

На самом верху лазание становится особенно увлекательным. Венчающий гребень карниз обойти невозможно, да к тому же он состоит не из снега, а из голубого льда. Это для нас новинка! Солнечные лучи и сухой воздух превратили снежный карниз в твердый чистый лед. Все ближе подходим к необычному карнизу. Высота его около пяти метров, и он немного нависает. Как-то не по себе после сегодняшнего опыта с нависающими ледовыми башнями.

Протаянный солнцем круглый туннель указывает путь и выводит нас на гребень. Для наших сверхобъемных рюкзаков приходится расширять проход ледорубом. Мощно бьет айсбайлем Визи, куски льда так и летят. Вход в туннель довольно опасный. Надо идти осторожно, чтобы не удариться головой о ледовый карниз, в то время как ноги неуверенно ступают по весьма сомнительному снежному мосту, позволяющему нет-нет да и бросить взгляд в зияющую пропасть. Она производит на меня значительно большее впечатление, нежели свисающие сверху глыбы. Поэтому я иду очень медленно и осторожно, чтобы не упасть в темную пропасть. Дело в том, что мы давно ходим без веревки. Сразу после первой крутой стены мы развязались. Старая песня: веревка мешает при переноске тяжелых грузов.

С опаской переставляю ноги, проверяя слева и справа снежный мост, и в конце концов вхожу в тоннель. Тут уже в последний момент случайно ударяюсь головой о висящий сверху кусок льда. Ну и острые края у этого проклятого льда! Сразу появляется на лбу кровавый шрам.

Рюкзаки за спиной мешают проходить туннель. Приходится сначала буксировать рюкзак. Ханспетер вытаскивает его сверху. Затем я сам исчезаю в пропасти и наконец тоже стою на гребне. Теперь очередь Симона; сначала он просовывает рюкзак, я тяну за ламки и помогаю ему вылезти из дыры.

Гребень широкий и ровный. Как по заказу для альпинистов,

ищущих подходящее место для палатки. Сначала присаживаемся на сухую, пригретую солнцем скалу отдышаться. Ледовая стена заставила нас довольно хорошо ползать. Она, правда, делает наш семитысячник более интересным, но совсем не идеальна для транспортировки грузов.

5400 метров — благоприятная высота для первого лагеря. По другой стороне к разорванному леднику спускается ступенчатый скальный и осыпной склон. Склон кажется несколько проще нашей ледовой стены, но прохождение по ниже расположенному леднику крайне опасно. Лежащие там в большом количестве ледовые глыбы — свидетели смертоносных лавин.

Нехотя покидаем теплые скалы и, зевая, пускаемся на поиски наиболее удобного места для палатки.

Лагерь должен быть расположен на солнце, на осыпи и скальных плитах, только не на снегу или льду! Кроме того, хочется, чтобы поблизости была проточная вода или по крайней мере какая-нибудь лужа. Вот скромные требования, которые можно предъявить здесь к «месту кемпинга». Надо принять во внимание, что мы приехали сюда за 9000 км специально, чтобы именно здесь, наверху, провести солнечные дни каникул. Кто имеет выбор, имеет и муки. На самом верху гребня на скальной башне находим наконец поистине чудесное место, отвечающее всем нашим требованиям. Прекрасная панорама во все стороны и впечатляющий вид вниз. Мы даже не смели мечтать об этом.

Чтобы оборудовать здесь лагерь, нам пришлось бы еще раз спуститься к подножию ледовой стены и затем снова подняться. Возможно, не один раз. Вместо того чтобы здесь ночевать, будет более правильным вернуться в базовый лагерь и еще раз как следует поесть. А завтра мы без труда за пару часов поднимемся до склада под ледовой стеной, причем прибудем туда гораздо в лучшем состоянии, чем если проведем время впроголодь. К этой блестящей идее Визи мы все с превеликим удовольствием присоединяемся. При мысли о кулинарном искусстве Виктора у меня уже сейчас накапливается во рту слюна. Осторожно протискиваемся обратно сквозь ледовый туннель. Мы облегчаем прохождение лаза тем, что прикрепляем веревочные перила, за которые можем держаться. При подъеме с увесистыми рюкзаками они окажут нам тоже хорошую услугу. Спуск по ледовой стене немного щекочет нервы. Старательно ставим кошки, чтобы ни в коем случае не споткнуться. У берг-шрунда оставляем ледорубы и айсбайли и снова доверяемся лыжным палкам как более удобному вспомогательному средству на пологом рельефе. С последними лучами солнца приходим в базовый лагерь, к удивлению наших товарищей, полагающих, конечно, что мы

останемся в лагере I.

ЛАГЕРЬ I НА ВЫСОТЕ 5400 МЕТРОВ

Наша обувь выглядит неважно. От множества подъемов и спусков по гиндукушским острым льдам ей крепко досталось. Глубокие порезы проходят вдоль и поперек кожи верха, а мыски ботинок Визи, — шедшего всегда в основном первым, — как рашпилем, протерты до тонкой пленочки. Конечно, мы, как все альпинисты, бессердечно пренебрегаем уходом за обувью. Поэтому, пока мои друзья занимаются кухней, я чищу, мажу и втираю крем до тех пор, пока все шесть пар не заблестели в свете осенней луны.

Рано утром прощаемся с нашими товарищами, Виктором и Змараем, открывшими уже шахматный турнир, и быстро шагаем вверх по леднику. Все необходимое лежит уже наверху у подножия ледовой стены, так что маршируем без груза, в связи с чем быстро идем вперед. Так как сегодня не так душно, и к тому же мы рано вышли, ледник кажется менее раскисшим. Это еще одно преимущество для нашего маршевого темпа.

У лагеря навьючиваем на себя громадные рюкзаки. Лучше с такими чудовищами тащиться один раз по ледовой стене, чем со средними мешками дважды. Мы следим за тем, чтобы не потерять равновесия на кошках.

В ледовом туннеле со своим грузом застревает Визи. Он не может двинуться ни вперед ни назад, его рюкзак безнадежно застрял. Нам стоило немало труда освободить от лямок Визи и помочь ему подняться на гребень.

На нашей скальной башне сразу беремся за работу, сооружаем настоящую крепость, чтобы поселиться с большим удобством. Симон и Визи выравнивают лед. Ханспетер в поисках воды раскапывает снег и неожиданно действительно находит ее. На пяти с половиной тысячах метров это не само собой разумеется. На такой высоте нормальным явлением было бы топить снег в кастрюле. Я сооружаю кухню в скальной нише. Эта работа дается мне легко, потому что кругом лежат ровные сланцевые плиты и их можно без труда отделять от скальной стены.

Час спустя мы прекрасно обосновались на нашей башне и чувствуем себя в безопасности. Наша палатка стоит ровно, а на льду выложены такие дороги из плит, какие не всегда есть в городских парках. Этот лагерь I на семитысячнике Аргапд — самый красивый высотный лагерь, встречавшийся мне когда-либо в экспедициях. Хотя расположен он на открытой башне гребня, тем не менее защищен от ветра и непогоды.

Наша палатка — драгоценность Ханспетера, он брал ее с собой в экспедицию на Шпицберген. Он любовно разглаживает складки, крышу и дно, нежно поглаживая стойки, и всегда готов при этом что-либо рассказать о северном острове. Сейчас он тщательно открывает все застежки и окна, чтобы впустить как можно больше воздуха в дорогое ему помещение.

ЧЕТВЕРО В ДВУХМЕСТНОЙ ПАЛАТКЕ — ПРИЯТНАЯ НОЧЕНЬКА!

Мы провели здесь, наверху, спокойную и приятную ночь. После короткого завтрака, хорошо отдохнувшие, можем отправляться в путь.

Мы хотим попытаться достичь вершины семитысячника, установив только один промежуточный лагерь. Это значит, что нам сегодня, тяжело нагруженным палаткой и другим снаряжением, нужно преодолеть минимум тысячу метров высоты.

С кошками на ногах покидаем наш уютный лагерь I и спускаемся с башни в зазубрину. Пока мы еще не знаем, что за башни на гребне перед нами. Можно ли их пройти без связки, ожидают ли нас большие трудности? Гребень на протяжении 300 метров идет в виде крутого ледового взлета, затем переходит в западный склон Арганда.

Ко второй башне подходим по покрытому жестким льдом гребню. По другой стороне башни идет спуск по скалам средней трудности к третьей башне. По обеим сторонам узкого гребня головокружительные обрывы. Нам не приходится жаловаться на отсутствие отвесных участков рельефа для лазания и впечатляющих видов ледниковых трещин. Скалы уже не такие простые. Приходится снимать кошки, чтобы более уверенно лезть по острому гребню. Для безопасности спуска по другой стороне навешиваем тонкую нейлоновую веревку, оставляя ее тут для обратного пути. Теперь мы находимся на широком фирновом поле, как раз над ледовой стеной, куда позавчера Визи и Ханспетер пытались подняться.

Следует целый ряд небольших выступов и зазубрин на гребне. Бесконечные подъемы и спуски очень утомляют. Спустя два часа после выхода гребень остается позади и мы уже стоим у начала крутого ледового склона. Счастье, что нам относительно быстро удалось преодолеть все башни гребня.

Острые зубья кошек вгрызаются в твердый, как стекло, лед. Отчетливо замечаем, что наступил осенний месяц: мягкий фирн встречается только на отдельных крутых участках. Кругом блестит хрупкий, твердый лед, переливающийся на солнце зеленым и синим цветом. Тяжелые рюкзаки мешают подъему. Равномерной поступью лезем вверх, монотонно вырубая ступеньку за ступенькой и ставя ногу перед ногой. Мы похожи на празднично-гуляющих, двигаемся неорганизованно, без веревки. Передвигаясь по рельефу такой трудности, где каждый из нас

чувствует уверенность, мы отказываемся от страховки веревкой.

Ледниковых трещин вокруг не видно. Веревка только бы мешала и замедляла подъем. Часами поднимаемся по крутому льду. Намеренно идем медленно — хотим сберечь силы для завтрашнего дня.

В середине дня самый крутой участок ледового гребня преодолен, и мы можем отдохнуть на более пологих фирновых склонах. Чистый гладкий лед остался позади. Теперь приходится прокладывать след по сухому пушистому снегу и быть внимательным в отношении отдельных трещин. Снова чувствуем последствие разреженного воздуха. Вяло двигаемся вперед, чаще и дольше отдыхаем. Каждые пять шагов останавливаемся отдышаться. После каждой четверти часа подъема следует пять минут отдыха. Садимся на рюкзаки и отдыхаем от напряженной ходьбы.

Постепенно фирновый склон снова становится более крутым и переходит в слабовыраженный скальный гребень. Поело многочасового подъема по льду и фирну скалолазание вносит приятное разнообразие. Правда, мешает штормовой ветер, свирепствующий здесь, наверху, и задувающий снег за воротник, в рукава, между стекол защитных очков и в складки пуховых костюмов. А подтягивания при лазании по скалам совсем сбивают дыхание.

Поздно, во второй половине дня, достигаем начала громадного ледового склона, выводящего к вершине. Здесь скальный гребень образует предвершину, где мы оборудовали, правда, не совсем ровное, но все же подходящее место для бивуака.

Достигнутую высоту приходится определить приблизительно. Высотные отметки имеет только наша вершина и стоящий напротив Шах, кроме того, мы знаем высоту лагеря I. Устанавливаем, что находимся примерно на высоте 6400 м.

Ледорубами очищаем наклонную площадку ото льда и сбрасываем более крупные камни со стены. Это всегда заманчивая сцена вандализма, если есть возможность посмотреть вслед грохочущим вниз скальным глыбам. Пытаемся как можно лучше установить нашу маленькую бивуачную палатку на площадке, которую никак нельзя назвать ровной. Места очень мало, и нам приходится пускать в ход ледорубы, и снова вниз на ледник с грохотом летят куски льда и скальные глыбы. Хорошо закрепляем палатку веревками за ледовые крючья и скальные выступы, чтобы свирепствующий ветер не сдул ее вниз.

Варим суп, кипятим чай. К этому каждый получает два тонких кружочка мяса и сушеный банан. Это, правда, немного, но

достаточно. Перегружать желудок на такой высоте не рекомендуется. Зато чая пьем вдоволь, ведь теперь с питьевой водой будет трудно. Каждую каплю с трудом приходится вытаивать из льда. Симон держит кухню в руках и заставляет меня поискать подходящие куски льда. Он очень требователен. Куски льда не должны быть большими, но и от маленьких кусочков он тоже отказывается. Это всегда так, если академик господствует на кухне. Симон варит чай, а это здесь очень ценно. Жадно втягиваем в себя освежающую влагу.

Единственной каплей горечи является катастрофически быстрое уменьшение запасов горючего. Мы израсходовали почти весь запас сухого спирта и газа. Если завтра не достигнем вершины, мы останемся без воды и нам придется глотать эти липкие сушеные бананы, носящие на альпинистском жаргоне неаппетитное название «трупные пальцы».

Заход солнца дарит нам радостную неожиданность. Оно не только красит пестрыми цветами вечернее небо, но позволяет Визи и Ханспетеру ловить фотоаппаратами бесчисленное количество сентиментальных снимков с настроением. Штормовой ветер утихает. И мы переживаем редкий момент после захода солнца, снаружи становится теплее. Внизу, в долине, уже давно повисли черные тени, а мы здесь, наверху, на воздушной вышке, еще наблюдаем за угасанием дня и наслаждаемся чудесным вечером. Громадный ледовый сброс напротив окрашивается сначала красным, затем желтым и оранжевым цветами, а после захода солнца становится снова белым с тусклым синеватым оттенком.

Вокруг нас уже темно, но далеко на западе все еще светится золотой горизонт, на фоне которого выделяются вершины Гиндукуша.

Так долго, как только можем, остаемся на воздухе. Никого из нас не тянет в палатку. Лучше еще немного, дрожа и съезжившись, посидеть здесь. Таким образом мы хотим перед сном попользоваться свободой движения, с которой придется расстаться внутри палатки. С Шаха мы уже знаем, как тесны наши бивуачные палатки. Если один из двух обитателей поворачивается во сне, его сосед по палатке рискует получить не совсем нежный толчок в ребро или такое же грубое фронтальное столкновение с не менее твердой альпинистской башкой. Это вдвоем, а что будет этой ночью! Не вдвоем, а вчетвером, заклиненные между собой, мы будем лежать, полные нетерпеливого ожидания утра...

Наконец стало холодно, и один за другим залезаем в спальные мешки. Первыми это делают Ханспетер и Визи, и...

палатка практически уже заполнена. Но Симон тоже должен втиснуться туда же и, наконец, еще я. С величайшей осторожностью вползаю я в спальный мешок и втискиваю свое поставленное на ребро тело между двумя пуховыми клубками. Стонами слева и справа меня торжественно приветствуют. Немного больше места выигрываем тем, что оставляем одну руку наружу. Страшно мерзнут пальцы и, в конечном итоге, приходится искать рукавицы. Мне это удастся относительно легко, ибо я пользуюсь ими вместе с ботинками в качестве подушки, поэтому они попадают мне сразу под руки.

Пытаемся заснуть, лежа, как сардины в банке, но это никому не удастся. В этом, мало приятном ночном покое виноваты мы сами — просто лень было тащить вторую палатку. Но что из этого? По крайней мере можно лежать сухими, в относительном тепле и даже при желании вытянуть конечности. В высокогорье иногда приходится проводить ночь в еще менее подходящих условиях.

Визи пыхтит и вздыхает. Все ему не нравится, он крутится, насколько вообще это удастся, нервничает. Наконец он не выдерживает. Вся палатка дрожит от его резких движений.

— Снаружи совсем светло. Взошла луна!

— Ну и что?

— Здесь с вами в палатке я скоро умру. Никто не идет со мной? Мы можем взять вершину и при лунном свете!

Молчание. Через некоторое время Визи продолжает: — Да, это было бы дело. Тогда двое могли бы здесь по настоящему выпастся. А когда мы рано утром вернемся с вершины, наверстаем упущенный сон.

Снова молчание.

— Я тем не менее сейчас встаю! Теперь девять часов вечера. Никто не идет со мной?

Симон откашливается не совсем еще понимая, чего от него хотят. Ханспетер и я упорно молчим в надежде, что эти двое освободят нам место. Спать посменно — конечно самая лучшая идея! Надо надеяться, что все же кто-то один будет сопровождать Визи, чтобы его хорошо продуманный план осуществился.

Визи уже надел ботинки. Из нас троих никто не шевелится. Только Симон время от времени поднимает смущенно голову. Визи всегда был хорошим товарищем. Вообще не следовало бы бросать его теперь на произвол судьбы. И все же сейчас вставать? С трудом натягивать ботинки? Визи семенит вокруг палатки, кашляет пару раз и бормочет что-то невнятное в свою густую бороду. Затем он снова останавливается перед палаткой. Хапспетер и я ухмыляемся. Вот сейчас он скажет, что он о нас

думает, что мы шляпы и ленивые псы... Но он снова снимает ботинки.

— Чертовский холод. Пожалуй, при ночном восхождении, можно замерзнуть. Мой нос уже сейчас превратился в сосульку.

С глубоким вздохом Визи втискивается обратно на свое место. И снова сон невозможен.

К утру и в самой палатке стало безжалостно холодно. Особенно ворчат лежащие по краям Ханспетер и Визи. Но на перемену местами, предложенную Симоном и мною, они не могут отважиться. Зато мы двое неестественно зажаты и почти не можем двигаться. Вдруг у Симона возникает блестящая идея, как можно выиграть место. Мне надо поднять голову, как можно выше, к входу палатки. Он, съезживаясь у моих ног, кладет мне голову на живот. На короткий отрезок времени нам это положение кажется удобным, то есть до того момента, пока Симона не схватили судороги и он начал задыхаться от недостатка воздуха. Наконец шесть утра и Визи выходит на жгучий холод, что, по-видимому, доставляет ему больше удовольствия, нежели лежание в тесноте. При трескучем морозе он занимается варкой пищи.

Полагаем, что температура упала примерно на тридцать градусов ниже нуля. Теплопотеря кухонь стала так велика, что мы только два часа спустя — в восемь часов — получили чуть-чуть тепленькую жидкость в кастрюле. Устанавливаем газовую кухню перед палаткой, чтобы варить не сходя с «кровати». Порученная мне должность чрезвычайно важна: я «держатель» газовой кухни с кастрюлей. Откровенно говоря, это не особенно приятное занятие. Но я нахожу выход в том, что заклиниваю всю кухню между двух камней и все сооружение как-то держится. Поскольку можно не заботиться об этом, я могу еще на немного прилечь, пока Ханспетер размешивает порошковое молоко и какао. Вдруг что-то теплое течет мне по шее... Все мое мудрое изобретение упало в палатку и какао разлилось до последней капли. Молниеносно вскакиваем и покидаем мокрую палатку. Вот несчастье! Битых два часа Визи пришлось, с большим трудом, растапливать лед, а теперь желанная влага вместо наших сухих гортаней увлажняет пенопластовые матрасы, мою пуховую куртку и шапку. Мне особенно достается при этом, но я это честно заслужил, допустив на своем посту такую оплошность. Мои друзья ничего не говорят, они даже стараются лицемерно улыбаться... А Визи одалживает мне свою сухую запасную шапку. Без слов «активируем» этот случай, и «распорядок дня продолжается».

Упущенный завтрак, мокрая палатка! Последнюю предоставляем солнцу, озарившему нас в это время своими

теплыми лучами. Все же надо как-то позавтракать. Теперь солнце может помочь нам. Симон сидит в палатке на корточках и держит кухню на коленях, а я обеспечиваю, как вчера, подвоз сырья. Солнце жжет крышу палатки и помогает нам. В девять часов, после вкусного горячего кофе можно отправляться на покорение вершины.

«ЗОЛОТО» В СКАЛАХ И ТРЕЩИНАХ НА ЛЕДНИКЕ

Первые шаги всегда самые трудные. Только силой воли гоним себя вперед. В такие моменты у альпиниста как бы две души. Разыгрывается внутреннее единоборство: одна душа стремится к вершине, хочет что-то свершить, другая, безвольная тянет назад.

Вершинный склон лежит открыто перед нами. По нашим расчетам для подъема потребуются пять — шесть часов. Последние пятьдесят метров, видимо, самые сложные. Ледовая стена поднимается круто к вершине. Если ее нельзя преодолеть, можно идти в обход направо, на западный гребень. Однако в ближайшие часы мы остаемся в плену склона умеренной крутизны. — Он сделан для катания на лыжах, — как определяет Ханспетер. Крутой ледовый склон нам бы больше подошел. По нему можно не только быстрее набирать высоту, но и самое лазанье было бы разнообразнее, нежели это однообразное утаптывание снега. И меньше думалось бы о кислородном голодании. Несколько сильно заснеженных ледниковых трещин видны издали. Надеемся, что там хорошие снежные мосты. Как можно дольше хотим идти без веревки. Здесь наверху пользование веревкой весьма обременительно.

Снова начинается вчерашняя игра. Шаг за шагом тянемся вверх. Не торопясь, шагаем по фирну. Но вот поверхность становится мягкой, и мы начинаем проваливаться выше щиколотки в снег. Продвижение вперед становится все труднее. К счастью, сегодня рюкзаки уже не такие тяжелые. Пустые мешки грустными складками висят безрадостно за спиной. Они словно чувствуют, что от них сегодня мало толку. Мы на это не сердимся.

Каждые пять метров останавливаемся отдышаться. Только неутомимый Визи шагает без остановки. У него сегодня большой день. Вершина семитысячника притягивает его, как магнит. Он просто забывает об усталости, разреженном воздухе, а о пересохшей гортани и подавно. Только вперед, вверх к вершине. Он уже далеко впереди, и его, стремящегося, как одержимый демон, к высоте, можно распознать только как маленькую точку на белом фойе.

Мы идем спокойно, чтобы не сбивать дыхания и более бодрыми выйти на вершину. Держимся слегка наискось в направлении северного гребня, где выступающая из снега скальная гряда обещает приятный отдых. Камни немного уже прогреты солнцем, так что мы с удовольствием задерживаемся на

несколько минут и дольше обычного сосем глюкозу.

— Посмотрите на эту странную скалу! — говорю я Симону и Ханспетеру. — Видите на ней крохотные желтые пластиночки. Действительно! Как золото блестят они на солнце, эти маленькие четырехгранные предметы.

— Это безусловно металлические пластинки, — подтверждает Ханспетер.

Айсбайлем отбиваю несколько кусков, чтобы получше рассмотреть вблизи.

— Ей-богу, это может быть только золото!

И тут меня осенила мысль: — Конечно, это золото. Ведь в реке Кокча есть золотая пыль. Поэтому ничего удивительного нет, что оно встретилося нам здесь наверху.

Такое невиданное счастье. Шатаются тут, ничего не подозревая, на семитысячнике и открывают высочайшие в мире золотые прииски...

Мы отбиваем несколько кусков от скалы и прячем их себе как образец в карман, чтобы передать специалисту на заключение. Мысленно представляем себе, как золотая лихорадка захватывает власть в Вахане. Нескончаемые колонны яков и караваны верблюдов бредут с корзинами и мешками на качающихся спинах. И как торжественно рассказывает караванбаши собравшимся в чайхане историю о безбожниках из далекой Западной Европы, поднявшихся в поисках золота на эту высокую гору...

Чем выше поднимаемся, тем грандиознее становится панорама. Уже сверху смотрим на пирамиду нашего шеститысячника, на вершину Шах с его 6550 метрами. Как труден такой поход на одну из высочайших вершин мира! Мое внутреннее единоборство приближается к решающей стадии. Инертная плоть, кажется, одерживает верх. Я держусь только последним усилием воли. У моих товарищей дела тоже ненамного лучше. Вытянутые лица, удлинняющийся отдых и вечный вопрос к себе самому, зачем вообще нужно принимать на себя эти бессмысленные мучения. За что? Я не нахожу разумного ответа. Тупо смотрю на ботинки впереди идущего Симона. Как автомат, я должен следовать за ними, даже тогда, когда сердце, легкие и ноги отказываются служить. Машинально тащусь за пятками Симона. Но сдаваться мы не хотим, а будем вести борьбу до конца. Борьбу, направленную не против горы, а против собственного я. Против собственной лени, привычки к удобству, против внутреннего свинопаса, — как образно говорят баварцы.

Теперь мы стоим перед широкой ледниковой трещиной, загораживающей дорогу. Но кажется, она закрыта плотным

снегом и след Визи идет прямо через нее. Вообще-то, нужно было бы связаться, ведь снежные мосты — коварные создания. Ничего не значит, что Визи прошел благополучно. Многие проваливались, идя по следу предшественника — и исчезали.

— Мост держит отлично, — восклицает Симон, не желая признавать веревку. Он пускается по следу Визи. Ханспетер и я выжидаем, чтобы не перегружать снежного моста. И вдруг, находясь на самой середине сомнительного сооружения, проваливается нога Симона, другую снег выдерживает. На весу, между темной бездной и жизнью Симону все же стало немного не по себе. Вопросительно смотрит он на нас и ждет брошенного конца веревки. С надежной страховкой благополучно проходит он остаток трещины.

Я иду немного левее его следа через этот жуткий разрыв по опасному снежному мосту. Мост действительно никудышный! Счастье, что наш одиночка Визи, ничего не подозревая, прошел через него! Одной ногой я уже провалился, ведь мост состоит только из пушистого неуплотненного снега. С любопытством смотрю я в узкую щель, оставленную моей провалившейся ногой и меня охватывает ужас! Взгляд уходит в бездонную глубину.

— Страхуй хорошо, — предупреждаю я Симона, затем ложусь на живот, чтобы распределить свой вес как можно на большую площадь. Даже, при самой лучшей страховке, я крайне не заинтересован, провалиться в трещину. В случае падения Симон безусловно удержит меня на веревке. Но никогда он, даже вместе с Ханспетером, не будет в состоянии вытащить меня. Перспектива висеть на веревке, как кусок сала, и, при этом, погибать сразу по двум причинам: — задохнуться и замерзнуть — мало меня прельщает. Даже на уровне высоты Альп, двадцать минут вполне достаточно, чтобы быть задушенным веревкой, а то, что уже в Альпах считается сомнительным, получает в этих горах еще более серьезный оттенок! На четвереньках ползу через трещину. Нагрузка на площадь таким образом значительно уменьшается. Я не математик и не могу подсчитать разницу. Но когда-то мне рассказывали, что альпинист весом 70 кг, идущий пешком через ледник, дает нагрузку на площадь шага большую, чем самолет в 1600 кг, совершающий посадку на ледник на коротких широких специальных лыжах. Поэтому переползание трещины является лучшим страхованием жизни на ледниках, хотя меня это заставляет здорово задыхаться. Зато я целым прихожу на противоположный край. Сначала лежу, чтобы успокоить дыхание. Дело в том, что ползти на четвереньках на такой высоте — страшное мучение.

Я уговариваю Ханспетера отвязаться от веревки и большой

дугой обойти опасную трещину. Если обход даже чуть-чуть длиннее, это все равно стоит! Поджидая Ханспетера, Симон и я используем это время, чтобы развязаться и уложить веревку в рюкзак.

Счастливно окончившееся приключение у трещины стоило нам много времени, нервов и сил. Наши ноги кажутся нам еще более тяжелыми и похожими на свинцовые комья, которые с огромным трудом надо волочить вперед. Медленно, но верно все же приближаемся к вершине! С каждым, хотя бы и коротким, шагом поднимаемся немного выше!

Шах уже глубоко под нами, а мы, наверное, находимся в районе семи тысяч метров. Чертовски жаль, что не имеем высотомера! Было бы приятно время от времени убедиться на основе измерительного— прибора во внушительности высоты, на которой находимся! Хорошо, что погода стоит прекрасная и у нас нет особенных причин горевать об отсутствующем высотомере.

Вдруг наверху появляется Визи! Этот отчаянный парень конечно уже был на вершине и теперь, улыбаясь, спускается к нам. Это человек для восьмидесячника. Он тот, о которых пишут в книгах. Эти ничтожные семь тысяч метров он, вообще, не чувствует и передвигается здесь, как у себя дома, на берегу озера Цугера. Слава тебе, Швейцария, вырастившая таких сыновей!

— Как было на вершине, Визи?

— Чертовски красиво!

То, что мы не все одновременно были на вершине, невелика беда. Но Визи подавно не нужно извиняться за это. Добрых два часа он ждал нас наверху и без всяких размышлений мог предположить, что мы уже давно отказались от восхождения. И к тому же он практичный человек. Если он тут же спустится в присущем ему быстром темпе, он еще сегодня достигнет лагеря I — расстояние, на которое нам потребовалось два дня. А мы благодаря этому получим больше места для сна, чем прошедшей ночью.

— Но клянись быть осторожным у ледниковой трещины, через которую ты так наивно топал наверх!

— Ледниковую трещину? — Да, в этом районе нет ни одной.

— Ну тебя к черту. Я тебе скажу, что мы висели на волоске.

Визи недоверчиво слушает нас и обещает при спуске обходить трещину по большой дуге.

— Коварный ледовый гребень и мудреные скальные башни... Ради бога, будь осторожен! Лучше потерпеть еще ночь вчетвером.

— Сегодня в семь часов вечера пушу из лагеря I в небо ракету. Это знак, что я благополучно прибыл вниз. И еще вот что вам нужно знать — снимать ли лагерь, или Виктор и Змарай будут подниматься сюда. Если пушу две ракеты, это значит, что они находятся в лагере I и планируют второе восхождение. Желаю вам счастья! До встречи!

Быстрым шагом Визи уходит, а мы поднимаемся с нашими рюкзаками, чтобы взять последний крутой отрезок к вершине. Склон состоит из хорошо уплотненного фирна. Куда мы ни ставим ноги, кошки держат даже там, где склон поднимается почти вертикально. Это приятное лазанье после многочасового изнурительного топтания снега! Симон все еще возглавляет нашу группу, иду вплотную за ним и истинно рад видеть его впереди задающим темп. Если бы я был ведущим, мы, по всей вероятности, после длительного отдыха не пошли бы дальше и отложили на завтра восхождение на Арганд.

Чудесный фирновый склон слишком короткий. Только начали подъем, как Симон вдруг останавливается. Мы догадываемся, что это значит. И действительно — полметра выше него находится высшая точка нашей горы, вершина 7038 метров, или 7037,53 для тех, которые претендуют на точность. Венец всей работы нашей экспедиции, наш давно желанный семитысячник!

Вместе вступаем на самый верх гордой вершины, состоящей из скал, и наша радость безгранична: нам все-таки удалось покорить ее. Для неполных семисот метров подъема из лагеря II нам потребовалось пять часов. Особенно радуемся за Ханспетера, что ему, несмотря на серьезное ранение, удалось подняться на вершину, и к тому же на самую красивую и высочайшую.

На вершине дует легкий ветерок. Мы спускаемся несколько метров на юг и на удобной, защищенной от ветра скальной полке останавливаемся на основательный отдых. Если мы уже находимся на семитысячнике, то хотим полностью вкушать удовольствие. Теперь еще даже нет половины третьего, и мы можем себе позволить значительный перерыв на отдых.

Мы находимся непосредственно на афгано-пакистанской границе. Гигантский ледник спускается в пакистанскую провинцию Читрал, а на юго-востоке — в направлении Гималаев — возвышаются одна за другой цепи высоких гор. Большинство из них, видимо, безымянные и еще не покоренные. Море скал и льда. Еще дальше на восток, за гигантскими облаками муссона, угадываем восьмитысячник Нанга-Парбат. А совсем рядом с нами возвышается покоренный польскими альпинистами Кохи-Тези, 7015 м. На запад и север открыт широчайший обзор от Памира через Ваханский хребет и горы северного Бадахшана к семитысячникам западного Вахана и Читрала. Панорама, почти не имеющая равных по глубине и грандиозности!

Горы Центральной Азии подобны спокойному полюсу среди путаницы признанных и спорных государственных границ. Искусственные, довольно часто меняющиеся преграды не больше, чем произвольно проведенные на бумаге линии. Даже если они проходят на сотни километров через горы и долины пустыни и реки.

Как знак нашего первовосхождения Визи оставил на вершине деревянный клин. Мы сооружаем над высшей точкой солидный каменный тур и закрепляем деревянный клин между двумя тяжелыми камнями. К клину прикрепляем наш красный выпел с белым крестом и надписью «Первая Швейцарская Гиндукушская экспедиция, 1963 года». Если Визи даже был раньше нас на вершине, то все же он отстал от жизни на целый месяц. Ведь сегодня 4 сентября 1963 года, а Визи уверенно писал на

деревянном клине «4 августа».хлопоты по исправлению даты предоставляем нашим последователям...

Неохотно покидаем вершину. Еще раз усаживаемся на верхней скальной полке, фотографируем и говорим горам Центральной Азии прощай. По всей вероятности, это прощание навсегда.

При спуске хорошо проходим крутой фирновый склон под вершиной. Зубья наших кошек превосходно держат, и, кроме того, не сбивается дыхание, как при подъеме. Далеко под нами видим маленькую темно-синюю палатку. Визи уже не видно. Он сейчас, наверное, спешит вниз по зубчатому ледовому гребню, чтобы дойти до первого лагеря при дневном свете. Если Виктор за это время поднялся туда, Визи может сегодня утолить голод из наполненных мясом кастрюль. Спешка на горе имеет и свои преимущества!

Мы бредем вниз по снежному склону и сожалеем, что у нас нет с собой лыж. Да, это был бы спуск! Еще издалика начинаем обход зловердной ледниковой трещины. Мы ее не забыли. Черная бездна надолго останется у нас в памяти.

Ханспетеру не везет с его кошками. Они свободно болтаются у него на ногах. Вместо того чтобы подтянуть крепления, он их совсем снимает и привязывает к рюкзаку. Но уже через несколько метров он спотыкается и падает. Затем садится, и создается впечатление, что лучший пациент нашего Симона после ангины и ожогов сломал себе еще и ногу. К счастью, после нескольких тяжелых вздохов Ханспетер, хромая, продолжает спуск по снегу.

Спустя полтора часа после нашего выхода с вершины — мы уже в палатке. Солнце выполнило свою работу и высушило всю влагу внутри нашего приюта.

В последних лучах солнца сжигаем остаток таблеток мета и кипятим себе чай. Затем забираемся в палатку и предвкушаем радость сна. Ведь теперь не так тесно.

Я чуть не забыл о ракетных сигналах Визи. Быстро натягиваю ботинки, хватаю ледоруб и бегу на гребень. Без кошек, да еще в незашнурованных ботинках нужно хорошо следить, чтобы не поскользнуться. Когда вышел на гребень, до семи часов оставалось несколько минут. Карманным фонарем даю сигнал в направлении лагеря I. Там, внизу, уже совсем темно, в то время как здесь, над снежными полями, еще лежат бледные сумерки. Напряженно смотрю вниз, чтобы ни в коем случае не прозевать ракету. Что делать, если она не поднимется? Об этом я не хочу думать. Сегодня ночью мы уже в любом случае ничего не можем предпринять. Только на следующее утро мы можем отправиться на поиски Визи. Пока я размышляю над тем, что с ним могло

случиться, внизу засверкала ракета. И затем сразу еще одна. Я отвечаю карманным фонарем.

«Визи благополучно прибыл вниз. Он сейчас ест гуляш с винным соусом», — кричу я тем, кто лежит в палатке. Палатку нам завтра не нужно нести вниз. Виктор тоже поднимется. Я отчетливо видел вторую ракету. Хорошо, теперь и наш семитысячник будет на пленке.

— Главное, что нам ничего не нужно тащить вниз! — слышится из палатки.

Мы проводим приятную ночь. Удовлетворение от успешного восхождения действует успокоительно. Если теперь и Виктор еще поднимается на вершину, возможно, и Змарай с его помощью, это будет самым большим успехом экспедиции. Только бы не стать легкомысленным в последние дни работы экспедиции! Перед нами еще лежит спуск — ледовый гребень, скальные башни, ледовая стена, ледник, и только после всего этого следует безопасное убежище базового лагеря.

В девять часов начинаем спуск с легкими рюкзаками. Все, что может быть полезным нашим друзьям, оставляем здесь, наверху. Как нам ни радостно, все же с некоторой грустью мы прощаемся с этим высоким лагерем и его крохотной палаткой. Признаемся — они были малоуютными. Но в воспоминаниях эти не совсем приятные моменты получают настоящую прелесть пережитых приключений, включая даже разлитую воду для чая.

Лезем по скалам вниз и шагаем через прилегающее снежное поле. Спуск проходит значительно быстрее подъема. Обходим все, даже маленькие, трещины. При подъеме мы их не видели, а теперь они мерещатся нам всюду.

У начала ледового гребня долго обсуждаем, следует ли нам связываться или спускаться без веревки. Мы решаемся на последнее. При спокойном спуске по хорошему льду можно с полной ответственностью отказаться от страховочной веревки.

С величайшей осторожностью спускаемся под гору. Лазанье вниз по крутому ледовому гребню имеет своеобразную прелесть. Оно создает впечатление парения в воздухе, так как слева и справа, наверху и внизу — воздух и пустота. Только тонкие зубья кошек связывают тебя с землей. Когда склон становится слишком крутым, поворачиваемся и вбиваем передние зубья кошек. От подъема сохранились на льду хорошие ступеньки, и местами видим след, вырубленный Визи при вчерашнем спуске.

Через два часа останавливаемся для основательного отдыха перед скальными башнями. Тут в углублениях между «льдами кающимися» находим снова достаточно воды.

Приятно идти через отвесные скальные башни. Мы даже не

пользуемся навешенной здесь нейлоновой веревкой и поднимаемся прямо по острому ребру гребня. С последней башни устанавливаем звуковую связь с лагерем I. Змарай, Виктор и Визи сидят перед палаткой и греются на солнце. Через ледовый склон торопимся вниз.

Радостно приветствуют нас друзья и угощают чаем и кофе, которые мы с удовольствием принимаем.

Виктор возбужден и по-настоящему горит предстоящим восхождением на вершину. Во что бы то ни стало он хочет запечатлеть ее на пленке. Ханспетер обещал его сопровождать, несмотря на то, что уже был на вершине. Дал уже свое согласие и Визи. Ханспетер может остаться с нами. Мы желаем нашим друзьям полного успеха и уходим вниз в базовый лагерь.

Теперь при спуске через ледовую стену несем громадные рюкзаки, так как собрали в лагере I все лишнее. Для наших трех товарищей без этого остается достаточно груза.

В те несколько дней, которые мы были на горе, вытаивание льда прогрессировало, затупившиеся зубья кошек уже не хотят как следует цепляться за лед. Как на раскаленных углях танцуем вниз по ледовой стене. Ледовый карниз уже частично обвалился. Громадная глыба застряла в верхней части между «льдами кающимися» и висит над нами. Облегченно вздыхаем, когда достигаем подгорной трещины и уходим из опасной зоны.

Теперь все трудности позади, и мы нагружаем себе на спину сколько возможно из оставленных здесь при подъеме грузов. Не важно, если измотанными вернемся в базовый лагерь. Времени для отдыха у нас с избытком.

Лед на плоском плато стал теперь скользким, гладким и доставляет нам много хлопот. Сегодня целые речки разливаются по нему, заливая наши ботинки. Но теперь нам все равно.

Поздно, во второй половине дня, Симон и я, вооруженные биноклем, уходим к краю ледника. Действительно, нам удастся обнаружить наших друзей непосредственно под лагерем II. В семь часов в ночное небо поднимается обусловленный ракетный сигнал, говорящий о том, что там, наверху, все в порядке.

Сегодня 6 сентября 1963 года. Через четыре дня здесь снова будут наши носильщики. Таким образом, нас троих ждет масса работы, чтобы навести порядок в наших вещах.

Два дня спустя Змарай, Виктор и Визи возвращаются в базовый лагерь и вся экспедиция в сборе. У всех превосходное настроение. Виктор также достиг вершины и смог ее заснять благодаря повторному восхождению Визи. Таким образом, весь состав экспедиции был на семитысячнике. Это нас радует больше, чем само первовосхождение. И наш Змарай все же поднялся до

лагеря II — блестящее достижение для начинающего в горах. Взяв высоту почти шесть с половиной тысяч метров, он теперь безусловно самый «высокий афганец». Конечно, у него были добрые намерения подняться выше лагеря II, на вершину. Желание-то было налицо. Аллах говорит: «Встречайте меня своими намерениями, а не вашими деяниями»!

Еще один-единственный день остался до возвращения. Мы им наслаждаемся по-настоящему. Каждый выбирает себе уединенное местечко, смотрит с него вниз на базовый лагерь и наверх на гордые вершины Гиндукуша, дарившие нам столько чудесных приключений. Радует нас и возвращению в долину, и путешествию по Афганистану и встречаем с его дружелюбным, приятным народом.

Сегодня очередь Виктора готовить праздничный пир. Он это делает от всего сердца и даже, переусердствовав, сварил макаронные изделия в кашу. Как сюрприз он преподносит нам пять литров шоколадного крема с двумя килограммами вишневых груш. Он все время повторяет, что нам необходимо теперь опять как следует кушать. Праздничный обед вполне уместен в честь окончания успешной работы экспедиции.

— Кроме того, я хочу сегодня отметить сорок шестую годовщину своего рождения! Я уже старый осел, не правда ли?

Бурными аплодисментами благодарим нашего Виктора за шоколадный крем и спешим поздравить его с днем рождения. Называет себя «старым ослом», а между тем, преодолев большие трудности, взойдя на семитысячник наравне с нами, молодыми, да к тому же запечатлел весь подъем на пленку.

Наш последний день в Гиндукуше начинается снова при лучезарном солнце и голубом небе. Не проходит много времени, как наши дорогие друзья из Вахана уже находятся здесь и помогают нам возвратиться в долину. Через морены и осыпи спускаемся на пастбище с его задумчивым озером, в котором отражаются горы. Последний взгляд бросаем на Шах, вершину Уруп и на наш семитысячник, гордую снежную вершину Арганди-Бала. К вечеру мы уже снова внизу, у черных вод Оксуса. Я дарю свои альпинистские брюки нашему носильщику Ахмаду Сайду, с которым я несколько дней тому назад убегал от смерти. Горные ботинки, ледорубы, кошки укладываются в машины. Мы снова пленники дороги, Гиндукуш отошел в прошлое. В прошлое, о котором мы все с удовольствием вспомним и которое мы не раз пожелаем себе снова в суматохе Европы.

Утром приходят к нашим машинам мужчины деревушки Арганд, чтобы попрощаться. Взрели моторы, и обратное путешествие началось. В селениях Уруп, Лангар и Шахар вдоль

дороги стоят мужчины, сопровождавшие нас в горах. Они давно нас ждали и хотят попрощаться с «Свисс-сахибами».

Каждому из этих ставших близкими нам горных таджиков подаем руку. Они, эти простые и честные горцы, были не только нашими носильщиками, они были нашими друзьями и товарищами!

Погода изменилась. Сегодня впервые за долгие месяцы в Вахане пошел дождь. Свирепый штормовой ветер бросает тяжелые капли на наши ветровые стекла, и белый холодный свежий снег блестит на окружающих горных склонах. Гиндукуш закутан в облака. Черные и непроглядные, они высоко вздымаются гигантской стеной над вершинами — выше, чем летает орел!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

«Неизведанный Гиндукуш» швейцарского альпиниста Макса Эйзелина — это не только книга о трудном, мужественном и увлекательном альпинистском спорте, о романтике первовосхождения на еще не покоренные высочайшие горные вершины. Это также книга об Афганистане, о сравнительно мало исследованных районах Бадахшана и Вахана, о их суровой и по-своему яркой природе и, конечно, немного о людях, населяющих этот соседний с нашим Памиром высокогорный край.

Прежде чем достичь Вахана, экспедиция швейцарских альпинистов проехала на автомобилях через весь Западный Гиндукуш — от столицы Афганистана на юге, в глубокой Кабульской котловине, до северных предгорных оазисов Пули-Хумри, Баглана, Кундуза, являющихся житницей страны, центром рисоводства, промышленного хлопководства и свекловодства. Здесь члены экспедиции в полной мере смогли убедиться, сколь важна для экономики Афганистана современная транс-гиндукушская автомагистраль «Саланг», которая в тот период (1963 г.) еще строилась при советской финансово-технической помощи, а в настоящее время уже открыта для круглогодичной эксплуатации. Вблизи перевала Зимистан на высоте 3300 метров проложен сквозной трехкилометровый туннель и возведено около пяти километров противополавиновых галерей.

Совершив затем автопутешествие через Бадахшан по долинам реки Кокчи и ее притоков, мимо древних высокогорных земледельческих оазисов Файзабада, Джурма, Бахарака, экспедиция попадает наконец в знаменитый Ваханский коридор. Это узкая полоска афганской территории (шириной всего от 16 до 68 км) между Советским Таджикистаном на севере, [ИР на востоке, Пакистаном и Индией на юге. Граница с СССР здесь проходит по Пянджу, а затем по одному из его истоков — реке Памир (автор всюду Пяндж именуется Амударьей или ее древнегреческим названием Оксус).

Южная граница афганского Вахана проходит в основном по осевому хребту Восточного Гиндукуша, так что Афганистану принадлежат только его северные склоны. Высочайшая вершина Восточного Гиндукуша пик Тирич-Мир (7690 м) находится на южном отроге в пределах Пакистана, а на территории Афганистана высшей точкой считается гора Нушак (7455 м).

Швейцарская экспедиция побывала лишь в западной части Восточного Гиндукуша и Вахана, которая значительно отличается от их восточной части. Если на западе, как это красочно описано

и иллюстрируется прекрасными photographиями М. Эйзелина, вздымаются высочайшие заостренные пики, покрытые ледниками, и склоны круто обрываются к горным долинам, то на востоке широко раскинулись высокогорные плато, местами покрытые сочными альпийскими лугами, над которыми возвышаются сравнительно невысокие горы с более мягкими формами и более слабым оледенением. Второй исток Пянджа — река Вахандаря — течет по широкой Ваханской долине между Восточным Гиндукушем на юге и Ваханским хребтом на севере (по нему частично проходит советско-афганская граница). Обе части Ваханского коридора различаются и по населению. На западе в высокогорных долинах живут преимущественно припамирские таджики (ишкашимцы, ваханцы, шугнанцы и др.) — древнейшее автохтонное земледельческо-скотоводческое население этого района, говорящее по-таджикски, но частично сохранившее свои древние восточноиранские языки (ишкашимский, зебакский, ваханский, шугнанский и другие, распространенные также и в соседних районах советского Памира). Каждая их деревня имеет выше в горах постоянное летовье с жилыми и хозяйственными постройками, куда на теплый сезон перегоняется скот: коровы, овцы, яки. В то же время на обширных плато Восточного Вахана обитают в основном киргизы, частично осевшие, частично совершающие небольшие перекочевки со своими стадами яков, коров и овец и войлочными юртами.

Подавляющее большинство населения Афганистана исповедует ислам суннитского толка. Только примерно десятая часть населения, в том числе упоминаемые М. Эйзелем хазарейды, придерживается другого направления в исламе — шиизма. Шиизм подразделяется на несколько сект. Наиболее значительна секта исмаилитов.

Исмаилизм, приверженцами которого являются многие таджики Бадахшана и Вахана, — одна из известнейших сект, несколько отличающаяся в своем учении от правоверного шиизма. Центр исмаилизма, в том числе одной из его основных сект — ходжа, в настоящее время находится в Индии. Исмаилиты — ходжа, или неоисмаилиты, к которым принадлежат и таджики Бадахшана и Вахана, — до недавнего времени почитали своего духовного главу индийского аристократа султана Мухаммад-шаха Ага-хана «живым богом» и сорок восьмым исмаилитским имамом. Ага-хан умер в 1957 году. Преемником его стал Карим, его внук. Фанатичные неоисмаилитские общины в разных странах собирают и направляют в Бомбей в резиденцию «живого бога» обильную дань, обеспечивающую ему сказочное богатство.

Местные религиозные наставники — ишаны (шахи) также

пользуются исключительным влиянием и получают приношения от своей паствы.

Вполне понятен тот постоянный и все растущий интерес, который проявляют советские читатели к нашему южному соседу — Афганистану. Между тем количество издаваемых книг об этой стране, тем более о таких крайне любопытных ее уголках, как Бадахшан и Вахан, пока еще не велико. Поэтому можно надеяться, что опубликование на русском языке книги М. Эйзелина в какой-то мере поможет удовлетворить запросы читателей.

Фотографии

1. Путь на автомашинах из Швейцарии в Афганистан

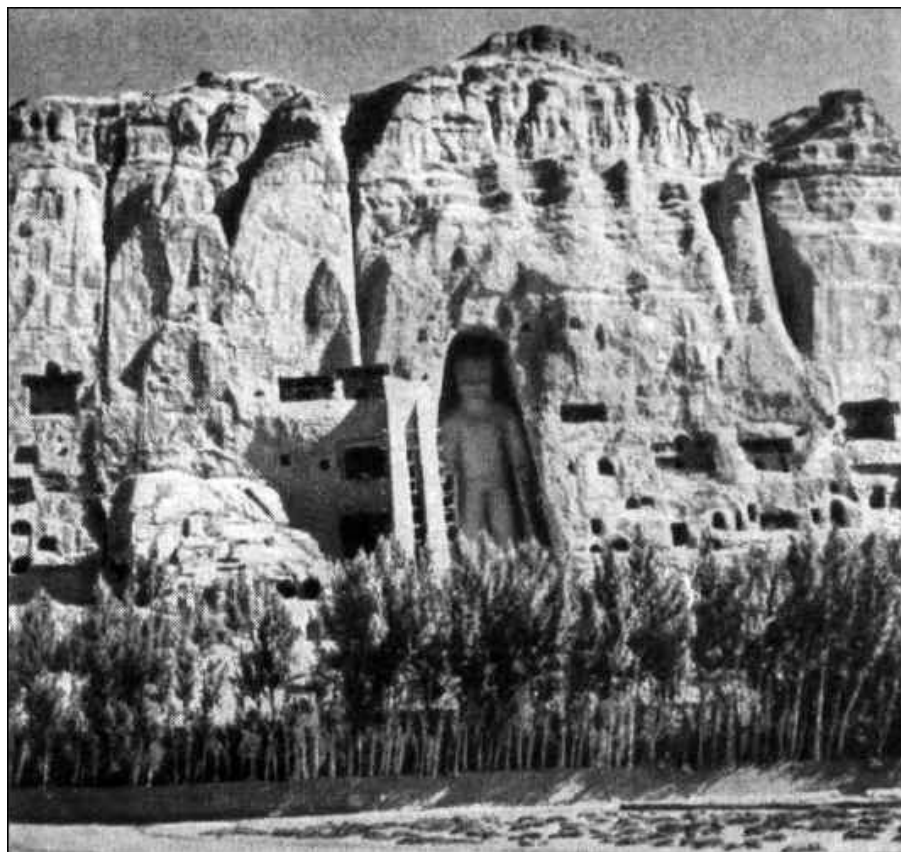
3. Участники экспедиции (слева направо): Алоиз Штриклер (Визи), автомеханик; Симон Буркхард, врач; Макс Эйзелин, руководитель экспедиции; Виктор Выз, кинооператор; Ханспетер Рыф, начальник материального снабжения

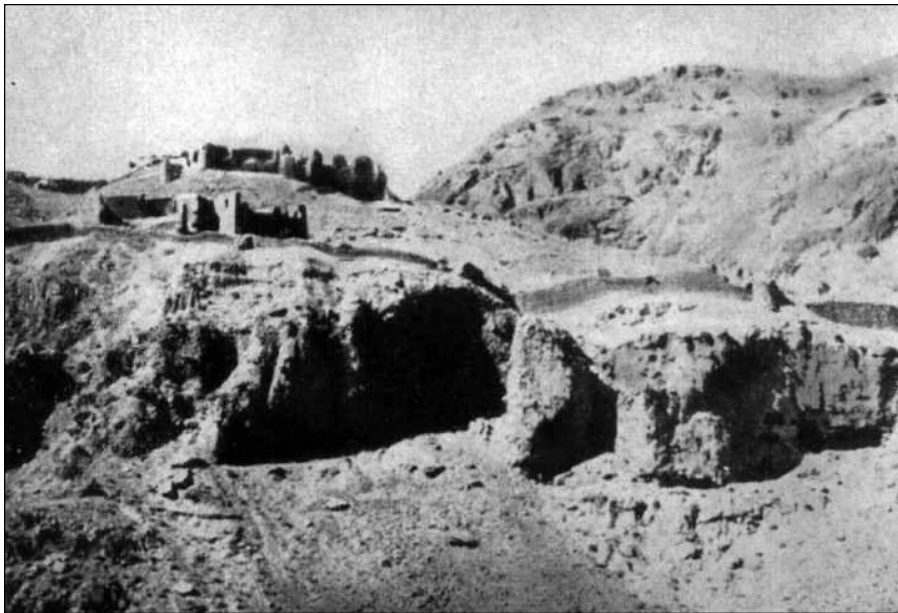
4. Встреча на «шёлковом пути»

5. Тоже встреча на дороге

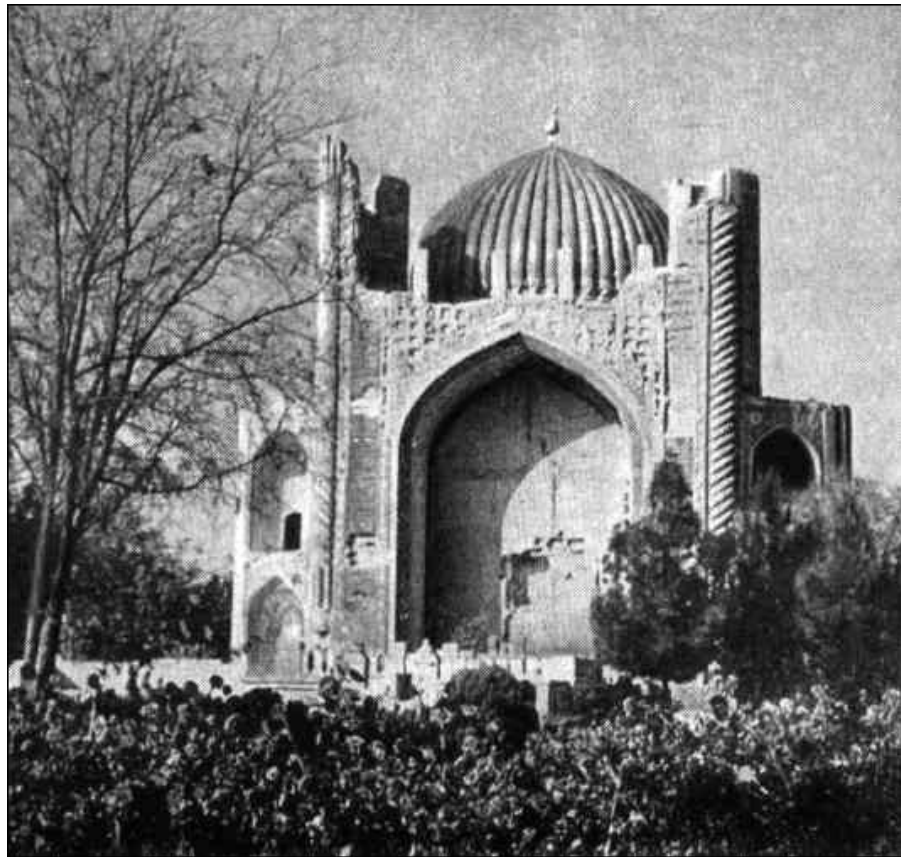
6. Фигура Будды, вырубленная в красной скале

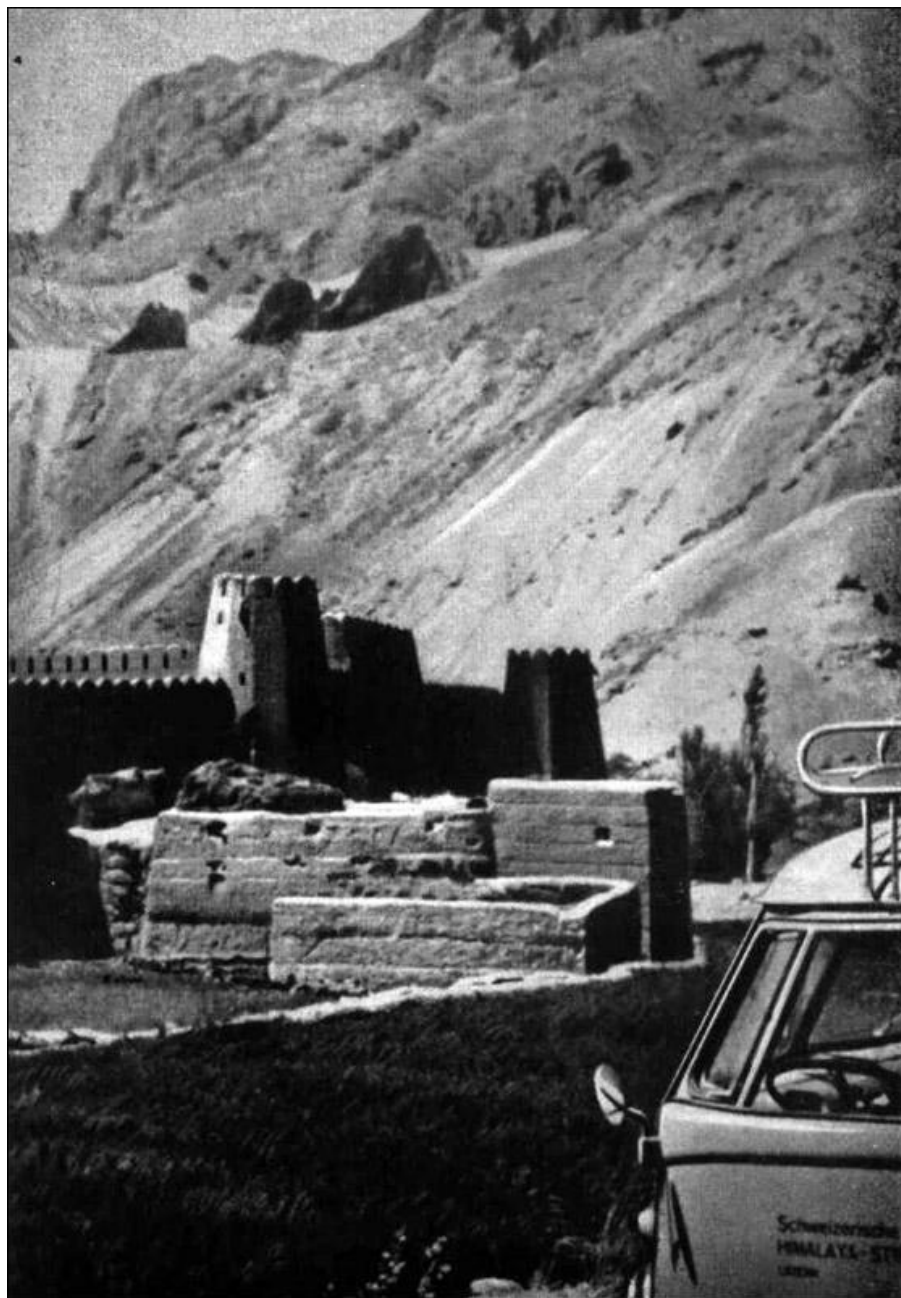
7. Развалины древней крепости у перевала Шибар

8. Остатки древней крепости

9. Мечеть в Балхе

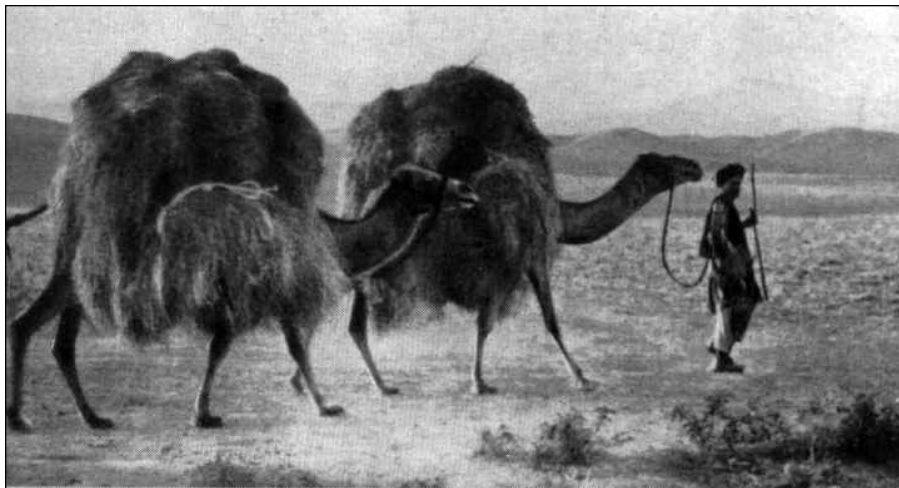
10. Даже крестьянские дворы похожи на средневековые крепости с высокими стенами и амбразурами

11. Чайхана в Кундузе на базарной улице

12. Бескрайние дали - родина афганцев

13. Верблюд - самое надежное транспортное средство

14. Шатры кочевников, приют вечно путешествующих

15, 16. Горные таджики Вахана - сильные носильщики и надежные друзья

17. Так живут кочевники

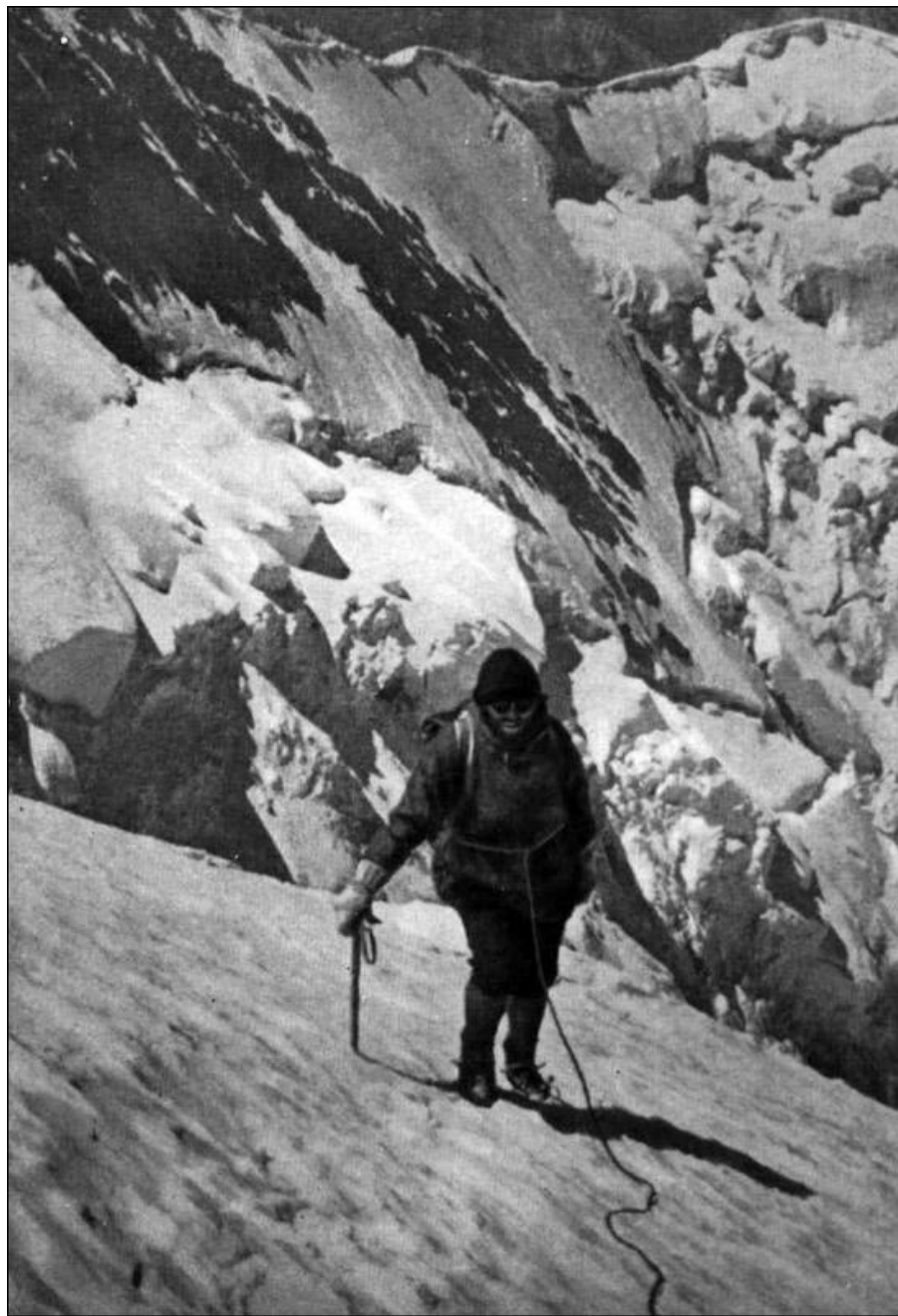
18. Носильщики во «льдах кающихся».

19. Симон Буркхард (л) и Ханспетер Рыф в базовом лагере - нашей крепости. На заднем плане вершина Арганд (7038 м)

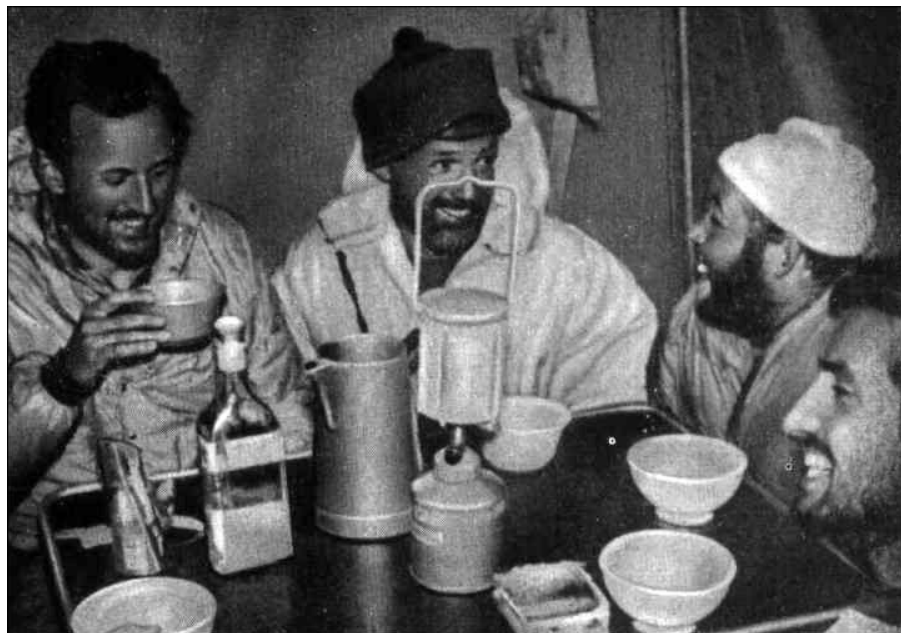
20. Пожилой таджик-носильщик на леднике

21. Симон Буркхард на предвершинном склоне нашего шеститысячника

22. «Льды кающихся» на «перевале Змарай» (5390 м)

23. Торжество по случаю взятия вершины, слева Макс Эйзелин, Виктор Вяз, Симон Буркхард, Змарай, Визи

*24. В базовом лагере. Наш доктор Симон Буркхард
перевязывает ожоги Ханспетера Рыф*

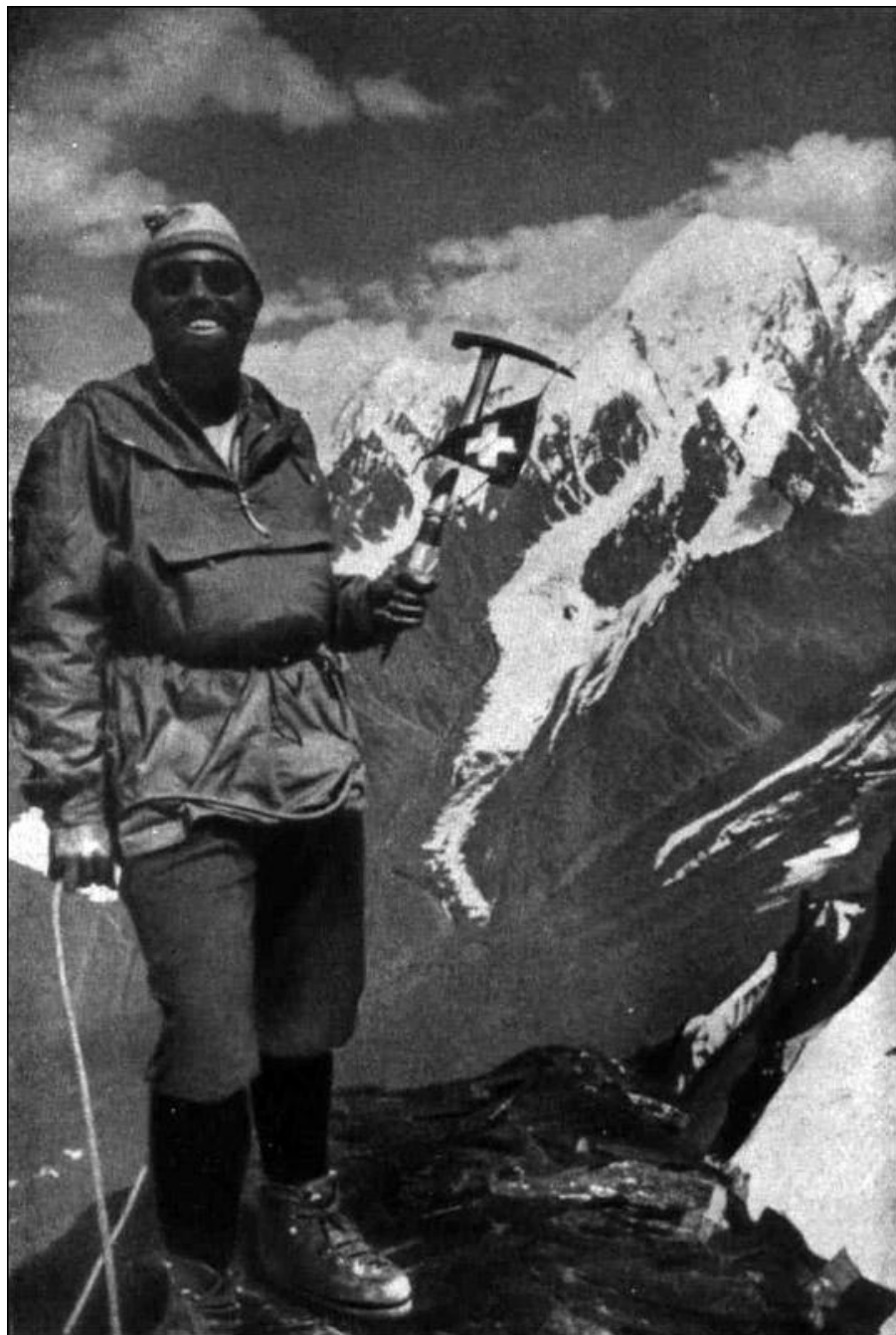
*25. 26 августа 1963 года швейцарский флаг впервые реял над
Гиндукушем*

26. Вид с «перевала Змарай» (5390 м) на западные семитысячники Вахана: Шахар, Надир-шах, Кохи-Кишм-хан

27. Вершина Уруп

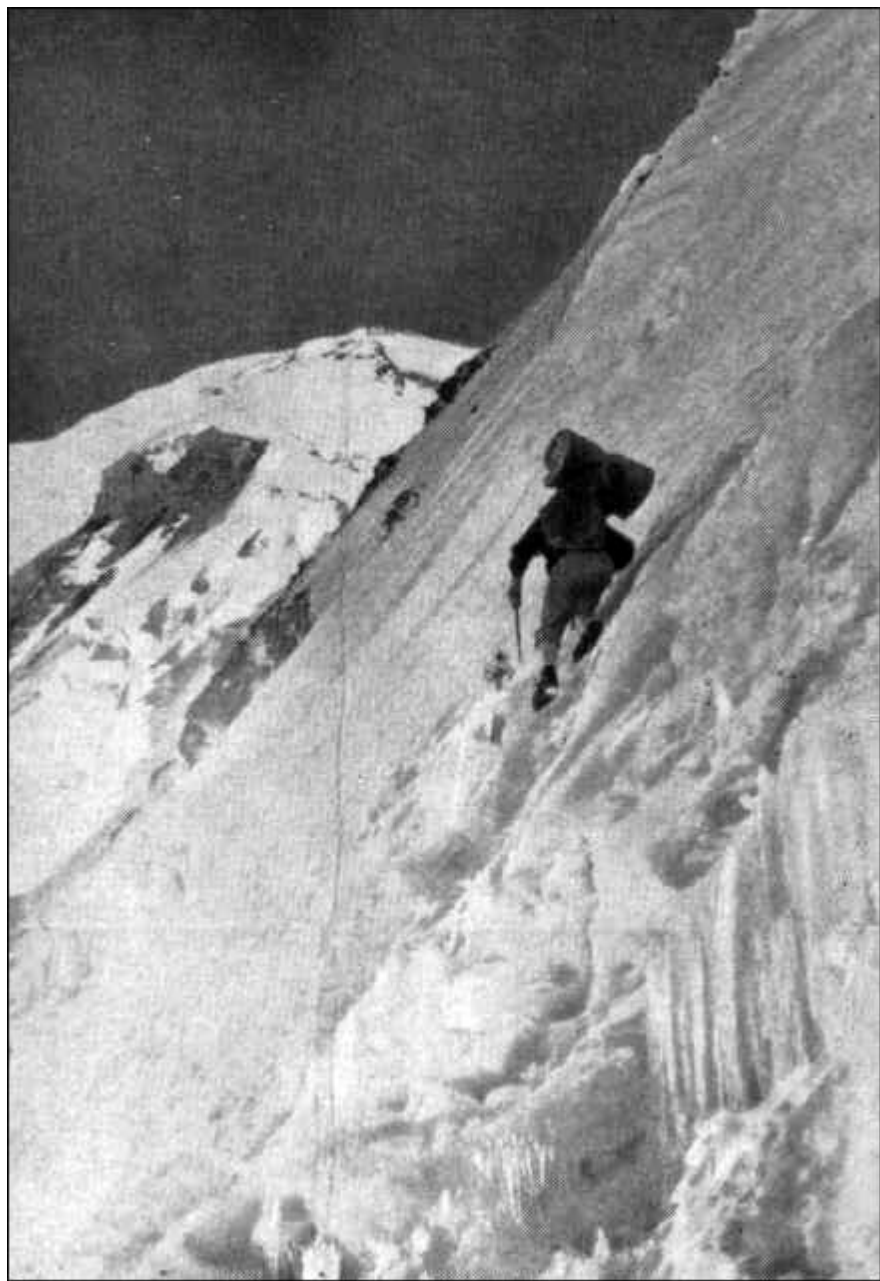
28. Симон Буркхард на вершине Уруп (5650 м). На заднем плане справа вершина Арганд (7038 м)

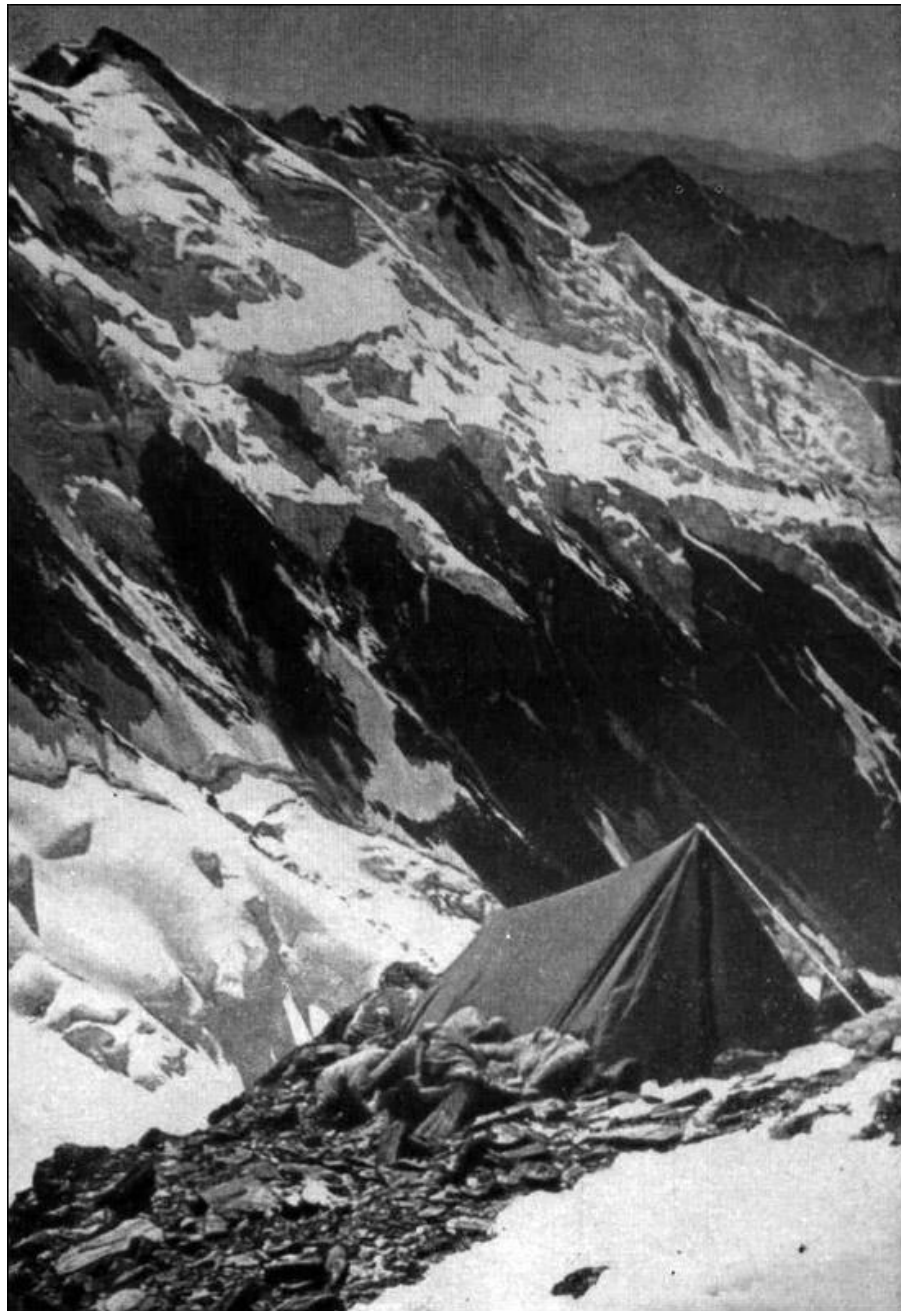
29. Вид с вершины Шаха на семитысячник Арганд (Ургенд)

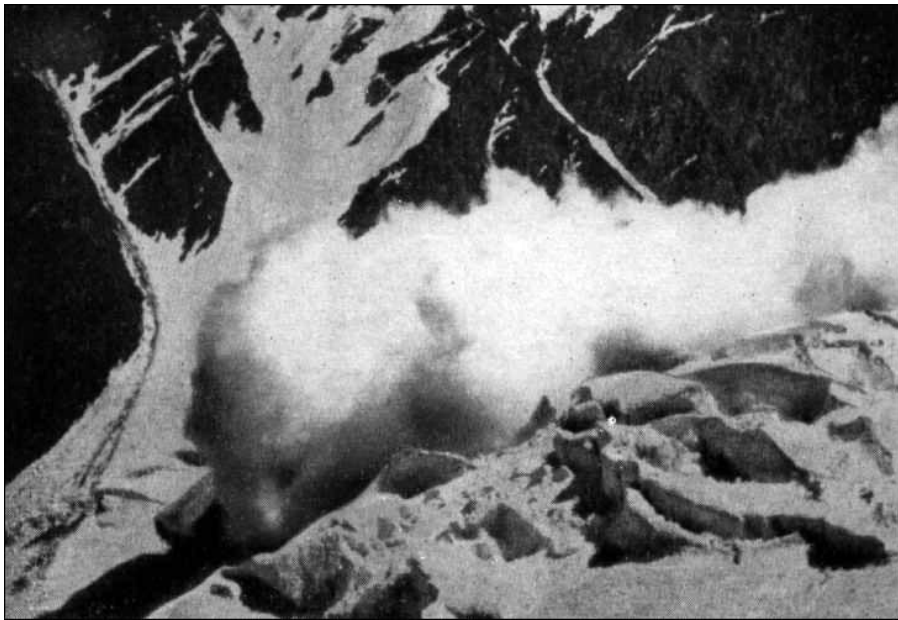
30. Вид из лагеря I

31. Макс Эйзелин переносит груз к лагерю I по ледовой стене

32. Лагерь II на Арганде (6400 м)

33. Ледовая лавина неожиданно устремилась на другую сторону ущелья

35. Изрезанный скально-ледовый гребень ведет от лагеря I (5400 м) на вершину Арганда (7038 м)

36. Симон Буркхард между лагерями I и II преодолевает скальные башни

*38. Вид с вершины Арганд. На заднем плане горный Мир
Читрала (Пакистан)*

39. Вид с вершины Арганд (7038 м) на вершины восточного Вахана